РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 2.

ФЕВРАЛЬ 1892 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6-го февраля 1892 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ

о предоставленіи учителямъ рисованія тѣхъ-же служебныхъ правъ, какими пользуются преподаватели прочихъ общеобразовательныхъ предметовъ въ гимназіяхъ.

Образованная при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ 1890 г., подъ предсѣдательствомъ г. товарища Министра Народнаго Просвѣщенія князя Волконскаго, коммиссія для пересмотра учебныхъ плановъ и программъ преподаванія въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, признала полезнымъ ввести рисованіе въ число обязательныхъ предметовъ въ трехъ младшихъ классахъ сихъ заведеній и, въ видахъ лучшей постановки этого предмета, предоставить учителямъ рисованія тѣ-же служебныя права, какими пользуются преподаватели прочихъ общеобразовательныхъ предметовъ въ гимназіяхъ.

Таковое предположеніе коммиссіи Министерствомъ было представлено Государственному Совѣту.

Государственный Совѣтъ въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія о служебныхъ правахъ учителей рисованія мужскихъ гимназій и прогимназій, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ измѣненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) На должности учителей рисованія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ назначаются преимущественно лица, окончившія курсъ въ классахъ рисованія и архитектуры Императорской академіи художествъ, въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ, въ классѣ архитектуры Московскаго училища живописи, ваянія и архитектуры, въ С.-Петербургскомъ центральномъ училищѣ техническаго рисованія барона Штиглица, а также въ Московскомъ Строгоновскомъ училищѣ.

2) Учителя рисованія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, относительно класса должности, чинопроизводства и мундира, пользуются правами, предоставленными преподавателямъ другихъ предметовъ въ сихъ заведеніяхъ (за исключеніемъ учителей черченія и чистописанія), и получаютъ пенсію по

учебной части вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія изъ оклада жалованья въ триста рублей въ годъ

Государь Императоръ изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ 18-й день минувшаго ноября, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 4-го декабря 1891 г., за № 20396, увѣдомилъ меня для руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу. (Цирк. С.-Петербургскаго учебнаго округа 1892 г. № 1).

По вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли производить 2% вычетъ на пенсію при выдачѣ вознагражденія сверхштатнымъ учителямъ, преподающимъ не менѣе 6-ти уроковъ въ недѣлю.

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ просилъ разъясненія Министерства по вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли производить 2% вычетъ на пенсіи при выдачѣ вознагражденіи сверхштатнымъ учителямъ, назначаемымъ, на основаніи ст. 55 устава гимназій и прогимназій 30-го іюля 1871 года и ст. 52 устава реальныхъ училищъ 9-го іюня 1888 года, и преподающимъ не менѣе 6-ти уроковъ въ недѣлю.

Вслѣдствіе сего г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъяснилъ, что такъ какъ, въ случаѣ опредѣленія сихъ лицъ на штатныя учительскія должности, время бытности ихъ сверхштатными преподавателями зачитывается имъ въ сроки выслуги пенсіи по учебной службѣ, то означенный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Объ изложенномъ его сіятельство, предложеніемъ отъ 9-го декабря 1891 г., за № 20734, сообщилъ мнѣ для руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу (Ib.).

Пожертвованія на сельскія училища въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая *).

Тяжелая невзгода, постигшая нѣсколько губерній вслѣдствіе неурожая прошлаго года, вызвала дѣйственное сочувствіе въ средѣ служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа. Особенно близко къ сердцу принято ими положеніе учащихся и учащихъ въ сельскихъ народныхъ школахъ: при временномъ истощеніи земскихъ средствъ, учителя не могли разсчитывать на правильное полученіе жалованья, а ученики лишались возможности посѣщать школу, такъ какъ весьма нерѣдко вынуждены были вмѣстѣ съ отцами ходить за подаяніемъ. Въ виду этого служащіе въ округѣ выразили желаніе отчислять извѣстный про-

---

*) Прилож. къ цирк. С.-Петерб. учебн. окр. 1891 г. № 1.

центъ съ своего содержанія и обращать собранныя деньги на прокормленіе учащихся и учащихъ въ сельскихъ школахъ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая. Всѣ такія пожертвованія стали сосредоточиваться въ управленіи округа. Размѣръ ихъ увеличивался постоянно и вся сумма съ октября 1891 по 1-е января 1892 года достигла 6.329 руб.; изъ нихъ въ декабрѣ мѣсяцѣ поступило 2.823 руб.

Имѣя въ виду, что расходы по продовольствію должны быть разсчитаны на все время до новаго урожая и что недостатокъ въ средствахъ населенія будетъ увеличиваться постоянно въ зимніе и весенніе мѣсяцы, необходимо было на первый разъ соблюдать крайнюю осторожность въ выдачѣ пособій, дабы имѣть возможность увеличить ихъ впослѣдствіи.

Съ другой стороны, только опытъ трехъ мѣсяцевъ могъ указать размѣръ постоянныхъ пожертвованій, которыя могутъ быть выдаваемы школамъ.

Этими соображеніями объясняется то, что до 1-го января сего года выслано было въ разныя мѣстности, пострадавшія отъ неурожая, только 1.807 руб. и осталось 4.522 р. 71 к.

Такой остатокъ даетъ возможность увеличить на будущее время размѣръ пособій и удовлетворить новымъ настоятельнымъ нуждамъ, о которыхъ будутъ получены болѣе точныя свѣдѣнія.

Исполняя желаніе жертвователей, попечитель учебнаго округа обратился къ попечителямъ Оренбургскаго и Казанскаго округовъ съ просьбой указать ему тѣ школы, которыя особенно нуждаются въ помощи. Попечитель Оренбургскаго учебнаго округа увѣдомилъ, что имъ учреждены благотворительные комитеты подъ предсѣдательствомъ инспекторовъ народныхъ училищъ, на которыхъ возложена забота о помощи нуждающимся учащимся, при чемъ указалъ въ особенности на два уѣзда—Шадринскій и Челябинскій — какъ наиболѣе пострадавшіе отъ неурожая. Вслѣдствіе такого извѣщенія, было немедленно выслано директорамъ училищъ Пермской и Оренбургской губерній по 250 р. каждому. Затѣмъ, когда попечитель сообщилъ, что въ Челябинскомъ уѣздѣ число нуждающихся учениковъ свыше 600, — во второй разъ послано было (21 дек.) 300 р. Оренбургскому директору, вторая-же посылка для Шадринскаго уѣзда оставлена въ прежнемъ размѣрѣ. Независимо отъ этого, частнымъ путемъ сдѣлалось извѣстнымъ, что изъ числа 123 учевицъ въ школѣ на Каменскомъ заводѣ, Камышловскаго уѣзда, многія нуждаются въ теплой обуви и въ горячей пищѣ. Поэтому выслано было учительницѣ названной школы 100 р. съ тѣмъ, чтобы она купила нуждающимся валенки и устроила столовую. Такимъ образомъ въ школы Оренбургскаго учебнаго округа выслано было всего 900 р., а ежемѣсячная высылка составляетъ 650 р. Этотъ размѣръ предполагается сохранить и на будущее время.

Попечитель Казанскаго учебнаго округа сообщилъ списокъ школъ Казанской губерніи, съ указаніемъ какъ общаго числа учащихся въ нихъ, такъ и числа нуждающихся; къ этому онъ прибавилъ, что въ министерскомъ сельскомъ училищѣ въ селѣ Бычуринѣ Чебоксарскаго уѣзда, съ 159 учащихся, возможно устроить столовую. Для устройства таковой 11 декабря выслано было 350 р., съ обѣщаніемъ высылать ежемѣсячно таковую-же сумму.

Самое живое участіе въ дѣлѣ приняли директоръ училищъ Самарско

губерніи М. Н. Грифцовъ и инспекторъ Николаевскаго уѣзда А. В. Беневоленскій. Стараніями послѣдняго устроены столовыя въ четырехъ училищахъ уѣзда съ 180-ю учащимися. Директоръ вошелъ въ сношенія съ Обществомъ Краснаго Креста для покупки у него муки; попечители училищъ обязались достать у болѣе состоятельныхъ крестьянъ квашни для хлѣба и чугуны для варки горячей пищи; стряпаютъ родственницы учителей и учениковъ; деревянныя чашки и ложки приносятъ сами учащіеся. При такихъ условіяхъ прокормленіе каждаго нуждающагося обходится въ 1 р. 38 коп. ежемѣсячно. Разсчетъ на 180 учащихся былъ сдѣланъ потому, что 11-го декабря выслано было директору училищъ Самарской губерніи 250 руб. Но въ виду заботливаго участія инспектора и значительнаго числа нуждающихся учениковъ въ Николаевскомъ уѣздѣ, 31-го декабря выслано для школъ этого уѣзда 300 р., а на будущее время предполагается высылать по 600 руб. ежемѣсячно. Благодаря той-же заботливости инспектора, въ Николаевскомъ уѣздѣ прокормленіе учениковъ обходится гораздо дешевле, чѣмъ въ прочихъ мѣстностяхъ: въ Шадринскомъ и Челябинскомъ уѣздахъ содержаніе учащагося стоитъ по 1 р. 60 к. въ мѣсяцъ, а въ Чебоксарскомъ по 2 р. 21 коп.

Въ общей суммѣ 1.807 руб., высланныхъ управленіемъ учебнаго округа, включены 51 р. 35 коп., переданные комитетомъ выставки пчеловодства въ залахъ Вольнаго Экономическаго Общества. Деньги эти назначены для школъ, при которыхъ имѣются классы пчеловодства и отправлены директору народныхъ училищъ Казанской губерніи.

Изъ сказаннаго видно, что съ января сего года и до новаго урожая предстоитъ высылать въ училища Оренбургскаго округа по 650 р. и Казанскаго по 950 р. ежемѣсячно, а всего по 1.600 р.

Судя по поступленію пожертвованій, въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, такія высылки обезпечены вполнѣ. Но до сихъ поръ по Казанскому учебному округу получены свѣдѣнія только изъ двухъ губерній. Сверхъ того, въ настоящее время инспекторъ народныхъ училищъ Архангельской губерніи собираетъ свѣдѣнія о положеніи учащихся въ школахъ Печорскаго и части Мезенскаго уѣздовъ, которые могутъ также нуждаться въ пособіи. Уже теперь въ одной изъ школъ Пинежскаго уѣзда устроена столовая и пожертвованія служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ Архангельской губерніи не высылаются въ управленіе округа, а расходуются па мѣстныя нужды. Все это заставляетъ быть осторожнымъ въ увеличеніи размѣра пособій и ограничиться пока прокормленіемъ одной тысячи учащихся въ четырехъ пострадавшихъ отъ неурожая губерніяхъ. По всему вѣроятію, число это скоро увеличится, такъ какъ ожидаются новыя свѣдѣнія о нуждающихся мѣстностяхъ.

Въ суммѣ пожертвованій, поступившихъ въ ноябрѣ и декабрѣ, значится: отъ почетнаго смотрителя Царскосельскаго городскаго училища г. Струбинскаго 500 р., отъ проф. Н. И. Карѣева 91 р. 47 к., затѣмъ, сборы съ концертовъ и подписокъ около 300 р.; всѣ прочія суммы образовались изъ добровольныхъ постоянныхъ взносовъ служащихъ, при чемъ весьма крупныя пожертвованія приходятся на долю низшихъ училищъ (Ib.) *).

---

*) Изъ приложенной таблицы прихода и расхода пожертвованныхъ суммъ видно, что къ 1-му января 1892 г. въ остаткѣ имѣлось 4.522 р. 71 к.

Правила о конкурсѣ на соисканіе преміи Н. Т. Рѣзваго за лучшую «исторію Финляндіи для школъ».

(Утверждены г. управлявшимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія).

1) Въ видахъ распространенія правильныхъ историческихъ свѣдѣній о прошлыхъ судьбахъ финляндскаго края, съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, по желанію и на средства домовладѣльца г. Гельсингфорса Николая Тимоѳеевича Рѣзваго, при Ученомъ Комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія назначается единовременная денежная премія въ *восемьсотъ рублей* за лучшую исторію Финляндіи для школъ на русскомъ языкѣ.

2) Дабы удостоиться преміи Н. Т. Рѣзваго, означенное сочиненіе должно удовлетворять, между прочимъ, слѣдующимъ условіямъ:

а) Исторія Финляндіи должна быть изложена отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени.

б) Въ сочиненіи съ особенною подробностью должны быть изложены судьбы православной вѣры въ Финляндіи и событія, касающіяся сношеній съ Финляндіею сѣверно-русскихъ областей въ древнѣйшее время и распространенія въ Финляндіи русской власти въ позднѣйшія времена, и

в) Сочиненіе должно представлять собою не учебникъ, а книгу для чтенія въ школѣ и дома; книга эта должна быть изложена по-русски общепонятнымъ языкомъ, такъ, чтобы она могла быть доступна для чтенія учащимся не только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ старшихъ отдѣленіяхъ народныхъ школъ.

3) Сочиненія для соисканія означенной преміи представляются въ Ученый Комитетъ не позднѣе 31-го декабря 1892 г. въ печатномъ видѣ, или же въ рукописи, при чемъ рукопись должна быть написана опрятно и разборчиво.

4) Сочиненіе, какъ печатное, такъ и рукописное, можетъ быть представлено безъ означенія имени автора, подъ какимъ-либо девизомъ и съ приложеніемъ запечатаннаго пакета подъ тѣмъ-же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства.

5) Въ случаѣ одобренія сочиненія, представленнаго въ рукописи, на автора возлагается обязанность прежде полученія преміи представить свой трудъ напечатаннымъ. Впрочемъ, въ видѣ пособія на печатаніе, половина преміи, то-есть 400 р., можетъ быть выдана автору до появленія его труда въ печати.

6) Для разсмотрѣнія представленныхъ на соисканіе преміи сочиненій Ученый Комитетъ назначаетъ изъ числа своихъ членовъ и постороннихъ, буде понадобится, лицъ особую коммиссію, предсѣдатель и члены которой утверждаются Министромъ Народнаго Просвѣщенія. По разсмотрѣніи сихъ сочиненій и по обсужденіи ихъ достоинствъ, заключеніе свое касательно присужденія преміи означенная комиссія представляетъ на разсмотрѣніе Ученаго Комитета, опредѣленіе котораго по сему предмету представляется на утвержденіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

7) На разсмотрѣніе сочиненій въ коммиссіи полагается не болѣе трехъ мѣсяцевъ, Ученый-же Комитетъ свое о нихъ заключеніе представляетъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія въ теченіи мѣсячнаго затѣмъ срока.

8) О результатахъ конкурса печатается во всеобщее свѣдѣніе въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», подробная-же рецензія сочиненія, удостоеннаго преміи Н. Т. Рѣзваго, вслѣдъ затѣмъ печатается въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія».

9) Въ случаѣ, если-бы ни одно изъ сочиненій, представленныхъ къ вышеозначенному въ ст. 3-й сроку (31-го декабря 1892 г.), не было удостоено преміи Н. Т. Рѣзваго, соисканіе оной отсрочивается на дальнѣйшее время по указанію Ученаго Комитета, который, въ случаѣ усмотрѣнной имъ надобности, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать болѣе подробныя указанія относительно условій, коимъ подобное сочиненіе должно удовлетворять. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г., январь.

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: *О. Кирхнеръ*. «Болѣзни и поврежденія нашихъ сельскохозяйственныхъ культурныхъ растеній. Руководство къ распознаванію ихъ и къ борьбѣ съ ними. Съ дополненіями примѣнительно къ Россіи», переводъ профессора *Гоби* (Спб. 1891 г. Цѣна 3 р. 8⁰, XII и 630 стр.)—одобрить для библіотекъ какъ высшихъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеній (мужскихъ и женскихъ), промышленныхъ училищъ, а также учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Полное собраніе проповѣдей *Димитрія*, архіепископа херсонскаго и одесскаго. Въ пяти томахъ. Томы: I и II. М. 1889.—Томы: III, IV и V. М. 1890 г.—рекомендовать для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Родная рѣчь. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и шестиклассной прогимназіи *В. А. Соколовъ*. М. 1891. Стр. XII+492. Цѣна 1 р. 35 коп.» — допустить къ употребленію въ видѣ учебнаго пособія для среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Пѣснь о Нибелунгахъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Съ средне-верхне-нѣмецкаго размѣромъ подлинника перевелъ *М. И. Кудряшевъ*. Изданіе журнала «Пантеонъ Литературы». Спб. 1890, стр. 437. Цѣна 2 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ (для старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжки: «Наглядное обученіе русскому языку для употребленія въ приготовительныхъ и младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній

Дерптскаго учебнаго округа. Составили *Д. Л. Фрейфельдтъ* и *Н. О. Лавровъ*. Въ двухъ отдѣлахъ: Отдѣлъ I. Человѣкъ и домашнія животныя. Изданіе 2-е. Ревель. 1890, стр. 112. Цѣна 40 коп.—Отдѣлъ II. Лѣсъ и лѣсныя или дикія животныя. Ревель. 1888, стр. 72. Цѣна 40 к.»—допустить для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа.

— Журналъ: «Филологическое Обозрѣніе. Журналъ филологіи и педагогики. Томъ I, книга 1. Москва. 1891. Редакторы-издатели: учитель Московской 3-й гимназіи *Андрей Адольфъ* и приватъ-доцентъ Московскаго университета *Владиміръ Аппельротъ*. Сроки выхода журнала четыре раза въ годъ. Цѣна съ пересылкой 6 руб. на годъ» — рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки гимназій и прогимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Энеиду Виргилія. Полное изданіе въ одномъ томѣ, съ введеніемъ и комментаріями. Издалъ *Д. И. Нагуевскій*, профессоръ Императорскаго Казанскаго университета. Казань. 1891, стр. XXVI+520. Цѣна 3 р. 60 к.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Упражненія по греческой этимологіи. Составилъ д-ръ *Эрнестъ Кохъ*, инспекторъ Петропавловскаго училища въ Москвѣ. Часть вторая. Курсъ четвертаго класса. Москва. 1891, стр. 128. Цѣна 75 коп.»—одобрить, какъ учебное пособіе по греческому языку въ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Учебникъ греческаго синтаксиса для гимназій. По Wendt Griechische Schulgrammatik и другимъ пособіямъ составилъ *Владиміръ Исаенковъ*, бывшій преподаватель древнихъ языковъ въ Москвѣ. Москва. 1891, стр. 152. Цѣна 80 коп.»—одобрить въ качествѣ руководства по греческому языку въ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. (Съ приложеніемъ программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу). Составилъ преподаватель Нижегородской классической гимназіи и педагогическаго класса Нижегородской Маріинской женской гимназіи *А. Кролюницкій*. М. 1890, стр. XX+377. Ц. 1 р. 80 коп.» — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Систематическій курсъ древней исторіи. Курсъ IV класса мужскихъ гимназій и прогимназій. (Составленъ примѣнительно къ новому учебному плану). *Николай Знайко*, преподаватель Одесской 2-й прогимназіи. Одесса. 1891, стр. VI+228. Цѣна 1 руб.» — допустить въ видѣ руководства для гимназій и прогимназій.

— Книги: 1) Грамоты и другіе историческіе документы, относящіеся къ Грузіи. Томъ I съ 1758 по 1774 годъ. Подъ редакціею *А. А. Цагарели*. Спб. 1891, стр. LXXII — 518». — 2) «Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Матеріалы, извлеченные изъ Московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ *Сергѣемъ А. Бѣлокуровымъ*. Выпускъ I. 1578—1613 г. М. 1889, стр. CXXX+584»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа.

— Книги: 1) «Neue deutsche Sprachunterricht. Methode und Lehrbuch

von *Mittelsteiner*, Oberlehrer. II Theil. Lehrbuch. Moskau. 1889. стр. 108. Цѣна 40 к.—2) Neue deutsche Sprachunterricht. Methode und Lehrbuch. Theil III. *E. M. Mittelsteiner*, Oberlehrer am Gymnasium Kreiman und der Realschule Masing. Учебникъ нѣмецкаго языка по новой методѣ. Методика и учебникъ *Э. Миттельштейнера*, старшаго преподавателя гимназіи Креймана и реальнаго училища Мазинга. Часть III. Москва. 1890, стр. IV+84. Цѣна 35 коп.»—допустить въ качествѣ руководства для первыхъ двухъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Учебникъ нѣмецкой грамматики для употребленія въ реальныхъ, коммерческихъ и военныхъ училищахъ, въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ, въ институтахъ, въ кадетскихъ корпусахъ, въ лицеяхъ и при домашнемъ обученіи. Lehrbuch der deutscher Sprache für den Schul-Privat- und Selbstunterricht. Составилъ *Г. Бергъ*, учитель гимназіи. Часть I. Этимологія. Москва. 1890, стр. VI+77. Цѣна 40 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Учебникъ нѣмецкаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *И. Гроспичъ*. Третья часть. Книга для чтенія и переводовъ, составленная примѣнительно къ новѣйшимъ учебнымъ программамъ для гимназій и реальныхъ училищъ. Москва. 1891, стр. XIV+267. Цѣна 90 коп.»—одобрить, какъ учебное пособіе для низшихъ классовъ реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій и допустить, какъ учебное пособіе для II и III классовъ мужскихъ гимназій.

— Книгу: «Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Составилъ *С. Чекала*, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. III курсъ. Москва. 1891, стр. X+182. Цѣна 80 коп.»—допустить, какъ учебное пособіе въ реальныхъ училищахъ и женскихъ гимназіяхъ.

— Книгу: «Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ *Иванъ Аллендорфъ*, преподаватель Кишиневскаго реальнаго училища. Одесса. 1891. Часть I для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 4-е, исправленное изданіе, стр. IX+172. Цѣна 80 коп. и часть II для среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 3-е, передѣланное изданіе, стр. X+257. Цѣна 1 рубль»—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для младшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книга: *Wilhelm Hauffe*. Märchen für Söhne und Töchter gebildeter Stande. Сказки *Вильгельма Гауффа*. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Приспособилъ и снабдилъ словаремъ *С. Чекала*, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища въ Москвѣ. Выпускъ I. Москва. 1891, стр. VIII+134. Цѣна 50 коп.»—одобрить для употребленія въ среднихъ и старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ учебнаго пособія при изученіи нѣмецкаго языка, а также для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки сихъ учебныхъ заведеній, для старшаго возраста.

— Книжки: 1) «Prof. Dr. *Otto Kohl*, Griechische Uebungsbuch für Secunda neben und nach Xenophons Anabasis. Halle. 1890» и 2) «Dr. *Karl Meissner*. Kurzgefasste lateinische Synonimik nebst einem Antibarbarus.

4-te verbesserte Auflage. Leipzig. 1889».—одобрить къ употребленію въ училищѣ св. Екатерины.

— Книгу: «Полный англо-русскій словарь, составленный *А. Александровымъ.* Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1891, въ 4-ю д. л. въ 2 столбца, стр. 865+9. Цѣна 5 руб.»—одобрить, какъ учебное пособіе при преподаваніи англійскаго языка въ реальныхъ училищахъ и въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподается англійскій языкъ, а также и для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій.

— Книгу: «*Е. Ф. Рейнбота*: Отвѣты на вопросы: какъ и изъ чего «это» дѣлается? Изъ области техническихъ производствъ. Изданіе седьмое, вполнѣ переработанное, съ алфавитнымъ указателемъ и 125 рисунками въ текстѣ. Спб. 1891, стр. XVI+463»—одобрить: 1) для библіотекъ промышленныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ, для ученическихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ, и 2) какъ пособіе при преподаваніи основаній товаровѣдѣнія и технологіи въ профессіональныхъ школахъ.

Теорія воспитанія въ классическомъ мірѣ.

(Окончаніе).

VI.

Теорія воспитанія въ Римѣ. Катонъ и Варронъ.

Умственно тяжелый на подъемъ, римлянинъ, этотъ практикъ, знавшій только свое поле, лагерь да судилище, могъ лишь въ крайнемъ случаѣ задуматься надъ такимъ мудренымъ вопросомъ, какъ воспитаніе дѣтей. Мы видѣли *), какъ долго ему даже и въ голову не приходило, что это—вопросъ, да еще первой важности. По его доморощеннымъ понятіямъ, ребенокъ всегда долженъ былъ изображать собой копію родителей. Онъ думалъ, не мудрствуя лукаво, что отецъ съ матерью суть единственные педагоги: пусть дѣти всегда будутъ возлѣ нихъ, это и будетъ для дѣтей школою или наукою жизни. Римлянинъ взялся за умъ, когда грянулъ громъ въ формѣ «разгрома старой дисциплины», наставшаго, къ его ужасу и изумленію, подъ вліяніемъ его-же излюбленныхъ войнъ. Воплощеніе военнаго римскаго генія, побѣдитель самого Ганнибала, Сципіонъ сталъ дерзкимъ и ужъ дѣйствительно непобѣдимымъ разрушителемъ древняго благочинія, совсѣмъ подчинившись эллинскому вліянію.

Этого не могли снести тѣ самобытники, которые считали себя «настоящими» римлянами, истинными «патріотами». Они стали размышлять о такой напасти, какъ какая-то чужая педагогія, которая съ неотразимымъ очарованіемъ прокрадывалась къ ихъ домашнему очагу и нравственно похищала ихъ дѣтей. Замѣтивъ, что одною властью, которая, понятно, еще была въ ихъ рукахъ, тутъ ничего не подѣлаешь, они стали критиковать новое явленіе, и въ этомъ поучительная сторона ихъ усилій. Иностранное вліяніе представляло не мало

---

*) «Русская Школа», 1890, октябрь.

слабыхъ сторонъ; оно проникало въ Римъ и въ формѣ «разложенія» древняго эллинизма, и въ формѣ эллинистической или александрійской культуры *). Эти самобытники интересны еще въ томъ смыслѣ, что, критикуя проникавшія въ Римъ чужія системы воспитанія, они такимъ образомъ выражали римскіе идеалы воспитанія и кончили тѣмъ, что, какъ усердные врачи, сами заразились язвой, которую старались искоренить. Все сказанное легко понять, если обобщить историческое явленіе: римскіе самобытники, вопіявшіе противъ «поврежденія нравовъ», то-же самое, что нѣмецкіе самобытники послѣ Наполеоновскаго разгрома или наши славянофилы въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Вспомните ихъ вождей, и вы увидите даже личное сходство между ними и героемъ римскихъ самобытниковъ— *Катономъ Старшимъ*.

Грубая, коренная натура стараго закала, отличный законникъ, адвокатъ и сельскій хозяинъ, Катонъ всю жизнь боролся съ новшествами и самъ 50 разъ подвергался обвиненіямъ. Образецъ древней простоты и крѣпости нравовъ, этотъ «строжайшій» изъ цензоровъ ненавидѣлъ вождя новаго направленія, своего рожденнаго врага, Сципіона, который былъ даже его сверстникомъ (оба родились въ 235 г. до Р. Х.). Его ярость распалялась отъ сознанія неудачи: дѣло его счастливаго соперника выгорало, по требованію исторіи, хотя «сабинскій мужикъ» и пережилъ на 35 лѣтъ поклонника Эллады. Всѣ черты этого цѣльнаго характера отразились въ его педагогіи. Катонъ самъ послѣдовательно воспитывалъ своего сына. Онъ заставилъ жену кормить его, всегда присутствовалъ при его купаньѣ и пеленаньѣ, самъ обучалъ его всѣмъ частямъ гимнастики, не исключая плаванья. Наконецъ, онъ составилъ для него учебники, которыхъ еще не бывало въ Римѣ. Оттого-то Квинтиліанъ назвалъ его первымъ писателемъ по педагогіи, а философъ Фронтонъ, при Траянѣ, говорилъ, что Катону, въ виду его заслугъ по обученію юношества, слѣдовало-бы поставить статуи во всѣхъ городахъ Италіи. Даже въ средніе вѣка называли его именемъ (Dicta или Apophthegmata Catonis) сборникъ разныхъ премудрыхъ изреченій, которые задалбливали въ школахъ на Западѣ.

Къ сожалѣнію, педагогическія сочиненія Катона почти совсѣмъ погибли для насъ. Но мы можемъ судить о нихъ по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ главнаго изъ нихъ — «Наставленія сыну» (Praecepta ad

---

*) Она разсмотрѣна нами въ августовской книжкѣ «Русской Школы» за 1890 годъ.

filium). Это—римскій Домострой. Тутъ было собрано все, что старикъ считалъ пригоднымъ въ жизни для молодаго человѣка,—и правила медицины и сельскаго хозяйства, и свѣдѣнія изъ исторіи, реторики, юриспруденціи и военной науки. Какъ видно, здѣсь было не мало дѣльнаго,—именно тамъ, гдѣ здравый смыслъ «сабинскаго мужика» не затемнялся ненавистью къ иноземщинѣ. Такъ, Катонъ мѣтко выставлялъ преимущества деревни, которая, по самой своей природѣ, менѣе подвержена язвамъ черстваго эгоизма и корыстолюбія. Онъ проповѣдывалъ трудолюбіе, безъ котораго лѣнь губитъ человѣка, какъ ржавчина желѣзо. Онъ видѣлъ краснорѣчіе въ умѣ и благородствѣ оратора: отъ него идетъ пословица—«знай дѣло, а слова сами придутъ» (rem tene, verba sequentur).

Менѣе интересенъ, по своему историческому положенію, но болѣе важенъ, чѣмъ «сабинскій мужикъ», *Варронъ*, жившій спустя слишкомъ сто лѣтъ послѣ него. Этотъ «ученѣйшій изъ римлянъ», археологъ, историкъ и педагогъ, былъ первымъ римскимъ библіотекаремъ при Цезарѣ. Въ массѣ своихъ сочиненій онъ часто касался воспитанія. Для насъ важнѣе всего его спеціальный трактатъ по педагогіи—«Катонъ, или о воспитаніи дѣтей», отъ котораго сохранилось, впрочемъ, лишь нѣсколько отрывковъ. Варронъ ведетъ воспитаніе съ появленія на свѣтъ ребенка. Драгоцѣнны его совѣты относительно кормилицъ, гигіены, игръ, обстановки въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Замѣчательно его предостереженіе воспитателямъ избѣгать всякаго рѣзкаго возбужденія дѣтей, въ особенности-же устрашенія: жизнь крѣпка и красна только доброю веселостью, спутниками которой служатъ пѣсни и музыка. Варронъ задумывался даже о женскомъ образованіи, хотя только съ чисто-практической точки зрѣнія. Онъ недаромъ назвалъ свое сочиненіе именемъ Катона. По духу, Варронъ былъ такой-же стараго закала римлянинъ, хотя онъ всему научился у Эллады. Въ своихъ «Меникковыхъ сатирахъ» онъ, подобно Аристофану, старчески брюжжалъ на свою современность. Онъ звалъ падающее нравственно человѣчество изъ растлѣнныхъ городовъ въ свѣжую, здоровую, скромную и трудовую деревню, которой даже посвятилъ особое сочиненіе. Варронъ написалъ также цѣлую энциклопедію учебниковъ (Disciplinarum libri IX), которая далеко оставляетъ за собой жалкую попытку Катона. Здѣсь весь тривіумъ (грамматика, риторика, діалектика), весь квадривіумъ (ариѳметика, геометрія, астрономія, музыка), да еще прибавлены медицина и архитектура. Потомъ два послѣдніе предмета отдѣлились, какъ спеціальныя науки,—и трудъ

Варрона сталъ одною изъ основъ схоластическихъ «семи свободныхъ искусствъ» *).

VII.

Цицеронъ.

Къ теоретикамъ воспитанія относятъ и *Цицерона* **), хотя онъ не оставилъ спеціальнаго сочиненія по педагогіи. Въ его многочисленныхъ трудахъ разсѣяно не мало практическихъ замѣчаній о воспитаніи, а вопросъ о подготовкѣ оратора даже впервые разработанъ имъ со всѣхъ сторонъ. Всѣ эти указанія драгоцѣнны, какъ характеристика взгляда вождя интеллигенціи древняго міра въ періодѣ его паденія, — вождя, которымъ такъ долго потомъ увлекалось человѣчество.

Цицеронъ считаетъ доступность воспитанію однимъ изъ отличій человѣка, какъ разумнаго существа. Онъ дорого цѣнитъ образованіе: подымать его есть высшая заслуга передъ государствомъ. По мнѣнію Цицерона, воспитаніе начинается съ первыхъ дней жизни ребенка, —этого крайне воспріимчиваго и переимчиваго существа. Все, начиная съ игръ и дѣтской обстановки и кончая религіей, которая особенно полезна для государства, должно служить къ укрѣпленію нравственности, и именно самовоздержанія, умѣренности. Чувственныя стремленія должно подавлять всячески, чуть не по спартански; впрочемъ, лучшимъ средствомъ служитъ развитіе честолюбія и славолюбія. Когда ребенокъ подростетъ, нужно особенно развивать въ немъ память, чтобы снабдить его возможно бо̀льшимъ запасомъ свѣдѣній: не мѣшаетъ прибѣгать даже къ помощи мнемоники.

Затѣмъ уже пусть юноша выбираетъ себѣ призваніе—какое угодно, лишь-бы оно было честное, а главное—соотвѣтствовало-бы его склонностямъ. Нашъ первый долгъ — не дѣлать ничего, что претитъ природѣ человѣка вообще, второй—слѣдовать собственной природѣ; только то можешь сдѣлать съ наибольшимъ успѣхомъ, что наиболѣе сродно тебѣ. Поэтому для всякаго обязательно разсмотрѣть свои умственныя способности и самому стать строгимъ судьей своихъ сильныхъ и слабыхъ сторонъ. Актеръ выбираетъ не лучшія роли,

*) См. нашу статью въ «Русской Школѣ», 1890, августъ.

**) Изъ новѣйшихъ сочиненій о Цицеронѣ наиболѣе важны для нашей цѣли два. *Boissier*: Cicéron et ses amis. 1865.—*Hinzel*: Untersuchungen zu Cicero's philosophischen Schriften. 3 Theile. 1877—1883.

а болѣе выгодныя для проявленія его дарованій: противъ «воли Минервъ» ничего не подѣлаешь. Лоренцъ Штейнъ замѣчаетъ по этому поводу: «Цицеронъ внесъ въ римскую жизнь широкую мысль греческихъ педагоговъ, что должно давать просторъ *индивидуальному* развитію, а не зашнуровывать духъ въ филологическую схему и въ отвратительное зубренье. То, что̀ всегда понималось греками, утрачено въ нынѣшнемъ мірѣ».

Особеннымъ вниманіемъ Цицерона естественно пользуется его конекъ: въ его глазахъ на свѣтѣ нѣтъ ничего выше удѣла оратора, но и ни отъ кого не требуется выполненія столькихъ условій. Ораторъ долженъ обладать и остроуміемъ діалектика, и глубокомысліемъ философа, и рѣчистостью поэта, и памятью юриста, и голосомъ трагика, и жестикуляціей великаго актера. Тутъ выразилась вся реторичность въ міровоззрѣніи классическаго міра. Но Цицеронъ жилъ на порогѣ новаго времени,—и его ораторъ служитъ также нравственнымъ цѣлямъ, принимая на себя роль эллинскаго философа. Кромѣ обладанія указанными многообразными талантами, онъ долженъ представлять собой образецъ великодушія, честности, благородства: это какой-то проповѣдникъ, потрясатель сердецъ. Для образованія такого человѣческаго совершенства требуются всѣ силы знакомой Цицерону педагогіи. Будущій ораторъ прежде всего долженъ переродиться въ эллина: Цицеронъ самъ преподавалъ своему сыну краснорѣчіе по-гречески и настоятельно требовалъ, чтобы онъ и въ письмѣ, и въ рѣчи пересыпалъ латынь перлами языка Гомера и Софокла. Затѣмъ юноша долженъ былъ прилежно упражняться въ экспромптахъ и трудолюбиво списывать лучшія мѣста изъ ораторовъ и писателей, чтобы забрасывать ими своихъ слушателей, какъ цвѣтами. Онъ долженъ былъ поражать аудиторію также своею ученостью. Къ его услугамъ находилась еще «humanitas», т. е. филологія, реторика, юриспруденція и «школа добродѣтели» — философія. Все это завершалось уже въ зрѣломъ возрастѣ, какъ совѣтовали Пиѳагоръ, Платонъ и Аристотель, изученіемъ политики, въ особенности-же отечественной исторіи.

Въ такой программѣ трудно было помѣститься еще чему-нибудь. Да и Цицеронъ сознательно не допускалъ ничего сверхъ гуманитарнаго обученія. Эллинскую гимнастику онъ отвергалъ съ презрѣніемъ, какъ дѣло не только пустяшное, но и непристойное: онъ напоминалъ о томъ, во что выродилась пресловутая «платоническая» любовь старшихъ къ младшимъ. Естествознанія-же, которое тогда только что зарождалось, Цицеронъ вовсе не понималъ. Онъ не считалъ нужнымъ

даже разсуждать о такомъ вздорѣ. Онъ спрашивалъ съ наивностью практика: «Ну, кто-же станетъ до того увлекаться изученіемъ природы, что не броситъ ученѣйшихъ задачъ, даже высчитыванія звѣздъ и вымѣренія вселенной, когда ему вдругъ скажутъ, что опасность грозитъ его отечеству, его отцу или другу?»

VIII.

Новый духъ въ воспитаніи. Сенека.

Какъ ни разнятся между собой во многомъ трое первыхъ теоретиковъ римской педагогіи, у нихъ есть одна общая черта, и черта замѣчательная, составляющая знаменіе времени. У всѣхъ у нихъ ясно проявляется *гуманность*, въ новомъ, небываломъ до-толѣ смыслѣ этого слова. Это не «humanitas» или такъ-называемыя «гуманитарныя», нравственныя науки, а человѣчность или привѣтливый братскій взглядъ на людей вообще и на молодежь въ особенности. Даже грубый «сабинскій мужикъ» проронилъ золотое, любвеобильное слово: «кто бьетъ жену и дѣтей, тотъ налагаетъ руку на величайшія святыни». Варронъ высказалъ много теплаго о добрыхъ отношеніяхъ къ нашему ближнему и додумался до тонкаго заключенія, что страхъ, внушаемый ребенку, мѣшаетъ воспитателю узнать его характеръ. Цицеронъ совѣтовалъ учителю быть всегда спокойнымъ, сдержаннымъ, прибѣгать къ наказанію только въ крайнихъ случаяхъ, подобно врачамъ, которые лишь поневолѣ пускаютъ въ ходъ хирургическіе инструменты. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы учитель не прибѣгалъ къ наказаніямъ въ гнѣвѣ и чтобы наказаніе не было унизительнымъ.

Духъ новаго времени уже вполнѣ явственно отразился въ философѣ *Сенекѣ* *), который жилъ сто лѣтъ спустя послѣ Цицерона. Извѣстно, что многіе отцы церкви считали его тайнымъ христіаниномъ: долго вѣрили даже сказанію, что онъ находился въ перепискѣ съ ап. Павломъ.

Сенека, павшій жертвой подозрительности и кровожадности собственнаго питомца, Нерона, жилъ въ самомъ средоточіи нравственнаго разложенія, овладѣвшаго высшимъ обществомъ уже въ началѣ имперіи. Это разложеніе достигало при немъ опасныхъ размѣровъ. Бранью становилось уже не «пунійское» или «греческое», а «римское» честное слово (fides romana) этихъ плантаторовъ и спекулян-

---

*) *Probst*: Seneca aus seinen Schriften. 1879.

товъ, обладавшихъ властью надъ міромъ. Къ эпикурейству низшаго разбора присоединилось лицемѣрное услужничество передъ безграничнымъ произволомъ цезарей. Ложь, риторство овладѣвали даже литературой, которая превращалась въ забаву просвѣщенныхъ сластолюбцевъ. Въ городахъ, при внѣшнемъ лоскѣ образованности, распространялись кровавые бои, грязныя бани, нелѣпая атлетика грековъ и этрусковъ да сальный пантомимъ съ его «безстыжими» (impudici) пѣсенками. Пытались даже завести бѣга дѣвицъ. Жалкая музыка и непристойные танцы, утративъ внутреннее развитіе, сошли съ подмостковъ, перешли въ частную жизнь, на безшабашные пиры богачей. Для насъ важнѣе всего фактъ распаденія семьи. Распущенность нравовъ приводила къ тому, что дѣти считались бѣдствіемъ: холостая жизнь, вытравленіе плода, подкидываніе новорожденныхъ становились обычнымъ явленіемъ и Италія начала безлюдѣть. Цезари издавали законы въ защиту дѣтей и противъ распутства, а сами подавали примѣръ легкости нравовъ. Со временъ Нерона возникла «придворная педагогія» (paedagogia aulica), этотъ первообразъ средневѣковаго пажества: красивыя дѣти рабовъ, однолѣтки, разряженныя въ одинакія платья, щеголявшія куафюрой и нѣжностью кожи, исполняли должность очарованныхъ Ганимедовъ за столомъ и у постели цезарей, вельможъ и богачей.

Такъ-же смотрѣли и вообще на дѣтей родители высшаго общества. Правдивый Квинтиліанъ говоритъ: «Мы съ дѣтства расплываемся въ наслажденіяхъ. Это размягченное воспитаніе, которое мы называемъ снисходительностью, ослабляетъ всѣ нервы духа и тѣла. Чего не захочетъ тотъ, кто уже ребенкомъ ходилъ въ пурпурѣ? У насъ дитя еще не можетъ произнести ни одного слова, а ужъ понимаетъ гастрономію — подавай ему устрицъ. Мы воспитываемъ не столько характеры, сколько нашъ желудокъ. Наши дѣти выростаютъ въ носилкахъ: они парятъ, какъ птицы, когда сходятъ съ нихъ; ихъ подхватываютъ подъ руки. Насъ забавляетъ, когда они скажутъ какую-нибудь наглость: тутъ мы улыбаемся и цѣлуемъ ихъ. Немудрено: вѣдь, мы-же научили ихъ этому; они слышали это отъ насъ. Они видятъ нашихъ подозрительныхъ подругъ. Они слышатъ непристойныя пѣсни, которыми оглашается каждое наше пиршество, и видятъ они здѣсь то, о чемъ стыдно говорить. Отсюда привычка, которая вскорѣ обращается во вторую природу. Несчастные обучаются всему этому, еще и не зная, что̀ это за позоръ... А вотъ, отдаютъ ребенка на руки ни къ чему негодной греческой рабынѣ или рабу. Они живо напичкаютъ его нѣжную душу сказками и всякимъ вздо-

ромъ. Эти рабы позволяютъ себѣ при ребенкѣ все, что можетъ оставлять на немъ скверное впечатлѣніе». Подобныя же картины воспитанія рисуютъ намъ Ювеналъ, Горацій и Лукіанъ.

Болѣе серьезныя натуры, какъ всегда, были встревожены такимъ паденіемъ нравовъ. Они смущались и задумывались тѣмъ болѣе, что вѣчно парили въ этомъ водоворотѣ пошлостей, отъ вліянія которыхъ имъ самимъ трудно было уберечься. Страстный испанецъ, Сенека, испыталъ это на себѣ: онъ былъ жаденъ, тщеславенъ, любилъ наслажденія; природное легкомысліе сквозитъ во внѣшнемъ блескѣ, въ риторской напыщенности его сочиненій. Но этотъ даровитый человѣкъ былъ способенъ одуматься. Ему становилось страшно отъ замѣченной имъ бездны, въ которую погружались сливки общества. Онъ началъ оплакивать молодежь, которая бѣгала за скоморохами, обжиралась, пьянствовала, развратничала, а учителя свободныхъ искусствъ сидѣли одиноко по угламъ и школы краснорѣчія и философіи превращались въ пустыни. Въ этомъ чувствѣ жгучаго раскаянія главное значеніе сочиненій Сенеки: они необходимы для изученія эпохи, какъ протестъ противъ нравственныхъ язвъ, гнѣздившихся въ самомъ авторѣ. Эти сочиненія своеобразны болѣе по формѣ, чѣмъ по содержанію, которое заимствовано у стоиковъ. Но въ нихъ яснѣе, чѣмъ во всей прежней литературѣ, слышится то вѣяніе новаго духа, которое породило вышеупомянутое сказаніе. Сенека не оставилъ ни одного спеціальнаго трактата по педагогіи; но прямое воспитательное значеніе принадлежитъ его письмамъ и многимъ мелкимъ сочиненіямъ по нравственной философіи.

Для Сенеки все дѣло въ нравственномъ воспитаніи, которое принадлежитъ главнымъ образомъ Провидѣнію, разобранному авторомъ въ цѣломъ отдѣльномъ сочиненіи. Всѣ педагогическія мѣры, всякое обученіе служатъ лишь къ достиженію добродѣтели и свободы, которая заключается въ повиновеніи Богу. Оттого Сенека скорбѣлъ о распространенномъ въ его время стремленіи къ многознайству, о забвеніи золотаго правила — «учиться не для школы, а для жизни». Считая человѣка существомъ «строптивымъ по природѣ и падкимъ ко всему запретному и опасному», онъ высоко ставитъ собственно воспитаніе, какъ прямое исправительное средство, и ведетъ его съ самаго нѣжнаго возраста. Основаніемъ ему должна служить «гуманность» въ новомъ смыслѣ этого слова. Вотъ симпатичный идеалъ наставника: «Наша плата учителю не окупаетъ того духовнаго образованія, тѣхъ благородныхъ стремленій, которыя онъ доставляетъ намъ путемъ науки. Мы оплачиваемъ трудъ, а не самое дѣло,

*

работу, а не его заслугу, особенно если онъ не только учитель, но и другъ нашъ, если онъ своимъ доброжелательствомъ и дружелюбіемъ пріобрѣтаетъ прочныя права на нашу признательность. Такого человѣка, который всѣмъ дѣлится съ нами и пробуждаетъ наши дремлющія дарованія, мы должны цѣнить, какъ добраго врача, какъ лучшаго изъ нашихъ благожелателей». При такомъ наставникѣ можетъ-ли быть рѣчь о наказаніяхъ, жестокостяхъ? «Какой отецъ прибѣгнетъ къ крайнимъ мѣрамъ, не исчерпавъ всѣхъ мягкихъ?» восклицаетъ Сенека и прибавляетъ глубокомысленно: «много наказующій несправедливо наказуетъ». Напротивъ:—ласковымъ и благороднымъ обращеніемъ давайте просторъ развитію ребенка: «духъ растетъ, когда не стѣсняютъ его; рабское обращеніе ослабляетъ его; не доводите своего питомца до унизительныхъ просьбъ, не давайте ему достигать цѣли этимъ путемъ». Давайте всегда отдыхъ ребенку только такъ, чтобы онъ не залѣнился или не сталъ заниматься пустяками. Этотъ добродушный взглядъ хорошо оттѣняется еще въ двухъ случаяхъ. Сенека старался выработать изъ своего царственнаго питомца «отца отечества». Цезарь, по его мнѣнію, долженъ любить своихъ подданныхъ, какъ дѣтей, и забывать себя для нихъ. Его власть тогда только прочна, когда всѣ убѣждены, что онъ существуетъ «не столько надъ ними, сколько для нихъ». Ему не приличествуетъ, какъ отцу, предаваться неумолимому гнѣву. Тотъ жестоко ошибается, кто думаетъ, будто цезарю безопаснѣе всего тамъ, гдѣ ничто не безопасно отъ него: самая надежная и даже единственная его твердыня—любовь его подданныхъ. Еще замѣчательнѣе взглядъ Сенеки на соціальныя отношенія. Онъ возвѣщаетъ, что человѣческія права священны сами по себѣ и повсюду, безъ различія состояній, націй и породъ. Тутъ всѣ люди равны, не исключая рабовъ: въ добродѣтели нѣтъ различія между рабомъ, отпущенникомъ и полноправнымъ гражданиномъ. Всѣ люди одинаковаго происхожденія: они различаются между собой только степенями познанія и духовнаго развитія. Всѣ люди страдаютъ недостатками, совершаютъ прегрѣшенія и проступки. У всѣхъ одна мать—природа или божество, и одна цѣль за гробомъ. Отсюда горячій протестъ Сенеки противъ мстительности и всякаго кровопролитія,—какъ противъ звѣринаго и гладіаторскаго боя, такъ и противъ войны: дѣлай добро даже врагу — вотъ его окончательная основа нравственности.

Съ гуманностью связана другая основа—*индивидуализмъ*, выдвинутый уже Цицерономъ. Сенека видитъ различіе въ характерахъ съ самаго дѣтства: это—плодъ различія въ самыхъ элементахъ нашей

природы. Какъ у врачей «подобное излечивается подобнымъ», такъ и педагогъ долженъ приноравливаться къ каждой дѣтской душѣ въ отдѣльности. Но чадолюбіе само легко можетъ служить къ погибели дѣтей. Не должно баловать ребенка, въ особенности же льстить ему: бѣда, если мамаша все будетъ утирать ему глазки, а папаша защищать отъ притѣсненій воспитателя. Не позволяйте дѣтямъ ничего вынуждать у васъ, выканючивать, выплакивать: исполните ихъ желаніе, если оно невинно, только тогда, когда они успокоятся. Окружайте дѣтей хорошими людьми, такъ какъ примѣръ — первое дѣло въ воспитаніи. Но дѣлайте такой-же строгій выборъ въ обученіи. Тутъ у Сенеки особенно ясно выразилось основное правило стоицизма—будь умѣренъ во всемъ, живи поближе къ основнымъ требованіямъ природы. Къ чему эта масса книгъ и библіотекъ, когда во всю жизнь не прочтешь однихъ ихъ каталоговъ? Отнюдь не должно расплываться въ знаніяхъ, нахватывать ихъ отовсюду: кто вездѣ, того нѣтъ нигдѣ. Нѣтъ ничего вреднѣе для здоровья, какъ частая смѣна лекарствъ; нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ думать, что полезно много читать: изобиліе книгъ лишь разслабляетъ умъ. Для большинства, особенно для страстныхъ натуръ, довольно чтенія поэтовъ и историковъ, сообщающихъ занимательные разсказы, да еще немного музыки и даже гимнастики. Только даровитыя натуры должны углубляться въ философію и въ естествознаніе, которое даетъ лучшее познаніе божества. До чего Сенека почиталъ естествознаніе, видно изъ того, что отъ него остался первый учебникъ физики—Quaestionum naturalium libri VII.

По взгляду на задачи воспитанія, въ особенности-же по критикѣ того, что̀ дѣлалось въ педагогіи въ ихъ время, къ Сенекѣ примыкаютъ *Тацитъ* и *Плиній-Младшій*. Въ твореніяхъ великаго историка разбросано не мало любопытныхъ указаній въ этомъ смыслѣ; но наиболѣе педагогическое значеніе имѣетъ его «Агрикола», какъ идеалъ воспитанія той эпохи. Плиній Младшій часто и прямо касается, въ своихъ «Письмахъ», разныхъ вопросовъ педагогіи. Все это, однако, случайныя и мелкія замѣтки. Но Римъ далъ и одного настоящаго спеціалиста-педагога: это—Квинтиліанъ, имѣющій выдающееся значеніе въ теоріи воспитанія классическаго міра.

IX.

Квинтиліанъ.

Симпатичный, вдумчивый Квинтиліанъ († 120 г. по Р. Х.) уже при своей жизни пользовался большою извѣстностью и всеобщимъ

уваженіемъ. Онъ 20 лѣтъ содержалъ собственную школу, въ которой учились Плиній Младшій и, кажется, Тацитъ. Современный ему поэтъ назвалъ его «славой римской тоги». Императоръ Домиціанъ довѣрилъ ему воспитаніе своихъ родственниковъ и почтилъ его званіемъ консула. Квинтиліанъ первый получилъ оффиціальный титулъ «professor eloquentiae» и казенное жалованье. Его слогъ считался образцовымъ; какъ литературный критикъ, онъ игралъ роль оракула; открывшіе его творенія гуманисты временъ Возрожденія съ ума сходили отъ радости.

Для насъ важнѣе всего то, что онъ оставилъ трактатъ объ ораторскомъ искусствѣ *), въ которомъ прослѣжено тогдашнее воспитаніе римлянина отъ колыбели до завершенія карьеры. Его побудило къ тому отцовское чувство, именно опасеніе, что смерть не дастъ ему довершить воспитаніе своего любимаго, единственнаго сына. Правда, цѣль этого произведенія—выработка именно оратора; мало въ немъ и системы. Притомъ у Квинтиліана нѣтъ ничего своего: тутъ все—эллинизмъ, то чистый, то въ цицероновской переработкѣ. Но въ основѣ его воззрѣній лежатъ тѣ широкіе идеалы міровоззрѣнія аѳинянъ, которые уже стали чаяніемъ лучшихъ людей въ Римѣ. Римлянинъ проглядываетъ лишь въ одномъ: «академикъ» по своему философскому направленію, Квинтиліанъ, однако, практикъ, какъ педагогъ: онъ извлекаетъ изъ жизненнаго опыта свои дѣльные и доходящіе до мелочей совѣты. Оттого-то онъ смотритъ на ребенка, какъ на ввѣренный намъ драгоцѣнный сосудъ, за которымъ должно ходить съ минуты его появленія на свѣтъ, осторожно наполняя его лучшимъ содержаніемъ, по мѣрѣ развитія юной души. Онъ совѣтуетъ начинать съ самаго строгаго выбора няньки: лучше всего, если это будетъ нравственная, умная и краснорѣчивая гречанка. Нужно озаботиться и подборомъ игрушекъ, которыя, въ свою очередь, много говорятъ уму и сердцу ребенка. Вообще первоначальное воспитаніе должно происходить не иначе, какъ съ помощью игръ и забавъ, дабы не насиловать еще слабаго ума дитяти. Тутъ «педагогъ» кстати легко знакомится съ характерами дѣтей, которыя, увлекаясь играми, невольно проявляютъ свои прирожденные склонности. Этотъ педагогъ долженъ быть лучшаго достоинства: Квинтиліанъ протестуетъ противъ доселѣ не искорененнаго мнѣнія разсчетливыхъ родителей, что на первый разъ можно ограничиться плохенькимъ воспитателемъ, «цѣною подешевле».

Сознаніе эллинскихъ идеаловъ римлянами выразилось лучше всего въ томъ, что Квинтиліанъ озабоченъ созданіемъ не римскаго граж-

*) *Biel*: Ueber Quintilian's «Institutio oratoria» 1882.

данина, а человѣка. Оттого у него выдвинутъ на первый планъ *индивидуализмъ* въ педагогіи—великое начало, которое становилось въ Римѣ преданіемъ со временъ Цицерона и было поддержано Ювеналомъ, удачно замѣтившимъ, что только старики походятъ другъ на друга. По мнѣнію Квинтиліана, природа—первое дѣло въ воспитаніи. Тутъ невѣроятное разнообразіе: почти столько-же видовъ душъ, сколько видовъ тѣлъ. Учитель долженъ имѣть въ виду различныя дарованья и наклонности дѣтей, точно такъ-же, какъ гимназіархъ, который изъ одного ученика дѣлаетъ бѣгуна, изъ другаго—борца и т. д. При обученіи нужно помнить, что одинъ наиболѣе склоненъ къ исторіи, другой — къ поэзіи, третій — къ юриспруденціи, а для иного самое лучшее будетъ—управлять плугомъ. Нужно особенно избѣгать двухъ ошибокъ: не требовать отъ ребенка того, чего нельзя исполнить, и не отвлекать его отъ того, въ чемъ онъ силенъ, ради того, въ чемъ онъ слабѣе. Квинтиліанъ бралъ въ разсчетъ даже различіе возрастовъ, на которое тогда мало обращали вниманіе: для дѣтей разныхъ лѣтъ должны быть разныя наказанія и разное пользованіе даже однимъ и тѣмъ же предметомъ.

Послѣ этого не трудно было додуматься, какъ до души школы, до *гуманности*, которая, какъ мы видѣли, уже раньше проникала въ сознаніе общества. У Квинтиліана много драгоцѣнныхъ замѣчаній въ этомъ смыслѣ, которыя не мѣшаетъ припомнить и теперь. Онъ требуетъ, чтобы каждый учитель хорошо зналъ теорію обученія: иначе онъ не съумѣетъ снизойти до ученика, чтобы затѣмъ подниматься вмѣстѣ съ нимъ, идя съ нимъ нога въ ногу. Нужно принять за правило, что чѣмъ образованнѣе учитель, тѣмъ понятнѣе его наука, и наоборотъ, а главное—тѣмъ лучше онъ можетъ служить образцомъ для наиболѣе свѣдущихъ учениковъ. Чѣмъ добросовѣстнѣе учитель, т. е. чѣмъ онъ добрѣе, сдержаннѣе и внимательнѣе, тѣмъ болѣе и ученики должны почитать его, какъ отца. Только та школа хороша, гдѣ учителя и ученики идутъ на встрѣчу другъ другу. Учителя должны стараться, подобно кормилицамъ, давать дѣтямъ мягкую пищу, «насыщать ихъ, такъ сказать, млекомъ пріятнаго обученія». Первоначальное ученіе должно быть забавой (ludus). Особенно старайтесь, чтобы дитя, которое еще не въ состояніи полюбить науку, не возненавидѣло ее и не приходило потомъ въ ужасъ отъ своего дѣтства, припоминая испытанную горечь. Играйте съ ребенкомъ, просите его, похваливайте, устраивайте всегда такъ, чтобы работа доставляла ему удовольствіе. Иногда, если ему не хочется учиться, учите при немъ другое дитя, чтобы ему стало завидно. Можно устраивать и состязанія,

и пусть каждый изъ состязающихся воображаетъ, что побѣдитель—именно онъ. «Я по собственному опыту знаю, говоритъ нашъ авторъ,—какъ полезно соревнованіе. Въ школѣ, гдѣ я учился, соревнованіе было особенно сильно; быть первымъ въ классѣ считалось высшимъ благомъ. Черезъ каждые 30 дней состязаніе возобновлялось ради того, чтобы побѣдитель не дремалъ, а побѣжденный старался съ досады снять съ себя позоръ».

Материнская заботливость и опытное знаніе дѣтской природы видно у Квинтиліана и въ наставленіяхъ о такихъ мелочахъ, какъ обученіе грамотѣ. Отнюдь не должно спѣшить съ чтеніемъ: вѣдь, если дать ребенку непосильную работу, онъ запнется, смутится, станетъ повторяться; онъ надѣлаетъ ошибокъ, а ошибка подрываетъ довѣріе къ себѣ самому. При обученіи письму также нужно начинать съ самыхъ легкихъ буквъ и водить рукой ребенка по нацарапанному грифелемъ на восковой дощечкѣ.

То-же нѣжное чувство, опирающееся на широту воззрѣній, должно руководить педагогомъ и въ обхожденіи съ дѣтьми болѣе зрѣлаго возраста. Тотъ не педагогъ, кто раздѣляетъ предразсудокъ толпы—будто лишь избранники одарены способностью учиться. Напротивъ, стремленіе къ умственному развитію — такое-же общее отличіе человѣка, какъ летаніе и плаваніе у птицъ и рыбъ. Нужно только умѣть пользоваться этимъ божественнымъ даромъ, этою неоцѣненною впечатлительностью и переимчивостью дѣтей, которыя составляютъ родникъ любознательности.

Вопреки требованіямъ педагогической субординаціи педантовъ, Квинтиліанъ совѣтовалъ давать свободу уму юноши, изучающаго реторику, и не подавлять его мелочами. Онъ не приходилъ въ ужасъ отъ «излишества» (exuberantia), а привѣтствовалъ его, какъ признакъ таланта. Онъ доказывалъ, что больше всего подаетъ надеждъ бойкая головка, которая искренно дерзаетъ выдумать что-нибудь, которая даже беретъ на себя слишкомъ много, которая радуется своему изобрѣтенію, хотя-бы оно было и не совсѣмъ удачно. Излишеству легко помочь, а, вотъ, при безплодіи—плохо. Не ждите многаго отъ той юной головы, въ которой разсудочность обнаруживается раньше остроумія. Квинтиліанъ даже прямо желалъ, чтобы первые опыты обличали избытокъ мыслей, выходили изъ указанныхъ учителемъ предѣловъ. Время унесетъ много излишняго; опытъ сгладитъ остальное; иное само собой исчезнетъ отъ упражненія. Вообще не должно запугивать юношей слишкомъ строгими, мелочными поправками, ибо они теряютъ бодрость духа, впадаютъ въ мрачное настроеніе и, наконецъ, пріобрѣтаютъ

отвращеніе къ наукѣ. А хуже всего то, что они начнутъ всего бояться и уже ни на что не рѣшатся.

Да будетъ позволено намъ заявить, что въ нашей практикѣ воспитанія мы далеко не всегда встрѣчали такія глубокія воззрѣнія даже среди дѣльныхъ педагоговъ...

Обученіе облегчается и скрашивается *смѣною занятій.* Замѣчательно, что тогда уже въ обществѣ видѣли то, что и теперь видимо не для всѣхъ въ кругу спеціалистовъ. Тогда сознавали одинъ изъ первородныхъ грѣховъ педагогіи, вытекшій изъ того-же первобытнаго взгляда на умственное достоинство человѣка, который въ нравственной сферѣ привелъ къ розгѣ. Мы разумѣемъ спутницу этой послѣдней—узкость школьныхъ задачъ, которая народила такія упорныя поговорки, какъ «повтореніе есть мать ученья» (repetitio est mater studiorum) и «немногое, но много» (non multa, sed multum). Сознаніе этого грѣха проникало даже въ массы, благодаря такимъ популярнымъ писателямъ, какъ Ювеналъ. Замѣчая, что попугайное повтореніе крошечныхъ мыслишекъ и фактцевъ убиваетъ самого педагога, сатирикъ восклицаетъ: «все одна и та-же капуста — смерть бѣднымъ учителямъ!» Онъ припоминалъ стоика Зенона, который утверждалъ, что дѣтскіе учителя сами легко становятся дѣтьми. Квинтиліанъ прибавлялъ, что даже вредно, если долго преподаетъ одинъ и тотъ-же учитель. Но онъ еще глубже заглянулъ въ корни зла. Онъ видѣлъ, что отсюда проистекаетъ педагогическая злоба нашихъ дней—пресловутое «переутомленіе». Словно предчувствуя долгое господство «многаго въ немногомъ», этой основы схоластики, которую тщетно старались разглашать богатыри эпохи Возрожденія, Квинтиліанъ завѣщалъ намъ золотое правило, которое привѣтствуютъ теперь медики и физіологи: «гораздо легче дѣлать многое, чѣмъ тянуть одно и то-же» (adeo facilius est multa facere quam diu). Эти люди «не видятъ, сколько можетъ вмѣстить человѣческій духъ, который такъ подвиженъ и проворенъ (velox), до того какъ-бы озирается на всѣ стороны, что просто не въ состояніи дѣлать что-нибудь одно, но работаетъ въ одинъ и тотъ-же день, даже въ одно и то-же мгновеніе, надъ многимъ. Сколько-бы мы ни сдѣлали, мы всегда, такъ сказать, воспріимчивы (recentes) для новаго. Съ другой стороны, кто не отупѣетъ, если ему придется цѣлый день имѣть дѣло съ *однимъ* учителемъ какой-бы то ни было науки? Тутъ перемѣна оживляетъ точно такъ-же, какъ разнообразіе пищи укрѣпляетъ желудокъ, мало отягощая его... Пусть-же скажутъ мнѣ, есть-ли какая иная метода обученія? Нечего бояться, что дѣтямъ трудно будетъ

учиться: ни одинъ возрастъ не утомляется такъ мало. Словомъ, дайте смѣну занятій—и пусть начинаютъ учиться возможно раньше и возможно *больше*».

Но это не значитъ, чтобы дѣти учились безпрерывно. Напротивъ. Квинтиліанъ развилъ мысли Цицерона и Сенеки о необходимости *отдыха.* Онъ требуетъ не только роздыха между часами преподаванія, но и школьныхъ праздниковъ или каникулъ. Это необходимо, потому что «любознательность коренится въ волѣ, а волю нельзя насиловать; обновясь и освѣжась, дѣти хватаются за ученіе съ болѣе бодрымъ духомъ». Квинтиліанъ прибавляетъ глубокомысленно: «и игры служатъ знакомъ бодрой головы; а тѣ, что вѣчно хмурятся и вѣшаютъ голову, не внушаютъ мнѣ надежды, чтобы они обнаружили при ученьи живой духъ».

Къ облегченію ученья относится *наглядность.* Въ описываемое время любили повторять стихъ Горація: «труднѣе проникнуть въ душу тому, что идетъ черезъ одинъ слухъ, нежели тому, что показывается и мѣткому глазу». То-же говорили Цицеронъ, Сенека и Квинтиліанъ. Они даже основывали на зрѣніи мнемонику, причемъ не исключались и предметы отвлеченные. Квинтиліанъ совѣтуетъ «заучивать по одной и той-же бумажкѣ, на которой сначала было записано требуемое мѣсто: такъ слѣдуешь какъ-бы по пятамъ за памятью, видишь умственнымъ окомъ не только цѣлыя страницы, но и строчки, и, произнося слова, словно про себя читаешь написанное». Онъ требовалъ, чтобы изучали азбуку отнюдь не по однимъ звукамъ, но одновременно и по изображенію буквъ. Не говоря уже про рано возникшія географическія карты, недавно доказано, что по крайней мѣрѣ съ III-го вѣка по Р. Х. въ римскихъ школахъ употреблялись учебники и даже хрестоматіи съ картинками. Встрѣчаются и своего рода иллюстрированные историческіе атласы,—именно собраніе мраморныхъ рельефовъ съ изображеніями на одной сторонѣ и историческимъ текстомъ—на другой.

При такомъ гуманномъ и широкомъ взглядѣ на воспитаніе, теоретики не могли не пытаться разрушить царство *розги*, этого, по словамъ Марціала, «скипетра педагоговъ», который приходилось еще воспѣвать поэтамъ отъ Горація до Авзонія, писателя IV вѣка. Тогда уже во всѣхъ классахъ общества многіе стыдились пресловутой «ферулы»: даже одинъ изъ императоровъ, Гордіанъ, плакалъ каждый разъ, какъ узнавалъ о существованіи «школы, шумящей хлыстаньемъ», выражаясь словами Авзонія. Сложилась поговорка, что не

страхъ, а «презрѣніе къ проступкамъ» (odium peccandi) — лучшее лекарство противъ нихъ.

Наконецъ, спеціалистъ-педагогъ сказалъ свое вѣское слово. У язычника Квинтиліана собраны всѣ главные доводы противъ розги, поучительные и для людей, живущихъ христіанскою любовью. «Мнѣ,— говоритъ онъ,—вовсе не желательно, чтобы били дѣтей, хотя это и общепринято. Прежде всего, это—отвратительное холопство (deforme atque servile) и, конечно, оскорбленіе (injuria), какъ свидѣтельствуетъ всякій взрослый. Затѣмъ, дитя съ такими низкими чувствами (mens inliberalis), что на него не дѣйствуетъ выговоръ, притерпливается и къ дранью, какъ всѣ дрянные рабы. Да дранье и не понадобится, если надзиратель всегда на-лицо въ школѣ. А у насъ воображаютъ возмѣстить нерадивость воспитателей тѣмъ, что, вмѣсто того, чтобы пріучать дѣтей вести себя хорошо, наказываютъ ихъ за то, что они не дѣлаютъ этого. Наконецъ, если на ребенка и подѣйствуютъ тѣлесныя наказанія, то что будемъ дѣлать съ юношей, котораго этимъ уже не испугаешь? Не забудемъ еще одного: нерѣдко случается, что подъ розгами, отъ боли или изъ страха, ребенокъ сдѣлаетъ что-нибудь неприличное, а потомъ стыдится, и этотъ стыдъ подавляетъ, угнетаетъ его, заставляетъ его избѣгать общества и погружаетъ его въ апатію. А представьте себѣ, что при выборѣ надзирателей и учителей мало думали объ ихъ нравственности: до какой-же мерзости могутъ дойти недостойные люди, злоупотребляя этимъ правомъ тѣлесныхъ наказаній?»

Отвергая ферулу, какъ безнравственное средство, Квинтиліанъ тѣмъ самымъ доказывалъ, какъ высоко онъ ставитъ нравственность въ воспитаніи. Она у него вездѣ на первомъ планѣ. Съ какою заботливостью совѣтуетъ онъ дѣлать строгій выборъ изъ поэтовъ, въ особенности изъ лириковъ, которые слишкомъ откровенно изображаютъ всякія страсти! Онъ видитъ даже въ прописяхъ и стилистическихъ упражненіяхъ средство къ усвоенію учениками нравственныхъ правилъ. Для него идеалъ оратора—честный человѣкъ. «И мудрецы, и неученые всегда были того убѣжденія, что дурной человѣкъ непремѣнно и глупецъ; а глупецъ не можетъ быть ораторомъ. Нѣтъ ничего гибельнѣе и для общественнаго, и даже частнаго блага, какъ краснорѣчіе, если имъ пользуется порокъ».

Что касается *обученія*, то Квинтиліанъ, конечно, понималъ его въ самомъ широкомъ смыслѣ. Оттого онъ ставилъ правиломъ, что нужно начинать обученіе возможно раньше, хотя-бы посредствомъ игръ. Ученикъ прежде всего долженъ былъ изучать греческій языкъ,

какъ орудіе просвѣщенія и корень латинской рѣчи. Подготовкой къ реторической школѣ должна была служить вся «энциклопедія» въ александрійскомъ значеніи этого слова, причемъ не отвергались также танцы и гимнастика. Конечно, Квинтиліанъ отдавалъ предпочтеніе словесности; но онъ выдвигалъ еще исторію, совѣтуя даже заучивать мѣста изъ образцовыхъ бытописателей. Важнѣе всего, что въ лицѣ Квинтиліана римляне впервые признали общеобразовательное значеніе за математикой. Они увидѣли въ ней средство къ возбужденію духа, къ изощренію таланта и особенно быстроты соображенія. Квинтиліанъ находилъ даже сродство между нею и реторикой въ смыслѣ развитія способности умозаключеній. Въ этомъ отношеніи римляне примкнули потомъ къ Эвклиду: нѣкоторыя сочиненія его были переведены, въ отрывкахъ, на латинскій языкъ въ III вѣкѣ по Р. Х.

Весьма ясно поставленъ у Квинтиліана одинъ изъ важныхъ вопросовъ, донынѣ волнующій педагоговъ. Что предпочтительнѣе—*школа, или семья?* По его мнѣнію, не дурно соединять частное обученіе съ общественнымъ. А гдѣ это невозможно, тамъ всегда должно предпочесть свѣтъ хорошей школы темному уединенію домашняго воспитанія. Всякій дѣльный учитель чувствуетъ себя приподнятымъ при многолюдствѣ учениковъ; а плохіе наставники обыкновенно любятъ учить по одиночкѣ, сознавая свою слабость. Дома питомецъ учится лишь тому, что̀ преподается ему одному, а въ школѣ и тому, что̀ говорится другимъ; а это весьма полезно. Въ школѣ разжигается и честолюбіе; а оно, хотя само по себѣ и порокъ, но часто служитъ источникомъ добродѣтели. Вступая въ жизнь, учащійся въ одиночку какъ-бы ослѣпляется свѣтомъ солнца и спотыкается обо все новое. Въ одиночествѣ его умъ дремлетъ и какъ-бы ржавѣетъ; не то, наоборотъ, топырщится отъ пустаго воображенія, такъ какъ ему не съ кѣмъ сравнивать себя. Если нерѣдко бываетъ вредно сближеніе съ кучей другихъ дѣтей, за-то и дома нерѣдко нравственность страдаетъ отъ дурныхъ воспитателей и рабовъ, даже при хорошихъ родителяхъ. Вообще, все зависитъ отъ свойствъ каждаго ребенка и отъ ухода за нимъ. А если при порочной наклонности замѣчается небрежность въ воспитаніи, въ охранѣ юношеской стыдливости, то одиночество дастъ не меньше поводовъ къ разврату, чѣмъ товарищество.

Квинтиліанъ долго имѣлъ рѣшительное вліяніе на педагогію. Христіанское духовенство учило по его указаніямъ до XI вѣка. Затѣмъ преданія классическаго міра стали забытыми словами, а педагогическое сочиненіе Квинтиліана совсѣмъ затерялось на цѣлыхъ три вѣка.

Въ концѣ XIV стол. оно было открыто гуманистами. Болѣе ста лѣтъ спустя, знаменитый Эразмъ сказалъ: «Квинтиліанъ такъ основательно написалъ объ обученіи, что будетъ почти дерзостью писать послѣ него о томъ-же предметѣ». И начались переводы Квинтиліана на новые языки: его теорія опять стала однимъ изъ элементовъ европейской педагогики.

А. Трачевскій.

В. П. Коховскій въ роли организатора народныхъ чтеній въ Соляномъ городкѣ *).

Милостивыя государыни и милостивые государи!

Въ многосторонней дѣятельности покойнаго директора Педагогическаго музея, Всеволода Порфирьевича Коховскаго, такъ ярко очерченной передъ вами въ предшествовавшей рѣчи П. Игн. Рогова, было указано и на народныя чтенія, какъ на видную сторону дѣятельности Педагогическаго музея. Дѣйствительно, народныя чтенія, какъ весьма серьезный факторъ въ дѣлѣ народнаго образованія, заслуживаютъ особаго вниманія съ нашей стороны.

Многіе смотрятъ на народныя чтенія только какъ на средство отвлеченія народныхъ массъ отъ празднаго и подчасъ вреднаго препровожденія времени, и въ этомъ случаѣ заслуга ихъ неоспорима, но нѣтъ никакихъ основаній ограничивать значеніе народныхъ чтеній только этой одной стороной ихъ вліянія на народную жизнь. Въ ряду разныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ дальнѣйшему самообразованію взрослыхъ, народныя чтенія являются весьма серьезнымъ средствомъ не только для передачи въ доступной для всѣхъ формѣ полезныхъ знаній, но для того, чтобы будить охоту къ дальнѣйшему ихъ пріобрѣтенію.

Въ первоначальной идеѣ, положенной въ основаніе Педагогическаго музея покойнымъ Н. В. Исаковымъ, заключалась также мысль устройства у насъ, въ Россіи, народныхъ чтеній, подобныхъ тому, какъ это наблюдалось тогда въ Англіи. Выполнить эту мысль выпало на долю покойнаго В. П. Коховскаго. Я не стану утомлять вашего вниманія изложеніемъ историческаго хода устроенія народныхъ чтеній въ Педагогическомъ музеѣ и распространенія ихъ затѣмъ по Россіи,—

*) Рѣчь, читанная на торжественномъ собраніи, посвященномъ чествованію памяти покойнаго директора Педагогическаго музея В. П. Коховскаго, въ декабрѣ 1891 г.

этого въ предѣлахъ отведеннаго мнѣ времени и сдѣлать нельзя. Я позволю себѣ остановить ваше вниманіе, милостивыя государыни и милостивые государи, только на главнѣйшихъ моментахъ этого полезнаго дѣла, которому покойный В. П. Коховскій посвятилъ лучшіе годы своей жизни.

Въ 1871 году состоялось Высочайшее соизволеніе на устройство, въ видѣ опыта, народныхъ чтеній въ Петербургѣ, въ томъ-же году организовалась коммиссія подъ предсѣдательствомъ В. П. для устройства народныхъ чтеній въ аудиторіи Педагогическаго музея, а 28-го декабря того-же года состоялось въ стѣнахъ этой аудиторіи первое народное чтеніе протоіерея В. Г. Пѣвцова о Святой Землѣ *). Съ этого времени народныя чтенія ведутся непрерывно въ теченіи двадцати лѣтъ.

---

*) Эта коммиссія завѣдывала устройствомъ чтеній, произносимыхъ *только* въ аудиторіи Педагогическаго музея, при чемъ первоначально имѣлись въ виду исключительно чтенія для солдатъ, а затѣмъ уже чтенія и для народа. Г. Роговъ въ своей рѣчи, читанной передъ рѣчью г. Воронецкаго и напечатанной въ № 12 «Русской Школы» за 1891 г., на стр. 55, говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Этого (т.-е. устройства при Педагогическомъ музеѣ аудиторіи и для народа) достигнуть В. П. (Коховскій) рѣшился при посредствѣ тогдашняго С.-Петербургскаго градоначальника г.-а. Ѳ. Ѳ. Трепова. У генерала Трепова *еще въ 1867 г.* явилась мысль поучать народъ при помощи чтеній, сопровождаемыхъ картинами волшебнаго фонаря. Съ этою цѣлью онъ въ началѣ того-же года прислалъ чиновника особыхъ порученій камергера Гвоздово-Голенко къ завѣдывавшему музеемъ Н. Ив. Константинову съ просьбою одолжить волшебный фонарь и картинъ на стеклѣ. А потому, когда В. П. сообщилъ Ѳ. Ѳ. Трепову, что было-бы полезно вмѣстѣ съ чтеніемъ для солдатъ открыть и народныя чтенія, г.-а. Треповъ выразилъ свое полное сочувствіе задуманному дѣлу, такъ какъ находилъ его полезнымъ для рабочихъ классовъ столичнаго населенія. Онъ тогда-же принялъ на себя ходатайство, черезъ посредство шефа жандармовъ, г.-а. гр. П. А. Шувалова, о разрѣшеніи открыть въ музеѣ, въ видѣ опыта, народныя чтенія. Высочайше утвержденная коммиссія выработала правила составленія этихъ чтеній, которыя и были утверждены 19 декабря 1871 года». Постоянная коммиссія по устройству народныхъ чтеній, завѣдывающая и нынѣ этимъ дѣломъ въ Петербургѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, устроила тогда-же, въ 1871 году, чтенія въ трехъ пунктахъ города, наиболѣе населенныхъ рабочимъ людомъ. Она вела и ведетъ эти чтенія и лѣтомъ, когда въ столицу прибываетъ масса рабочаго люда, нуждающагося въ отвлеченіи отъ кабака, совершенно независимо отъ Педагогическаго музея, который лѣтомъ закрытъ, а въ прежнія времена обыкновенно участвовалъ въ какой-либо изъ выставокъ заграницею и лишь однажды въ Россіи — въ Москвѣ. Иниціаторомъ въ дѣлѣ устройства у насъ народныхъ чтеній былъ покойный камергеръ Гвоздово-Голенко, по докладу котораго о нихъ и началъ тогда-же хлопотать Ѳ. Ѳ. Треповъ. *Ред.*

Не посвященному въ это дѣло посѣтителю чтеній можетъ показаться устройство ихъ весьма легкимъ и несложнымъ. Знакомый-же съ внутреннимъ механизмомъ этого дѣла знаетъ хорошо, какъ сложно устройство народныхъ чтеній, сколько предварительныхъ трудовъ и приспособленій требуется для произнесенія даже самаго безхитростнаго чтенія, при какихъ нибудь 2—3 картинахъ. Но дѣло тотчасъ-же усложняется во много разъ, когда произносится чтеніе техническаго содержанія, когда требуются приборы, изготовляются вновь картины, препараты, снаряды и прочія пособія для возможно полной наглядности передаваемыхъ свѣдѣній. Если и въ настоящее время устройство чтеній требуетъ не мало заботъ, затратъ и умѣнья, когда есть уже опытъ, когда есть и готовыя чтенія, и готовыя картины, то что-же предстояло 20 лѣтъ тому назадъ тѣмъ людямъ, которые вводили это дѣло у насъ, въ Россіи, не имѣя передъ собою ни опыта, ни какихъ-бы то ни было указаній, когда не было ни чтецовъ, ни чтеній, ни картинъ, ни снарядовъ, ни, вообще, какихъ-бы то ни было приспособленій.

Въ распоряженіи коммиссіи, 20 лѣтъ тому назадъ, былъ только волшебный фонарь, далеко не совершеннаго устройства, да мало подходящая къ задуманной цѣли небольшая коллекція картинъ заграничнаго производства.

Безъ преувеличенія можно сказать, что несокрушимая энергія покойнаго В. П. да искреннее желаніе его и его первыхъ сотрудниковъ послужить доброму дѣлу были единственными средствами, съ которыми эти люди приступили къ исполненію своей задачи.

Чтобы уяснить себѣ, на сколько возможно въ краткихъ словахъ, въ чемъ-же заключается заслуга покойнаго въ дѣлѣ водворенія у насъ народныхъ чтеній, позвольте, мм. гг., ввести васъ немного въ самый механизмъ этого дѣла. Я не утомлю вашего вниманія.

Дѣло устроенія народныхъ чтеній слагается изъ двухъ частей. Одна — это составленіе народнаго чтенія, другая — его исполненіе. Начну со второй, хотя и столь-же сложной, какъ первая, но все-же не столь важной.

Каждое чтеніе, особенно изъ области реальныхъ знаній, демонстрируется картинами и другими наглядными пособіями. 20 лѣтъ тому назадъ, проекціонные приборы или, попросту, волшебные фонари были очень несовершеннаго устройства и не годились для большихъ аудиторій. Прошелъ длинный рядъ опытовъ въ этой самой залѣ прежде, чѣмъ вошелъ во употребленіе нынѣ дѣйствующій приборъ. Даже снарядъ

для безопаснаго добыванія кислорода въ большихъ размѣрахъ былъ изобрѣтенъ въ этомъ-же музеѣ.

Но, достигнувъ удовлетворительныхъ результатовъ въ устройствѣ проекціонныхъ приборовъ для большихъ аудиторій, съ ихъ значительными средствами, покойный В. П. не остановился на этомъ. Необходимо было ввести въ употребленіе такіе фонари, которые-бы были доступны одинаково школамъ, казармамъ и вообще всякой аудиторіи, владѣющей небольшими средствами.

Съ этой цѣлью путемъ повременныхъ конкурсовъ, заказовъ и указаній со стороны музея было вызвано русское производство недорогихъ и достаточно пригодныхъ приборовъ, которые теперь и распространены по всей Россіи.

Одновременно съ усовершенствованіемъ проекціонныхъ приборовъ шла работа по водворенію у насъ производства прозрачныхъ картинъ на стеклѣ. Эта задача вызывала еще болѣе труда и настойчивости со стороны покойнаго В. П. Какъ фонари того времени не годились для аудиторій съ серьезными цѣлями, такъ и картины заграничнаго производства, имѣвшіяся въ распоряженіи коммиссіи, по своему содержанію вовсе не отвѣчали потребностямъ задуманныхъ чтеній. Кромѣ того, заграничныя картины были очень дороги, слѣдовательно, употребленіе ихъ ужъ этимъ самымъ ограничивалось до крайности. Въ Россіи-же тогда никто не умѣлъ производить ихъ — приходилось начинать это дѣло съ начала и притомъ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ производствѣ картинъ, какъ во всякомъ другомъ техническомъ промыслѣ, въ который входятъ и химическія манипуляціи, всегда есть такіе пріемы и способы, на которыхъ собственно и основывается благосостояніе производителя. Естественно, что эти пріемы составляютъ всегда техническій *секретъ*. Такой секретъ существуетъ и въ производствѣ раскрашенныхъ картинъ на стеклѣ. Надо было не только научиться раскрашивать картины, но и воспроизводить рисунокъ на стеклѣ фотографическимъ способомъ, какъ наиболѣе удобнымъ и дешевымъ. И вотъ В. П. подыскиваетъ прежде всего подходящаго фотографа, приспособляетъ состоящую при музеѣ фотографію, собираетъ оригиналы для картинъ и предпринимаетъ съ своими сотрудниками рядъ работъ надъ изысканіемъ состава красокъ, такъ какъ секрета приготовленія ихъ заграницею получить не удалось. Пришлось настойчиво пройти длинный путь опытныхъ изысканій, чтобы получить краски, могущія выдержать конкурренцію съ заграничными.

Только въ 1881 году на выставкѣ въ Венеціи русскія картины

впервые премировались наравнѣ съ лондонскими; эта премія досталась мастерской, возникшей и существующей и по сіе время при Педагогическомъ музеѣ.

Достигнутые въ этомъ дѣлѣ результаты не удовлетворили, однако, В. П. Ему хотѣлось производство картинъ удешевить настолько, чтобы сдѣлать ихъ доступными всякому учрежденію съ самыми ничтожными средствами. Эту цѣль онъ преслѣдовалъ до послѣднихъ дней своей жизни. Еще въ недавнее время имъ былъ возбужденъ вопросъ объ усовершенствованіи такъ-называемыхъ отражательныхъ приборовъ, съ помощью которыхъ можно-бы было отбрасывать на экранѣ всякую фотографическую и печатную картину, какія обычно встрѣчаются въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Съ тою-же цѣлью, по его инициативѣ, были предприняты работы по опрозрачиванію печатныхъ картинъ посредствомъ пропитыванія ихъ особымъ составомъ.

Во всемъ этомъ дѣлѣ В. П. не имѣлъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ ни большихъ промышленныхъ предпріятій, ни большихъ спеціальныхъ мастерскихъ. Съ нимъ работали частные люди съ ничтожными средствами, которымъ нужна была поддержка—не только нравственная, но и матеріальная. И надо было видѣть, какъ горячо покойный относился къ этому дѣлу. Для него оно было столь-же важнымъ, какъ и все то, что дѣлалось въ музеѣ. Искренне дѣлилъ онъ съ своими сотрудниками-изобрѣтателями и радость въ удачѣ, и печаль въ неудачѣ. Ему, однако, не пришлось довести до конца этихъ работъ, хотя главное было сдѣлано. То, что прежде пріобрѣталось за десятки рублей, теперь стоитъ копейки и доступно каждому учрежденію съ самыми небольшими средствами.

Въ изготовленіи картинъ и приборовъ покойный В. П. и его первые сотрудники имѣли передъ собою все еще кое-какіе иностранные образцы, отъ которыхъ и отправились всѣ ихъ работы по усовершенствованію этихъ предметовъ у насъ, въ Россіи. Въ дѣлѣ-же составленія народныхъ чтеній никакихъ образцовъ имъ предшествовавшихъ не было, поэтому здѣсь приходилось начинать все съизнова. Въ самомъже началѣ пришлось выяснять: какую имѣть въ виду аудиторію, какой цѣли должны удовлетворять народныя чтенія, каково должно быть ихъ содержаніе и форма изложенія?

Учрежденная при Педагогическомъ музеѣ коммиссія по составленію народныхъ чтеній въ началѣ своей дѣятельности положила имѣть въ виду слушателей вовсе безъ образованія, и на этомъ обосновала всѣ свои первые труды. Въ виду этого требовалось, чтобы темы для чтенія избирались изъ насущныхъ вопросовъ умственной и нравствен-

ной жизни простаго народа—отсюда религіозно-нравственныя и историческія чтенія были первыми въ стѣнахъ этой аудиторіи. Затѣмъ, каждое чтеніе требовалось составлять такъ, чтобы слушатель выносилъ цѣльное впечатлѣніе и извѣстную сумму знаній, не нуждаясь для ихъ усвоенія ни въ предшествовавшихъ подробныхъ свѣдѣніяхъ, ни въ дальнѣйшихъ справкахъ. Далѣе—какъ выборъ матеріала, такъ и форма его изложенія должны были вполнѣ соотвѣтствовать степени умственнаго развитія слушателя и его обыденной рѣчи. Вотъ тѣ основанія, на которыхъ была создана первая серія народныхъ чтеній. Впослѣдствіи уровень познавательной способности слушателя и его потребностей былъ нѣсколько приподнятъ, изложеніе приняло форму обычной литературной рѣчи, и самый районъ передаваемыхъ свѣдѣній былъ расширенъ. Въ этомъ нѣсколько приподнятомъ тонѣ писались чтенія въ послѣдующіе годы.

По неимѣнію надлежащаго опыта и навыка въ составленіи чтеній, въ коммиссіи съ самаго-же начала было принято за правило просматривать и обрабатывать каждое чтеніе общими силами, при участіи самого автора. Каждое чтеніе, такимъ образомъ, подвергалось корректурѣ со стороны вѣрности, какъ въ отношеніи научномъ, такъ и со стороны выбора матеріала, метода его изложенія и языка. Обсужденія были публичныя, допускалось возражать каждому, не только изъ среды членовъ коммиссіи, но и изъ присутствующей публики.

Такова внѣшняя сторона этого дѣла; посмотримъ, въ чемъ-же заключалась внутренняя его сила и жизнь.

Каждому автору, передъ составленіемъ чтенія, приходилось рѣшить, что и для чего онъ предлагаетъ народу, если избиралась историческая тема, то почему именно та, а не другая, и что̀ этой темой предполагается возбудить въ умѣ слушателя. Если избиралась тема изъ области реальныхъ знаній, то къ этимъ двумъ вопросамъ прибавлялся еще третій и весьма серьезный: какъ обойти тотъ запасъ подготовительныхъ знаній, который имѣется у каждаго образованнаго слушателя для уразумѣнія того или другаго физическаго явленія. Помимо знанія своего предмета, отъ составителя требовалось еще умѣнье въ немногословномъ разсказѣ изложить предметъ понятно, интересно и поучительно. Наконецъ, помимо всего этого, требовалось еще искреннее желаніе послужить общему дѣлу, и въ этомъ желаніи почерпнуть то мужество, съ которымъ авторъ проходилъ публичную корректуру своего труда. Покойному директору Педагогическаго музея надо было не только подыскивать подходящихъ для такого дѣла людей, но и беречь присущее каждому самолюбіе отъ

всѣхъ неблагопріятныхъ воздѣйствій на томъ пути, какой проходило каждое чтеніе отъ начала его представленія въ коммиссію до произнесенія его въ аудиторіи.

«Гдѣ люди, тамъ и страсти». Надо было обладать замѣчательнымъ, изъ ряда вонъ выходящимъ тактомъ, чтобы, съ одной стороны, дать возможность высказаться всѣмъ желающимъ, съ цѣлью получить наибольшую сумму полезныхъ указаній, а съ другой—ободрить, поддержать автора и побудить его принести личное чувство въ жертву общему дѣлу.

И этотъ замѣчательный тактъ покойнаго В. П. сказался весьма скоро. Уже въ первое пятилѣтіе въ коммиссіи выработались традиціи, при которыхъ не было мѣста ни чему такому, что бы могло или оскорбить человѣка, или имѣть на себѣ отзвукъ низменныхъ побужденій. Чувство уваженія къ чужому труду, общая польза и желаніе помочь каждому въ ея достиженіи прошли затѣмъ черезъ всю дѣятельность коммиссіи народныхъ чтеній за все время ея существованія.

Въ этой-то нравственной дисциплинѣ, какую придалъ покойный предсѣдатель своей коммиссіи по народнымъ чтеніямъ, и кроется секретъ ея успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, въ первыя десять лѣтъ одобрено было только 185 чтеній, а представлено было ихъ до 700 (665). Что-же побуждало людей работать въ такомъ дѣлѣ, гдѣ не могло быть и рѣчи не только о наживѣ, но и просто о какой-бы то ни было выгодѣ для автора, работать иногда не одинъ мѣсяцъ у себя дома, проходить тяжелый во всякомъ случаѣ искусъ публичной корректуры и, наконецъ, произносить чтеніе въ аудиторіи подъ страхомъ еще болѣе строгаго и часто капризнаго суда случайныхъ слушателей? И не смотря на эти какъ будто неблагопріятныя условія, масса людей всѣхъ спеціальностей шла на работу и общими дружными усиліями водворяла это новое дѣло на родной почвѣ.

Естественно, что въ этотъ двадцати-лѣтній періодъ дѣятельности коммиссіи по народнымъ чтеніямъ члены ея мѣнялись, не мѣнялся только ея предсѣдатель, который и вынесъ на своихъ плечахъ всю ту огромную массу труда, который потраченъ былъ какъ на просмотръ болѣе 850 чтеній, представленныхъ за это время въ коммиссію, такъ и на постановку болѣе 200 одобренныхъ.

Одновременно съ чтеніями для простаго народа организовались чтенія и для солдатъ какъ въ аудиторіи Педагогическаго музея, такъ въ казармахъ г. С.-Петербурга. Въ отдѣлѣ солдатскихъ чтеній, по предложенію В. П., были организованы записи чтеній самими солдатами. Такія записи служили матеріаломъ для весьма поучительныхъ

наблюденій какъ въ отношеніи пригодности того или другаго чтенія, такъ и въ отношеніи выясненія потребностей солдатской аудиторіи, а равно и той формы изложенія, какая вызывалась данными записей. Занятія эти продолжались подъ непосредственнымъ руководствомъ покойнаго В. П. до послѣднихъ дней его жизни.

Неустанно и зорко слѣдя за всѣмъ, что̀ дѣлалось въ музеѣ, В. П. постоянно стремился къ тому, чтобы ни одно полезное дѣло не прошло безслѣдно, ни одна деталь не затерялась для будущихъ работъ. Его заботами были составлены болѣе 200 народныхъ чтеній по всѣмъ отраслямъ знаній, а именно 30 по священной исторіи, 80 чтеній по отечественной исторіи и географіи, 50 чтеній по естествовѣдѣнію, міровѣдѣнію и технологіи, 20 чтеній по гигіенѣ, 40 чтеній по этнографіи, отечественной литературѣ, исторіи, политической экономіи и прочихъ областей знанія, богатѣйшая и единственная въ мірѣ коллекція прозрачныхъ картинъ на стеклѣ, большой сборникъ оригиналовъ, собраны многочисленные доклады и протоколы коммиссіи по народнымъ чтеніямъ, большая коллекція солдатскихъ записей, составлены многіе приборы и разныя приспособленія для наглядной передачи свѣдѣній—все это составляетъ богатѣйшій и разнообразный матеріалъ, поучительный для всякаго желающаго потрудиться на томъже поприщѣ.

Я обхожу молчаніемъ устройство музыкальной обстановки народныхъ чтеній—это слишкомъ сложное дѣло и я отказываюсь передъ вами, милостивые государыни и государи, обрисовать въ немногихъ словахъ всю ту массу заботъ и горя, которыя вынесъ В. П. по этому дѣлу за двадцати-лѣтній періодъ веденія народныхъ чтеній.

Въ заключеніе нельзя не указать, что въ дѣлѣ устроенія народныхъ чтеній задачи покойнаго были гораздо шире, чѣмъ это сказалось въ дѣйствительности; но не въ немъ лежитъ причина недостигнутаго. Какъ трудно было создать это дѣло, такъ-же трудно было его и провести. Это лучше всего видно изъ письма учредителя музея Н. В. Исакова къ покойному В. П. Коховскому по поводу десятилѣтія народныхъ чтеній; вотъ что писалъ онъ: «Привѣтствую васъ, В. П., съ замѣчательнымъ успѣхомъ этого дѣла у насъ, въ Россіи, которое, по всей справедливости, обязано вашей личной настойчивости и просвѣщенной работѣ. Вы не откажете мнѣ судить о ней, если примете во вниманіе, что я послѣднія десять лѣтъ былъ какъ-бы постороннимъ свидѣтелемъ ея хода и борьбы съ кучей разныхъ препятствій и затрудненій, начавшихся съ первыхъ уже шаговъ».

Но всѣ эти препятствія были обойдены, и народныя чтенія вод-

ворены въ Россіи. То, что двадцать лѣтъ тому назадъ казалось новымъ, считалось сомнительнымъ, то теперь стало общимъ достояніемъ. Но для этого потребовалось много лѣтъ настойчивой работы, тяжесть этой работы вынесъ В. П. Коховскій. Ему, поистинѣ, принадлежитъ честь устройства первыхъ народныхъ чтеній въ Россіи. Съ его памятью навсегда связано это несомнѣнно полезное дѣло.

А. Воронецкій.

Объ отношеніяхъ умственнаго труда къ физическому.

(Окончаніе).

Наша *воля* не есть единственный психическій факторъ, принимающій участіе въ выполненіи движеній тѣла. Она побуждаетъ мышцу къ работѣ, или задерживаетъ рефлекторный мышечный актъ; но во время выполненія сложныхъ физическихъ упражненій, каковы: гимнастика на приборахъ, верховая ѣзда, фехтованіе и цѣлый рядъ трудныхъ физическихъ упражненій, выказывающихъ скорѣе ловкость, чѣмъ силу, требуется участіе тѣхъ психическихъ центровъ, которые завѣдуютъ, такъ-называемой, *координаціей* движеній. Благодаря этой психической способности, движенія наши совершаются съ замѣчательною точностью, послѣдовательностью во времени и съ наименьшею затратою силъ на ненужное.

Всякое мышечное волокно участвуетъ въ общемъ движеніи постолько, поскольку это нужно; антагонисты не мѣшаютъ движеніямъ, направленіе силамъ придается правильное, быстрота движенія соразмѣряется съ дѣйствительною потребностью въ ней. Когда координація движеній отсутствуетъ, или когда, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, замѣчаются неправильности въ этихъ психическихъ актахъ, то получаются хаотическія движенія, которыя мы замѣчаемъ у больныхъ, одержимыхъ, напр., Виттовой пляской, и у пьяныхъ.

Всѣ самыя обыкновенныя сложныя мышечныя движенія, каковы: ходьба, рѣчь человѣка, бѣгъ и т. д., какъ извѣстно, даются намъ не легко, и если мы затѣмъ безъ особенныхъ усилій выполняемъ ихъ, то это только потому, что мы имъ выучились и теперь часто совершаемъ ихъ автоматически, безъ участія психическихъ силъ.

Выучка всякому новому сложному движенію, напр., ходьбѣ на рукахъ, упражненіямъ на трапеціи, верховой ѣздѣ и т. д. требуетъ непремѣннаго участія волевыхъ и другихъ психическихъ центровъ.

Нервные центры наши каждый разъ, при выполненіи новыхъ сложныхъ движеній, выполняютъ точно сложныя задачи: они словно разсуждаютъ, какія мышцы пустить въ дѣйствіе, какія изъ автоматическихъ движеній задержать, что̀ надо заставить раньше дѣйствовать, что̀ позже, какое направленіе придать этимъ движеніямъ, какое другимъ, когда пріостановить работу и т. д. И такъ какъ психическія способности индивидуально различны, то даже въ сравнительно простыхъ движеніяхъ замѣтенъ индивидуальный отпечатокъ: у каждаго своя манера ходить, бѣгать, поднимать тяжести, говорить, танцовать и т. д.

Такимъ образомъ, ясно, что всѣ сложныя движенія требуютъ особой выучки.

Человѣкъ, выучившійся всѣмъ наиболѣе часто встрѣчающимся въ жизни сложнымъ движеніямъ, совершающій ихъ съ большою ловкостью и изяществомъ, можетъ считаться физически образованнымъ съ тѣмъ-же правомъ, какъ и человѣкъ, ловко справляющійся съ другими задачами, умственный характеръ которыхъ болѣе очевиденъ и безспоренъ, можетъ считаться человѣкомъ образованнымъ въ обычномъ смыслѣ слова.

Вліяніе этихъ физическихъ движеній высшаго порядка на организмъ не подлежитъ сомнѣнію. Французы говорятъ: «la fonction crée l'organe». Это значитъ: покажи мнѣ, какъ ты работаешь, а я скажу, чего ты стоишь. И дѣйствительно, частая повторяемость однихъ и тѣхъ-же движеній создаетъ особые типы строенія, и по этому строенію организма можно иногда дѣлать заключеніе о его работѣ: упражненія силы придаютъ тѣлу массивность, упражненія быстроты—легкость строенію тѣла. Лягранжъ, указывая на это, сравниваетъ носильщика тяжестей съ быкомъ, а ловкаго борца и бѣгуна со скаковой лошадью, англійскаго боксера съ бульдогомъ, а акробата съ обезьяной.

Физическія упражненія, требующія особой продолжительной выучки, трудны не вслѣдствіе большой затраты мышечной энергіи, а вслѣдствіе сильнаго напряженія нервныхъ центровъ, координирующихъ движенія, а также вслѣдствіе сильнаго возбужденія волевыхъ импульсовъ. Это—по преимуществу упражненія ловкости, а не силы.

Разсматривая эти упражненія не съ воспитательной, а съ гигіенической точки зрѣнія, нужно признать ихъ менѣе полезными, чѣмъ тѣ физическія упражненія, которыя связаны съ усиленнымъ горѣніемъ въ тѣлѣ, которыя вызываютъ, слѣдовательно, усиленную дѣятельность важнѣйшихъ органовъ растительной жизни: легкихъ и сердца;

къ такимъ упражненіямъ относятся упражненія въ скорости и, отчасти, въ силѣ.

Упражненія въ ловкости задаютъ слишкомъ большую работу нервнымъ центрамъ и слишкомъ мало обременяютъ мышечную систему. Мозговая работа, требуемая этими упражненіями, складывается изъ упражненія въ сужденіи, въ сравненіи, въ возбужденіи волевыхъ импульсовъ, памяти и т. д. А такъ какъ всѣ эти психическіе акты, по мнѣнію Лягранжа, въ достаточной степени реализируются школьными занятіями, то поэтому онъ и считаетъ большой ошибкой примѣненіе этихъ упражненій во французскихъ школахъ, гдѣ упражненія на трапеціяхъ, кольцахъ, на параллельныхъ брусьяхъ и т. д. составляютъ 3/4 всѣхъ физическихъ упражненій, практикуемыхъ въ школѣ.

Чѣмъ раньше прибѣгаютъ въ школахъ къ труднымъ физическимъ упражненіямъ, развивающимъ ловкость, тѣмъ большій вредъ наносятъ они здоровью. Обыкновенно, въ школахъ слишкомъ мало вниманія обращаютъ на возрастъ дѣтей, а потому съ самыхъ первыхъ лѣтъ школьной жизни ребенка начинаютъ примѣнять къ нему всю программу физическихъ упражненій, доступныхъ только взрослымъ. Въ ребенкѣ поскорѣе хотятъ видѣть полнаго мужчину. Въ немъ хотятъ развить и мышечную силу, и ловкость, и смѣлость. Его хотятъ выучить пріемамъ, полезнымъ въ послѣдующей жизни; видя въ немъ будущаго солдата, учатъ обращенію съ оружіемъ и другимъ военнымъ пріемамъ; даже въ обученіи лазанію видятъ ту пользу, что въ случаѣ пожара такое умѣнье можетъ пригодиться.

Итакъ, въ настоящее время утилитарная сторона въ обученіи различнымъ физическимъ движеніямъ на первомъ планѣ. Но, не говоря о вредѣ всѣхъ подобныхъ усилій, безполезность ихъ, по мнѣнію Лягранжа, вполнѣ очевидна: во-1-хъ, всѣ эти пріобрѣтаемые къ труднымъ движеніямъ навыки утрачиваются очень скоро, если упражненія прерываются на долгое время; во-2-хъ, выучка самымъ труднымъ мышечнымъ движеніямъ не требуетъ тѣхъ многихъ лѣтъ, которыя имъ посвящаются, и совершенно здоровый человѣкъ, привыкшій къ другимъ упражненіямъ въ быстротѣ и силѣ, легко въ теченіе короткаго времени усвоиваетъ, въ случаѣ надобности, все то, чему иной такъ долго обучался съ малыхъ лѣтъ.

«Съ гигіенической точки зрѣнія, говоритъ Лягранжъ, упражненія въ ловкости не имѣютъ никакой цѣны, ибо ловкость не представляетъ ничего несовмѣстимаго со слабостью и съ плохимъ здоровьемъ. Между самыми чахлыми дѣтьми и дѣтьми съ наиболѣе раздраженной нервной системой есть не мало такихъ, которыя ловки, какъ обезьяны,

точно такъ-же есть много и такихъ, которыя обладаютъ очень живымъ умомъ».

Ловкость есть особенная способность мозга, полезная для данной работы; въ гигіеническомъ отношеніи она имѣетъ второстепенное значеніе, такъ какъ развиваетъ извѣстные отдѣлы мозга часто въ ущербъ другимъ его функціямъ и отправленіямъ тѣла. Развитіе ловкости, поэтому, можетъ составлять лишь второстепенную задачу школы и среди физическихъ упражненій играть второстепенную роль.

«Упражненія эти, по заключенію Лягранжа, полезны и практичны; полное физическое образованіе должно заботиться также и о развитіи ловкости. Но такъ какъ и безъ того уже не хватаетъ времени и нѣтъ возможности удовлетворить всѣмъ требованіямъ упражненія, то, очевидно, необходимо сдѣлать выборъ и между благодѣтельными результатами упражненій установить извѣстное старшинство».

Съ этой точки зрѣнія, никто не станетъ оспаривать, что гораздо важнѣе дать ребенку хорошо развитыя легкія, нежели увеличить его ловкость.

Изъ обзора физическихъ упражненій, характеризуемыхъ усиліями воли и дѣятельностью координирующихъ движенія центровъ, мы видимъ, что мозгъ не есть только органъ мысли, но что онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть также органъ мышечныхъ движеній.

Но не всѣ производимыя нами мышечныя движенія въ одинаковой степени зависятъ отъ головнаго мозга; большинство этихъ движеній совершается рефлекторно, почти безъ участія сознанія, безъ вмѣшательства воли. Эти-то движенія, по Лягранжу, и имѣютъ особенное значеніе, какъ гигіеническія и сберегающія работу мозга, т.-е. прямо противоположныя только-что разсмотрѣннымъ, гдѣ мозгъ бралъ на себя работу мышцъ.

Физіологическіе опыты показываютъ, что животныя безъ большихъ полушарій мозга могутъ жить, совершая цѣлый рядъ привычныхъ автоматическихъ актовъ. Утки, лишенныя мозга, плаваютъ, ныряютъ, машутъ крыльями. Лягрянжъ приводитъ такого рода историческій примѣръ. Во времена цезарей въ Римѣ зрители въ циркахъ забавлялись иногда слѣдующимъ зрѣлищемъ: на арену цирка выпускали страусовъ, за которыми гонялись всадники, вооруженные особаго рода орудіемъ, съ помощью котораго можно было однимъ взмахомъ срѣзать голову у преслѣдуемаго животнаго; страусы съ отрубленной головой продолжали бѣжать, сохраняя во время бѣга тотъ-же темпъ; случалось, что они, будучи обезглавлены, пробѣгали очень

большія пространства (напр., чрезъ всю арену) и падали лишь у перваго препятствія.

Всякому извѣстно также, что можно въ теченіе долгаго времени совершать разнообразныя движенія безъ малѣйшаго участія въ этомъ движеніи сознанія. Привычный гребецъ, во время гребли, можетъ далеко унестись мыслью отъ своей лодки и не замѣтить, какъ онъ совершилъ переѣздъ черезъ рѣку; во время путешествія пѣшкомъ человѣкъ, занятый живой бесѣдой, вовсе не обращаетъ вниманія на работу ногъ, которыя при этихъ условіяхъ могутъ завести его туда, куда онъ не желалъ попасть; въ этомъ случаѣ, человѣкъ въ теченіе долгаго времени совершалъ работу ногъ почти такъ-же безсознательно, и даже противъ воли, какъ обезглавленный страусъ въ римскомъ циркѣ.

Для того, чтобы сложныя мышечныя движенія могли совершаться вполнѣ автоматично, необходимы слѣдующія условія: во-1-хъ, чтобы выполняемыя движенія были вполнѣ знакомы и столь-же привычны, какъ, напр., ходьба; во-2-хъ, чтобы они не превышали по своей силѣ извѣстную норму.

Легче всего выполнять автоматическія движенія извѣстнаго правильнаго темпа: таковы всѣ движенія подъ музыку,—маршировка, танцы и т. д. Ходьба по гладкой дорогѣ можетъ быть автоматичной, но если дорога усѣяна камнями, рытвинами и ямами, то необходимо къ автоматической работѣ присоединить работу головнаго мозга, т.-е. дѣлать усилія воли, дать работу координирующимъ механизмамъ и т. д.

Такимъ образомъ, во всякой физической работѣ могутъ быть моменты, когда нашъ головной мозгъ перестаетъ повелѣвать и передаетъ мышечную работу въ вѣдѣніе другому органу—спинному мозгу. Этотъ послѣдній исполняетъ только приказанія и выполняетъ работу, уже прежде не разъ выполненную. Въ спинномъ мозгу должны, такимъ образомъ, сохраняться воспоминанія о силѣ, быстротѣ и взаимной связи отдѣльныхъ движеній. «Автоматизмъ въ движеніяхъ,—говоритъ Лягранжъ,—сберегаетъ работу мозга такъ-же, какъ память сберегаетъ усилія ума». Математическія формулы сокращаютъ работу, избавляя отъ повторенія элементарныхъ математическихъ дѣйствій. Благодаря многимъ автоматическимъ движеніямъ, мы избавлены отъ необходимости сознательно координировать всякое мышечное движеніе.

Спинной мозгъ, такимъ образомъ, управляетъ этими движеніями по извѣстной формулѣ и сберегаетъ намъ работу.

Разсматривая съ гигіенической точки зрѣнія всѣ виды мышечной

работы, Лягранжъ отдаетъ предпочтеніе автоматическимъ движеніямъ (или, вѣрнѣе, тѣмъ изъ нихъ, которыя легко могутъ быть автоматическими) въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о постановкѣ физическаго образованія въ школахъ, гдѣ умственный трудъ слишкомъ обременяетъ учащихся.

Только такія упражненія, думаетъ авторъ, въ состояніи уравновѣсить въ извѣстной степени вредъ, причиняемый учащимся, съ одной стороны, сидячею жизнью, а съ другой—непосильнымъ умственнымъ трудомъ.

Эти движенія выгодны: во-1-хъ, тѣмъ, что они сберегаютъ нервную энергію, и безъ того расходуемую безъ должной мѣры, —поэтому они даютъ отдыхъ уставшему мозгу; во-2-хъ, мышечная работа при этихъ движеніяхъ не такъ строго локализируется, въ движеніяхъ участвуетъ очень большое количество мышцъ, и хорошія послѣдствія работы отражаются, поэтому, на всемъ организмѣ.

Ребенокъ, выпущенный изъ школы на свободу и предоставленный самому себѣ, предавшись бѣгу или играмъ съ товарищами, въ нѣсколько минутъ совершитъ въ 10 разъ бо́льшую физическую работу, чѣмъ та, которую его заставляютъ выполнять во время уроковъ гимнастики; но эта работа ему, во-первыхъ, несравненно пріятнѣе, во-вторыхъ, гораздо полезнѣе въ гигіеническомъ отношеніи, такъ какъ это есть работа мышцъ, остававшихся долгое время безъ движенія, а не работа мозга, и безъ того уже много потрудившагося въ школѣ.

Вотъ почему ребенокъ рѣдко отказывается отъ бѣга и игръ съ товарищами и большею частью терпѣть не можетъ гимнастики, стараясь отъ нея отдѣлаться всякими правдами и кривдами.

Всѣ физическія упражненія, практикуемыя въ школѣ, Лягранжъ классифицируетъ слѣдующимъ образомъ: 1) по *количеству* работы, и въ этомъ отношеніи подраздѣляетъ ихъ на упражненія слабыя, среднія и сильныя и 2) по *качеству* работы, и эти послѣднія упражненія раздѣляетъ на упражненія силы, быстроты и выносливости (exercices du fond).

Руководствуясь книгой Лягранжа, мы предложимъ теперь читателю бѣглый очеркъ этихъ упражненій съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ мозгу и вліянія ихъ на организмъ.

Разбирая различныя физическія упражненія со стороны количества обнаруживаемой ими работы, мы можемъ придти, пожалуй, къ неожиданнымъ результатамъ. Съ помощью цыфръ можно доказать, напр., что расходъ силы въ нѣкоторыхъ веселыхъ, увлекательныхъ дѣтскихъ играхъ значительно превышаетъ расходъ силъ при многихъ

гимнастическихъ упражненіяхъ, почитаемыхъ за особенно сильныя, и что многія вольныя упражненія, доставляющія большое удовольствіе дѣтямъ, могутъ быть отнесены къ числу упражненій сильныхъ, не смотря на то, что они съ перваго взгляда не кажутся таковыми. Дѣвочка, прыгающая черезъ веревочку, совершаетъ слѣдующую физическую работу. Она дѣлаетъ 100 прыжковъ въ минуту, приподнимая каждый разъ свое тѣло на высоту 0,1 m. Обозначая буквой P вѣсъ ея тѣла, мы выразимъ совершенную ею работу слѣдующимъ образомъ: $P \times 0{,}1 \times 100 = P \times 10$ метровъ, т.-е. работа, совершенная дѣвочкой, равносильна той, которая потребовалась-бы для того, чтобы поднять ея тѣло на высоту 10 метровъ. Многіе-ли гимнасты, спрашиваетъ Лягранжъ, въ состояніи взобраться на рукахъ на высоту 10 метровъ въ 1 минуту? Вѣроятно, ни одинъ изъ нихъ не сможетъ подниматься все выше и выше съ одинаковою скоростью въ теченіе 3-хъ минутъ, между тѣмъ какъ многія дѣвочки въ состояніи съ тою-же скоростью прыгать черезъ веревочку 5 минутъ безостановочно. Равнымъ образомъ, подняться по ступенькамъ лѣстницы на высоту 10 метровъ—дѣло очень легкое; подняться на ту-же высоту по косой лѣстницѣ на рукахъ—трудъ не легкій; а между тѣмъ во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ количество затраченной на работу мышечной силы одно и то-же. Точно также подниматься на трапеціи, держась одной или двумя руками, съ точки зрѣнія затраты силы будетъ совершенно то-же самое; тѣмъ не менѣе всякому ясно, что первое упражненіе несравненно труднѣе.

Отсюда слѣдуетъ, что трудность данной работы опредѣляется вовсе не количествомъ затраченной на нее энергіи, а чѣмъ-то инымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, бываютъ физическія упражненія съ большою затратою мышечной энергіи и выполняются безъ всякихъ видимыхъ усилій; таковы, напр., многія дѣтскія игры, у которыхъ расходъ силъ можетъ быть очень значителенъ; но онѣ выполняются съ легкостью и не вызываютъ быстраго утомленія. Наоборотъ, есть не мало упражненій, сильно и быстро утомляющихъ, на видъ очень трудныхъ, но въ дѣйствительности выполняемыхъ съ ничтожной сравнительно затратой силъ; таковы очень многія акробатическія упражненія, напр., поднятіе тѣла одною рукою, ходьба на рукахъ и т. д.

Если вмѣсто того, чтобы совершить одну и ту-же работу двумя руками, человѣкъ совершаетъ ее одной рукой, онъ возлагаетъ въ два раза большій трудъ на работающія мышцы и этимъ сильно обременяетъ и утомляетъ ихъ.

Утомленіе зависитъ отъ накопленія въ работающихъ мышцахъ

продуктовъ распада тканей, образующихся во время работы мышцы: эти-то продукты и вызываютъ чувство утомленія и тормазятъ дальнѣйшую дѣятельность органа.

Трудность работы обусловливается не только чувствомъ утомленія, но также и затратой большаго количества нервныхъ силъ, требуемыхъ хотя-бы для выполненія маленькой работы.

Масса упражненій на кольцахъ, на брусьяхъ и всѣ акробатическія упражненія становятся легкими послѣ выучки, т.-е. послѣ того, какъ упражняющійся найдетъ, наконецъ, секретъ, какими мышцами нужно пользоваться, по сколько и въ какомъ порядкѣ, чтобы совершить требуемое движеніе съ наибольшимъ успѣхомъ. Здѣсь ясно видно участіе мозга въ данныхъ упражненіяхъ, и потому эти упражненія могутъ быть названы скорѣе упражненіями въ ловкости, чѣмъ въ силѣ.

Итакъ, трудность упражненія и количество работы не одно и то-же.

Если какое-нибудь упражненіе разбирается съ точки зрѣнія его вліянія на весь организмъ, а не на одну какую-нибудь часть его, то необходимо хоть приблизительно знать, какъ велика совершаемая при этомъ упражненіи работа, выражающаяся математически въ килограммометрахъ, т.-е. тѣмъ числомъ, которое обозначаетъ силу поднятія груза, принимаемаго за единицу мѣры, на единицу высоты.

Бо̀льшая работа всегда выражается бо̀льшимъ усиленіемъ кровеобращенія, дыханія и вообще оказываетъ значительно большее вліяніе на весь организмъ.

Большинство гигіеническихъ упражненій тѣмъ и отличается отъ акробатическихъ или атлетическихъ, что они обусловливаютъ бо̀льшую затрату мышечныхъ силъ и сопровождаются всегда значительнымъ усиленіемъ важныхъ для жизни физіологическихъ процессовъ. Отъ такихъ упражненій выигрываетъ весь организмъ, такъ какъ подъ ихъ вліяніемъ происходитъ энергичный обмѣнъ живыхъ силъ, чрезвычайно важный для здоровья. Акробатическія-же упражненія, считающіяся наиболѣе трудными, не могутъ этимъ похвастаться, такъ какъ въ этихъ случаяхъ работа сосредоточивается на очень небольшомъ сравнительно числѣ мышцъ, которыя сокращаются въ извѣстной послѣдовательности и съ необыкновенною точностью. Эти упражненія, выполняя малую сравнительно работу, слишкомъ слабо отражаются на общей дѣятельности организма, не усиливаютъ въ такой степени, какъ первыя, процессы кровеобращенія, дыханія и кругооборотъ живыхъ силъ организма, а потому гигіеническое ихъ значеніе очень не велико: они больше утомляютъ и мозгъ, и работающія части организма.

Чтобы судить о гигіенической пользѣ физическаго упражненія, необходимо пользоваться какимъ-нибудь мѣриломъ. Извѣстные пріемы динамометріи, по понятнымъ причинамъ, неприложимы къ человѣческой машинѣ, и потому довольно трудно опредѣлить количество работы, требуемой тѣми или другими видами упражненій. Тамъ, гдѣ потребуется большая точность при опредѣленіи количества мышечной работы, расходуемой во время упражненій, стало быть, гигіеническаго значенія упражненій, можно руководствоваться слѣдующимъ простымъ способомъ, предлагаемымъ Лягранжемъ. Если человѣкъ или дитя средняго здоровья и средней силы не испытываетъ послѣ извѣстнаго рода упражненія ни одышки, ни усталости, то это значитъ, что такое упражненіе, съ точки зрѣнія расходуемой силы, должно считаться легкимъ. Если упражненіе вызвало чувство усталости на мѣстѣ приложенія силъ, напримѣръ, въ какой-нибудь группѣ мышцъ, оно должно называться умѣреннымъ. Наконецъ, если послѣ упражненія появляются довольно значительныя одышки и усиленіе сердцебіенія, то такое упражненіе должно считаться сильнымъ или интензивнымъ. Эти послѣднія упражненія особенно выгодны въ гигіеническомъ отношеніи.

Сильныя упражненія, образцомъ которыхъ можетъ служить *переноска тяжестей и борьба*, отличаются большимъ расходомъ мышечной силы, и такъ какъ эти упражненія немыслимы безъ того, чтобы работа распредѣлялась между очень большимъ числомъ мышцъ, то эти упражненія всегда вліяютъ на быстрый обмѣнъ вещества въ тѣлѣ. Они не требуютъ большой ловкости и координаціи движеній, а потому не вызываютъ усиленной работы мозга. Мышечныя сокращенія при этихъ упражненіяхъ всегда отличаются медленностью и достаточной продолжительностью; они привлекаютъ большое количество крови, вслѣдствіе чего условія для питанія мышцъ самыя лучшія. Эти упражненія всегда благопріятны накопленію мышечной силы и способствуютъ укрѣпленію тѣла; подъ вліяніемъ ихъ скелетъ пріобрѣтаетъ большую устойчивость, и тѣло кажется болѣе плотнымъ, упитаннымъ. Субъекты, профессіональныя занятія которыхъ состоятъ изъ такихъ упражненій, отличаются своей силой и здоровьемъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ преимуществъ, упражненія въ силѣ, съ гигіенической точки зрѣнія, заслуживаютъ большаго вниманія; но при выполненіи ихъ требуются нѣкоторыя предосторожности, такъ какъ эти упражненія могутъ легко сдѣлаться негигіеничными, если упражняющійся переноситъ работу съ мышцъ на нервы, т.-е. когда употребляетъ мышечныя усилія выше тѣхъ, которыми располагаетъ.

Постепенность и выдержка въ упражненіи играютъ здѣсь важную роль.

Что касается *упражненій въ быстротѣ*, то такъ называются такого рода движенія, которыя въ извѣстный промежутокъ времени повторяются очень часто. Типомъ этихъ упражненій можетъ служить *бѣгъ*, который сопровождается обыкновенно большимъ расходомъ силъ, и потому долженъ быть причисленъ къ очень сильнымъ упражненіямъ, повышающимъ обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ и благотворно вліяющимъ на óрганы дыханія и кровеобращенія. Инаго характера другія упражненія въ скорости, какъ, напримѣръ, игра на фортепіано, гдѣ расходуется сравнительно очень мало мышечныхъ силъ, но за-то расходуется много нервной энергіи.

Съ точки зрѣнія общаго расхода силъ на работу, упражненія въ быстротѣ могутъ, понятно, быть вполнѣ эквивалентны упражненіямъ силы, поэтому они могутъ такъ-же, какъ и эти послѣднія, вліять благотворно на энергію метаморфоза въ тѣлѣ и усиливать процессы дыханія и кровеобращенія. Ляграньжъ доказываетъ, что въ единицу времени, при одинаковой затратѣ силъ на работу, упражненія въ скорости, какъ, напримѣръ, бѣгъ въ запуски, прыжки черезъ веревочку и безчисленное множество дѣтскихъ игръ, еще больше усиливаютъ потребность въ кислородѣ, чѣмъ упражненія въ силѣ, каковы борьба, поднятіе тяжестей и т. п.

Однако, условія питанія мышцъ при этихъ упражненіяхъ менѣе благопріятны, чѣмъ при сильныхъ упражненіяхъ, такъ какъ первыя упражненія не увеличиваютъ объема мышцъ (профессіональные бѣгуны всегда очень тонки и худы), но за-то они болѣе всего способствуютъ увеличенію вмѣстимости грудной клѣтки.

Нѣтъ ни одного гимнастическаго упражненія, которое-бы могло сравниться въ этомъ отношеніи съ бѣгомъ. Почему-же упражненія въ скорости вызываютъ такое важное въ гигіеническомъ отношеніи преимущество? Изъ боязни очень уклониться отъ темы, мы можемъ на этотъ вопросъ дать только очень краткій отвѣтъ. Замѣчено, что многія движенія у человѣка и животныхъ вызываютъ очень скоро одышку; галопъ, напримѣръ, вызываетъ у лошади одышку гораздо скорѣе, чѣмъ простая ѣзда рысью. Тою-же особенностью отличаются упражненія въ бѣгѣ и прыжки. Одышка есть всегда вѣрный показатель большой потребности въ кислородѣ воздуха и накопленія угольной кислоты въ крови и въ легкихъ. Потребность въ кислородѣ и накопленіе угольной кислоты, въ свою очередь, указываютъ на большія затраты живыхъ силъ, которыя происходятъ въ организмѣ во

время работы. Въ организмѣ происходитъ усиленное горѣніе или энергичный обмѣнъ веществъ. Мы показали уже раньше, что такая усиленная метаморфоза зависитъ отъ характера работы, которая должна быть всегда очень велика въ этихъ случаяхъ. Чѣмъ сильнѣе одышка, стало быть, тѣмъ больше количество совершенный работы. Слѣдовательно, бѣгъ, прыжки, галопъ суть упражненія сильныя, съ большой затратой мышечной энергіи.

Но они отличаются еще тѣмъ свойствомъ, что одна и та-же въ количественномъ отношеніи работа совершается въ очень короткое время; эта быстрота работы есть новый фактъ, усиливающій одышку, такъ какъ въ короткое время легкія не успѣваютъ освободиться отъ избытка угольной кислоты; отсюда и получается чувство стѣсненія въ груди и другія явленія, характеризующія одышку.

Одышка будетъ тѣмъ сильнѣе и непріятнѣе, при всѣхъ равныхъ условіяхъ, чѣмъ меньше вмѣстимость грудной клѣтки, т.-е. чѣмъ меньше въ легкомъ кислорода можетъ быть въ запасѣ. На вмѣстимость легкаго больше всего оказываетъ вліянія сила сокращенія грудныхъ и вообще всѣхъ мышцъ, расширяющихъ грудную клѣтку. Чѣмъ чаще человѣкъ съ здоровыми легкими испытываетъ одышку, тѣмъ больше увеличивается вмѣстимость легкаго, такъ какъ всѣ органы человѣческаго тѣла примѣняются къ его потребностямъ; не составляетъ изъ этого исключенія и легкое, и грудная клѣтка: легкое дѣлается болѣе вмѣстительнымъ, грудная клѣтка расширяется и сокращается гораздо энергичнѣе.

Вотъ какимъ образомъ упражненія въ бѣгѣ и вообще въ скорости вліяютъ на увеличеніе грудной клѣтки.

Такимъ-же образомъ они усиливаютъ дѣятельность сердца, и потому съ полнымъ правомъ могутъ быть названы *лучшими* въ гигіеническомъ отношеніи, если только примѣняются съ извѣстною осторожностью.

Упражненія въ быстротѣ движеній вызываютъ всегда нѣкоторый расходъ нервной силы, и если скорость движеній довести до извѣстнаго максимума, то можетъ появиться сильное утомленіе, выражающееся безсонницей, потерей аппетита, разбитостью, возбужденіемъ нервной системы. Это утомленіе будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе локализирована была работа, т.-е. чѣмъ меньшее число мышцъ ее совершало; утомленіе будетъ зависѣть также отъ тѣхъ усилій воли, которыя требуются для выполненія очень быстрыхъ движеній.

Скорость движенія мышцъ зависитъ отъ двухъ фактовъ: 1) отъ способности ея возбуждаться и 2) отъ силы возбужденія.

Далеко не всѣ мышцы одинаково быстро отвѣчаютъ на возбужденіе. Даже мышцы одного организма въ этомъ отношеніи неодинаковы. Еще гораздо болѣе разницы между мышцами различныхъ животныхъ. У однихъ видовъ животныхъ, промежутокъ времени между раздраженіемъ мышцы и отвѣтомъ на это раздраженіе, сокращеніемъ, очень коротокъ, у другихъ—необыкновенно продолжителенъ. Физіологъ Гельмгольцъ назвалъ этотъ промежутокъ времени скрытымъ періодомъ сокращенія и опредѣлилъ продолжительность его у разныхъ животныхъ. Онъ нашелъ, что мышца черепахи на раздраженіе ея мышцы электричествомъ отвѣчаетъ сокращеніемъ только чрезъ $^{2}/_{100}$ секунды; это животное отличается медлительностью своихъ движеній. Мышцы гораздо болѣе подвижнаго животнаго, птицы (напримѣръ, голубь) отвѣчаютъ на такое-же самое раздраженіе гораздо скорѣе, и именно чрезъ $^{7}/_{1000}$ секунды. Различные люди и даже различныя расы людей представляютъ довольно большую разницу по отношенію къ нормальной скорости движеній: одни дѣлаютъ ихъ быстро и вообще совершаютъ различныя быстрыя движенія безъ всякаго усилія; для другихъ, наоборотъ, требуется сдѣлать большое усиліе воли, чтобы произвести извѣстное движеніе, легко дающееся другому, съ одинаковою съ нимъ быстротой. Итакъ, то животное или тотъ человѣкъ больше приспособленъ къ быстрымъ движеніямъ, которые обладаютъ легче возбуждающимися мышцами. Воронежскій битюгъ, при всемъ стараніи, не проявитъ никогда той быстроты на скаковомъ полѣ, какую проявляетъ скаковая англійская лошадь или русскій рысакъ.

Такъ-же индивидуально различны могутъ быть и люди. Кажется, что это качество въ значительной степени прирожденное.

Но, кромѣ возбудимости мышцъ, въ упражненіяхъ быстроты играютъ очень важную роль усилія воли, заставляющія мышцу сокращаться съ желаемой быстротой. Чѣмъ болѣе возбудима мышца, тѣмъ легче и лучше слушается приказаній воли, тѣмъ она способнѣе производить быстрыя движенія. Такія мышцы сохраняютъ часть энергіи мозга. Мало возбудимыя мышцы, напротивъ того, при выполненіи быстрыхъ движеній, расходуютъ много нервной энергіи.

Стало быть, если человѣкъ съ мало возбудимыми мышцами берется выполнить быстрыя движенія, онъ сравнительно очень скоро почувствуетъ нервное переутомленіе.

Но и у субъекта съ возбудимыми мышцами быстрыя движенія могутъ вызвать сильное нервное переутомленіе, если скорость переходитъ извѣстную норму. Многія состязанія въ бѣгѣ и другихъ бы-

стрыхъ движеніяхъ должны совершаться поэтому съ большою осторожностью, иначе они могутъ нанести вредъ здоровью.

Сравнивая между собою упражненія въ силѣ и быстротѣ движеній, мы замѣчаемъ, что и тѣ, и другія требуютъ большой затраты мышечной энергіи, усиливаютъ дыханіе и кровеобращеніе, а потому могутъ быть названы гигіеническими; при чемъ быстрыя движенія оказываютъ больше вліянія на развитіе грудной клѣтки, тогда какъ упражненія силы болѣе способствуютъ укрѣпленію скелета и наростанію мышцъ.

Когда упражненія силы и быстроты не переходятъ извѣстной нормы, особой для каждаго индивидуума, они расходуютъ сравнительно мало нервной энергіи; но когда для совершенія этихъ упражненій требуются все большія и большія усилія воли, нервныя силы начинаютъ замѣтно истощаться, пока не наступитъ моментъ тяжелаго нервнаго переутомленія.

Особенно опасна комбинація этихъ движеній.

Наконецъ, продолжительныя физическія упражненія,—*les exercices du fond*, какъ ихъ Лягранжъ называетъ,—характеризуются тѣмъ, что одна и та-же работа распредѣляется на продолжительное время. Такую работу совершаетъ, напримѣръ, сердце. Сила каждаго сокращенія не велика и интервалы между отдѣльными сокращеніями совершенно достаточны для того, чтобы сердце отдыхало въ это время, освобождаясь отъ продуктовъ разложенія, утомляющихъ мышцу. Къ категоріи названныхъ упражненій относится много физическихъ упражненій, примѣромъ которыхъ можетъ служить ходьба, упражненіе въ греблѣ и т. д.

Послѣдствія этихъ упражненій не бросаются рѣзко въ глаза; упражненія эти не вызываютъ такого повышенія усиленія дѣятельности сердца и мышцъ, какія мы видимъ при другихъ упражненіяхъ, напр., при упражненіяхъ въ бѣгѣ и борьбѣ. Совершаемая при этихъ упражненіяхъ работа вообще находится въ такихъ нормальныхъ условіяхъ, что траты организма пополняются во время самой работы и всѣ силы находятся какъ-бы въ равновѣсіи. Но и названныя упражненія («du fond») все-таки усиливаютъ процессы дыханія, такъ какъ во время ходьбы человѣкъ поглощаетъ почти вдвое большее количество кислорода, чѣмъ во время покоя; такъ что и они увеличиваютъ до нѣкоторой степени вмѣстимость грудной клѣтки. Поэтому, такія упражненія можно рекомендовать людямъ слабымъ, больнымъ и пожилыхъ лѣтъ.

Что касается дѣтей, то они болѣе склонны къ упражненіямъ въ быстротѣ, чѣмъ къ продолжительной работѣ.

*

Лягранжъ даетъ этому факту слѣдующее объясненіе: Дитя семи лѣтъ безъ утомленія предается быстрому и продолжительному бѣгу и другимъ быстрымъ движеніямъ, такъ какъ организмъ его, въ силу болѣе быстрой метаморфозы, гораздо легче освобождается отъ угольной кислоты, накопляющейся въ крови во время этихъ упражненій. Но ткани тѣла ребенка отличаются меньшею устойчивостью, продолжительныя, и особенно однообразныя, упражненія вызываютъ усиленный расходъ азотистыхъ веществъ, и потому дѣти сильнѣе утомляются вслѣдствіе быстраго накопленія этихъ веществъ въ крови.

Ребенку болѣе всего нужны упражненія, заставляющія энергично работать грудь, и лучшимъ для этого упражненіемъ служитъ *бѣгъ*, а также всѣ тѣ упражненія, въ которыя онъ входитъ. Во всѣхъ-же почти играхъ основаніемъ служитъ именно бѣгъ.

Слѣдовало-бы еще упомянуть объ упражненіяхъ ловкости и другихъ сложныхъ и трудныхъ движеніяхъ, требующихъ продолжительной выучки, но отношеніе ихъ къ мозговой дѣятельности было уже достаточно выяснено выше.

Подводя итоги всему сказанному, мы видимъ, что между мозгомъ и органами движенія существуютъ, дѣйствительно, самыя тѣсныя соотношенія, которыя заслуживаютъ серьезнаго изученія.

Участіе мозга въ различныхъ движеніяхъ тѣла неодинаково: одни упражненія расходуютъ больше нервной силы и больше возбуждаютъ мозговую дѣятельность, а другія—меньше.

Фактъ этотъ заставляетъ насъ при выборѣ физическихъ упражненій всегда обращать вниманіе на количество и характеръ чисто нервной работы. Это особенно необходимо въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется соблюдать большую экономію въ расходѣ нервныхъ силъ, чтобы не нарушить извѣстную гармонію въ отправленіяхъ тѣла, столь важную для сохраненія здоровья.

При выборѣ физическихъ упражненій, годныхъ для школы, должно прежде всего имѣть въ виду удовлетвореніе гигіеническихъ требованій. Поэтому, на первомъ планѣ должны быть поставлены упражненія, способствующія развитію самыхъ важныхъ органовъ растительной жизни — легкихъ и сердца; а также тѣ упражненія, въ которыхъ участвуетъ большая часть мышцъ всего скелета, и въ особенности мышцы нижнихъ конечностей, какъ наиболѣе сильныя и приспособленныя къ сильной и продолжительной работѣ.

Требованія гигіены по отношенію къ физическимъ упражненіямъ дѣтей и юношей ничуть не противорѣчатъ лучшимъ идеаламъ общаго образованія; напротивъ, они имъ вполнѣ соотвѣтствуютъ. Мы назо-

вемъ общеобразованнымъ человѣкомъ такого, который умѣетъ пользоваться всѣми своими природными силами и способностями для достиженія благородныхъ цѣлей. Ни одинъ талантъ не зарытъ у такого человѣка въ землю и при первомъ требованіи можетъ быть пущенъ въ оборотъ. Это, по истинѣ, воинъ, вооруженный съ ногъ до головы, готовый и приспособленный къ борьбѣ, которую сулитъ ему жизнь. Умственныя, нравственныя и физическія силы его находятся въ полномъ соотвѣтствіи и гармоніи и приспособлены къ дальнѣйшему развитію. У такого человѣка нѣтъ спеціальныхъ умѣній или спеціальныхъ знаній, но за-то всякое знаніе можетъ быть имъ пріобрѣтено съ бо̀льшею, сравнительно, легкостью, такъ какъ у него уже имѣются тѣ основы, на которыхъ можно строить.

Къ тому-же самому стремится и индивидуальная гигіена, которая, основываясь на физіологическихъ данныхъ, доказываетъ, какъ важно для здоровья дѣтей развивать одновременно всѣ ихъ способности, не давая преимущества тѣмъ или другимъ.

Общеобразовательная школа должна быть мѣстомъ подготовки къ серьезному труду, и всякій трудъ, который въ ней совершается, долженъ имѣть значеніе упражненія — не больше. Но упражняться должны всѣ о̀рганы, причастные къ труду взрослаго человѣка. Мозгъ есть не только о̀рганъ мысли, но также, какъ мы видѣли, и о̀рганъ всякой физической работы, въ которой онъ принимаетъ то большее, то меньшее участіе. Поэтому, общеобразовательная школа должна взять на себя трудъ развивать тѣ части мозга, отъ большаго или меньшаго совершенства которыхъ зависитъ способность человѣка къ физическому труду.

Мы не разъ уже высказывали ту мысль, что ловкость есть качество больше мозговое, чѣмъ зависящее отъ совершенства о̀рганов, непосредственно участвующихъ въ работѣ, т.-е. мышцъ и костей. Хорошій работникъ можетъ справиться и съ дурнымъ инструментомъ и приготовить нѣчто хорошее. Также точно при помощи упражненій можно развить въ себѣ способность выполнять съ успѣхомъ требуемую работу, обладая о̀рганами, мало приспособленными къ работѣ. Безчисленны примѣры различныхъ профессіональныхъ работниковъ, виртуозовъ, фокусниковъ и т. д., которые выказывали чудеса ловкости, искусства и проворства, имѣя уродливыя руки, напр., лишенныя одного или нѣсколькихъ пальцевъ и т. п.

Развитіе умѣлости рукъ, такимъ образомъ, есть качество въ высшей степени важное въ жизни—это одинъ изъ видовъ ловкости. Но многіе педагоги заходятъ слишкомъ далеко, ставя эту умѣлость рукъ

непремѣннымъ условіемъ общаго образованія. Съ этою цѣлью они вводятъ ручной трудъ, какъ безусловно необходимый элементъ общаго образованіи. Тамъ, гдѣ ручной трудъ въ школахъ представляетъ не цѣль, а средство образованія — тамъ можно еще говорить объ его пригодности въ школѣ, такъ какъ одной и той-же цѣли достигаютъ различными средствами и вопросъ состоитъ лишь въ томъ, какое средство лучшее.

Главная цѣль, которую можетъ и должна преслѣдовать школа по отношенію къ развитію способности къ физическому труду заключается, по нашему мнѣнію, въ слѣдующемъ:

Школа должна развить умѣнье управлять всѣми движеніями тѣла такъ, чтобы они совершались съ наибольшею точностью и съ наименьшей затратой силы на ненужное, съ наибольшею выгодою для результатовъ работы. Слѣдовательно, среди физическихъ упражненій въ школѣ должны занять почетное мѣсто и такого рода упражненія, которыя требуютъ сознательнаго отношенія къ каждому движенію. Эти упражненія будутъ противоположны физическимъ упражненіямъ, преслѣдующимъ только гигіеническія цѣли и представляющимъ противовѣсъ одностороннему развитію умственныхъ силъ, допускаемому въ школѣ. Эти послѣднія упражненія по большей части автоматичны, легко выполнимы, а потому пріятны. О нихъ было уже говорено.

Упражненія, требующія сознательнаго отношенія къ мышечнымъ актамъ, напротивъ того, трудны и не возбуждаютъ въ дѣтяхъ той-же веселости и увлеченія, но они должны имѣть мѣсто въ школѣ, въ виду ихъ образовательнаго значенія. Къ такихъ упражненіямъ относятся, напр., всѣ простыя и сложныя движенія, совершаемыя по командѣ. Упражненія эти начинаются обыкновенно съ самыхъ простыхъ и постепенно усложняются.

Польза ихъ заключается въ томъ, что ребенокъ или юноша пріучается разъединять отдѣльныя мышечныя движенія и сравнивать между собою производимыя ими усилія. Эта привычка порождаетъ другую, не менѣе важную: ребенокъ научается мало-по-малу соразмѣрять всякое мышечное усиліе съ имѣющимся препятствіемъ или съ требуемой работой. Онъ постепенно отъучается отъ массы побочныхъ движеній, совсѣмъ ненужныхъ, препятствующихъ работѣ и, пользуясь только тѣми мышцами, участіе которыхъ необходимо, совершаетъ работу съ наибольшею выгодою.

Для малаго ребенка даже самыя простыя движенія трудны, такъ какъ требуютъ большой работы со стороны нервныхъ аппаратовъ, завѣдующихъ движеніями. Но по мѣрѣ развитія ребенка, у него на-

копляется все большій и большій запасъ привычныхъ дѣйствій, и тѣ движенія, которыя были для него очень трудны, теперь совершаются почти автоматично.

У взрослаго человѣка этотъ запасъ привычныхъ дѣйствій еще больше, и изящество въ движеніяхъ, которое отличаетъ образованнаго человѣка отъ мало воспитаннаго, есть результатъ продолжительной выучки, т.-е. привычнаго сознательнаго отношенія къ мышечнымъ движеніямъ своего тѣла. Кромѣ извѣстныхъ движеній по командѣ, есть еще много другихъ физическихъ упражненій, которыя способствуютъ развитію цѣлесообразности, плавности и изящества въ движеніяхъ. Особенное вниманіе на этотъ предметъ обращали древніе греки, которые были высокіе цѣнители изящества и пластики.

Они достигали блестящихъ результатовъ, благодаря различнымъ видамъ гимнастики, которою занимались ихъ дѣти и юноши. Въ Аѳинахъ существовалъ отдѣльный видъ гимнастики «эстетической», цѣль которой заключалась именно въ развитіи красивыхъ формъ, граціи и изящества въ движеніяхъ. Къ числу физическихъ упражненій, способствовавшихъ развитію названныхъ свойствъ, слѣдуетъ отнести различныя игры, развлеченія и танцы. Особеннымъ вниманіемъ и любовью аѳинянъ пользовалась игра въ мячъ. Этимъ занимались не только мальчики и юноши, но также, и взрослые и молодыя женщины. И надо сознаться, что это есть лучшее изъ всѣхъ упражненій, способствующее развитію ловкости, пластичности и изящества въ движеніяхъ. Къ числу тѣхъ-же упражненій относится также метаніе диска и копья, балансированіе и многія другія упражненія. Танцы, въ томъ видѣ, какъ они практиковались въ древнемъ мірѣ, были прекраснымъ упражненіемъ для развитія пластичности, граціи и легкости въ движеніяхъ.

Каждое изъ названныхъ упражненій заслуживаетъ, конечно, подробнаго критическаго анализа съ точки зрѣнія его пригодности служить извѣстнымъ образовательнымъ цѣлямъ, и для этого имѣется уже достаточно научныхъ антропологическихъ данныхъ. Мы счастливѣе въ этомъ отношеніи древнихъ грековъ, которые, идя исключительно по эмпирическому пути, благодаря своей необыкновенной наблюдательности, достигали превосходныхъ результатовъ гармоническаго и всесторонняго развитія человѣка.

«Несмотря на то, что нѣтъ полнаго систематическаго описанія всего хода воспитанія и образованія,—говоритъ профессоръ Лесгафтъ *),

*) См. его книгу «Руководство къ физическому образованію дѣтей школьнаго возраста», часть I, 1888 г., стр. 33.

все-же, даже по оставленнымъ отрывкамъ и памятникамъ, видно, что только въ древней Греціи можно было говорить о физическомъ образованіи и болѣе полной гармоніи умственнаго и нравственнаго образованія и воспитанія, чѣмъ у какого-либо другаго народа до настоящаго времени».

Самыя упражненія въ пятиборствѣ, сферистикѣ и играхъ, дѣйствительно, настолько соотвѣтствуютъ строенію и отправленіямъ молодаго организма, что только тщательныя антропологическія изслѣдованія послѣдняго времени даютъ возможность выяснить истинное значеніе этихъ упражненій и полную негодность и несостоятельность для школы болѣе распространенной нѣмецкой и шведской системы физическихъ упражненій.

Отсутствіе наблюдательности и вытекающей отсюда опытности, а также незнакомство со связью и значеніемъ отправленій организма молодаго человѣка, недостаточное пониманіе ребенка и замѣняющая все это рутина въ современной педагогикѣ только и могутъ объяснить отсутствіе всякаго физическаго образованія въ нашихъ школахъ и то угнетеніе умственнаго и нравственнаго развитія, которое является вслѣдствіе безпощаднаго односторонняго развитія почти только одной памяти у молодаго поколѣнія на счетъ всѣхъ остальныхъ познавательныхъ способностей.

Выяснивъ, въ общихъ чертахъ, отношеніе физическихъ упражненій, главнымъ образомъ практикуемыхъ въ школахъ, къ умственной дѣятельности, попробуемъ резюмировать все изложенное въ этой статьѣ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Современная научная гигіена только такого человѣка признаетъ вполнѣ нормальнымъ и правильно развитымъ, у котораго силы умственныя и физическія находятся въ правильномъ соотношеніи, т.-е. не преобладаютъ рѣзко однѣ надъ другими.

2) Такая гармоничность въ развитіи силъ достигается правильнымъ соотношеніемъ между умственнымъ и физическимъ трудомъ.

3) Въ дѣйствительности никакихъ такихъ правильныхъ соотношеній между двоякаго вида трудомъ не существуетъ, обыкновенно одинъ видъ труда преобладаетъ надъ другимъ.

4) Такія условія порождаютъ одностороннее развитіе органовъ (усиленіе однихъ и ослабленіе другихъ), вслѣдствіе чего получается односторонность и въ развитіи людей, которая вредитъ общему здоровью организма, порождая всевозможныя болѣзни.

5) Одностороннее развитіе тѣла, равно какъ и усиленная культура какихъ-либо излюбленныхъ способностей, съ точки зрѣнія ги-

гіены, не даетъ никакихъ преимуществъ. Оно можетъ быть полезно и, въ извѣстныхъ границахъ, необходимо для профессіональной дѣятельности, когда имѣется въ виду достиженіе опредѣленныхъ результатовъ труда. Но общеобразовательная школа, которая не подготовляетъ людей къ какой-либо опредѣленной профессіи, а стремится создать нормальный типъ всесторонне образованныхъ людей, вполнѣ пригодныхъ къ жизни и къ разнымъ профессіямъ, должна избѣгать всего, что ведетъ въ такому одностороннему развитію.

6) Одностороннее развитіе человѣческихъ способностей начинается обыкновенно очень рано. Общеобразовательныя школы даютъ ученикамъ одностороннее умственное развитіе. Односторонній умственный трудъ переутомляетъ учениковъ, а недостатокъ физическихъ упражненій вызываетъ цѣлый рядъ болѣзненныхъ состояній.

7) Не всѣ физическія упражненія въ состояніи восполнять до извѣстной степени вредъ, причиняемый усиленною мозговою дѣятельностью. Наиболѣе пригодными въ этомъ отношеніи могутъ быть чисто гигіеническія упражненія, усиливающія процессы дыханія и кровеобращенія, и въ то-же время въ значительной степени автоматическія, каковы бѣгъ и многія дѣтскія игры. Они только одни и могутъ дать отдыхъ мозгу.

8) При выборѣ физическихъ упражненій слѣдуетъ всегда обращать вниманіе на количество и характеръ чисто нервной работы, которую такое упражненіе вызываетъ.

9) Въ такихъ школахъ, въ которыхъ можно подозрѣвать существованіе умственнаго переутомленія учащихся, слѣдуетъ допускать только упражненія въ бѣгѣ и вообще такія упражненія, гдѣ всего болѣе замѣчается автоматичность; напротивъ того, слѣдуетъ избѣгать всѣхъ физическихъ упражненій, которыя связаны съ большей затратой нервной энергіи, каковы, напр., различныя упражненія на гимнастическихъ приборахъ, фехтованіе и т. д.

10) Общее образованіе человѣка было-бы, однако, далеко не совершенно, если-бы онъ не научился управлять всѣми своими движеніями съ наибольшею выгодою для результатовъ работы. Поэтому, выработка извѣстной ловкости, граціозности и изящества во всѣхъ движеніяхъ есть одна изъ немаловажныхъ задачъ общаго физическаго образованія. Все это пріобрѣтается извѣстнаго рода физическими упражненіями, образцы которыхъ извѣстны намъ изъ исторіи древняго міра.

В. Гориневскій.

Объ общественныхъ задачахъ образованія.

*(Окончаніе *).*

Есть еще одинъ вопросъ, который съ одинаковою живостью можетъ интересовать общество и государство, но къ которому общество и государстоо, въ виду ихъ различныхъ интересовъ, могутъ отнестись нѣсколько различно. Это вопросъ о національзаціи образованія. Этотъ вопросъ занимаетъ западноевропейскихъ педагоговъ и государственныхъ дѣятелей, императоръ Вильгельмъ въ своей рѣчи коснулся этого вопроса. Особенную важность національзація образованія имѣетъ для насъ, русскихъ, потому что русское школьное образованіе издавна отличалось, кромѣ весьма слабаго участія общества въ выработкѣ курса и строя школъ, еще заимствованнымъ иностраннымъ характеромъ; своей собственной системы образованія у насъ не было. Оставляя въ сторонѣ первые вѣка историческаго существованія Руси и до-татарскій періодъ, далѣе мы встрѣчаемъ отсутствіе какихъ-либо благоустроенныхъ школъ: русскіе люди учились элементамъ знанія, въ частности грамотѣ, у мастеровъ на дому, а дальнѣйшее образованіе пріобрѣтали путемъ начетчества. Первыя наши среднія благоустроенныя школы были кіево-могилянская и славяно-греко-латинская академіи,—школы вполнѣ иностраннаго характера. Въ учебномъ отношеніи Кіевская академія раздѣлялась на двѣ конгрегаціи: высшую и низшую. Низшая, въ свою очередь, подраздѣлялась на шесть классовъ, въ которыхъ учили чтенію и письму на трехъ языкахъ: славянскомъ, латинскомъ и греческомъ, дѣлались переводы и писались сочиненія на этихъ языкахъ, проходились катихизисъ, ариѳметика, музыка, нотное пѣніе, сочинялись стихи русскіе и латинскіе, составлялись рѣчи и разсужденія на разныя темы по образцамъ Квинтиліана и Цицерона. Высшая конгрегація имѣла два

*) См. «Русск. Школу» 1892 г., № 1-й.

класса: философіи — по Аристотелю, именно логика, физика и метафизика и, кромѣ того, геометрія и астрономія, и богословія по системѣ Ѳомы Аквината. Языкъ, на которомъ шло преподаваніе, былъ латинскій; обычными аксессуарами ученья были диспуты, разные дѣйства и вертепы. Московская академія была устроена по образцу Кіевской, порядокъ ея классовъ снизу вверхъ таковъ: 1) славяно-русская школа, 2) фара, 3) инфима, 4) грамматика, 5) синтаксима, 6) піитика, 7) риторика, 8) философія, 9) богословіе. Предметы обученія видны изъ названій классовъ. По образцу этихъ академій позднѣе были устроены духовныя семинаріи, которыя и доселѣ носятъ печать своего иностраннаго происхожденія. Первыми насадителями у насъ систематическаго школьнаго образованія были иностранцы, преимущественно греки, и за ними всякаго рода выходцы, получившіе свое образованіе главнымъ образомъ въ латинскихъ школахъ. Греческихъ дидасколовъ наши цари выписывали спеціально для книжныхъ переводовъ, книжной справы и затѣмъ для учительства.

Такъ дѣло шло до Петра Великаго. Петръ завелъ различныя школы, но эти школы, какъ и вообще всѣ петровскія нововведенія, были прямымъ перенесеніемъ иностраннаго на русскую почву, только мѣсто гречанъ заняли другіе, навербованные въ разныхъ мѣстахъ, иностранцы—голландцы, нѣмцы и т. д.

Время Екатерины II—новая эпоха въ исторіи русскаго образованія: былъ составленъ широкій планъ открытія всякаго рода школъ и отчасти осуществленъ. Планъ былъ заимствованъ у Австріи и исполнителемъ плана явился австрійскій сербъ, Янковичъ де-Миріево, спеціально вызванный для этого дѣла изъ Австріи. Онъ перевелъ множество учебниковъ и далъ руководящія методическія указанія. Цыфирныя школы Петра Великаго совсѣмъ не удались, училища Екатерины II удались мало; не смотря на понужденія полиціи, учащихся было немного, и школы, особенно высшіе ихъ классы, пустовали. Екатерина основала и первую среднюю женскую школу—Смольный институтъ, какъ извѣстно, по французскому образцу.

Затѣмъ начинается исторія нашихъ гимназій и народныхъ школъ. Что наши гимназическіе курсы и способы преподаванія были болѣе или менѣе удачными переводами съ иностраннаго, главнымъ образомъ съ нѣмецкаго, что наши народныя школы также весьма ощутительно испытали иноземныя вліянія — все это факты настолько извѣстные и свѣжіе въ памяти, что о нихъ нѣтъ нужды и говорить.

Въ исторіи нашихъ школъ обращаютъ на себя вниманіе еще двѣ черты: преобладаніе иностранныхъ языковъ въ курсѣ и давнишнее

обиліе иностранныхъ учителей, выходцевъ со всѣхъ странъ Европы. Какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ школахъ, какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ, издавна главнѣйшимъ предметомъ изученія были иностранные языки, въ мужскихъ школахъ древніе, въ женскихъ новые. Едва-ли найдется еще другой народъ, школы котораго давали-бы такое обширное мѣсто и глубокое значеніе иностраннымъ языкамъ, какъ русскій. Въ школахъ не только изучали иностранные языки книжнымъ образомъ, но и учились говорить на нихъ, въ старинныхъ духовныхъ школахъ на латинскомъ языкѣ, въ женскихъ на французскомъ. За разговоръ на русскомъ языкѣ учащихся наказывали. Поэтому, бывало, что русскій языкъ знали плохо, а иностранный хорошо, по-русски писали безграмотно, а по-французски безошибочно. Предметы научные по сравненію съ языками всегда были поставлены сравнительно плохо, центръ тяжести былъ не въ нихъ, они служили только дополненіемъ. Отсюда у насъ въ нѣкоторой части общества существовало странное представленіе объ образованномъ человѣкѣ: если человѣкъ говорилъ по-французски, то, несмотря на все его скудное развитіе и крайнюю ограниченность знаній, онъ считался образованнымъ человѣкомъ.

Въ полное соотвѣтствіе съ такимъ значительнымъ преобладаніемъ иностранныхъ языковъ въ учебномъ курсѣ надъ научными предметами, у насъ издавна бывала пропасть иностранцевъ въ качествѣ учителей, гувернеровъ и всякаго рода дѣятелей на педагогическомъ поприщѣ. Начали мы греками, самыми первыми нашими учителями, затѣмъ въ московскій періодъ пошли кіевляне, воспитанники кіево-могилянской академіи; съ Петра Великаго начался наплывъ западныхъ иностранцевъ, причемъ преобладали то нѣмцы, то французы. И въ школы и въ семьи брали всѣхъ пришельцевъ, лишь-бы былъ иностранецъ, а не русскій. Самое послѣднее нашествіе иностранцевъ на русскія школы было нашествіе австрійскихъ чеховъ, о которыхъ преданіе еще слишкомъ свѣжо. Словомъ, всѣ двунадесять племенъ, поднявшихся на Россію въ 1812 г., побывали въ русскихъ школахъ учителями и въ русскихъ семьяхъ гувернерами и гувернантками. Обыкновенно эти иностранные просвѣтители русскаго юношества, не выключая и австрійскихъ чеховъ, весьма плохо говорили по-русски, коверканнымъ, ломанымъ языкомъ.

Такимъ образомъ, всѣ наши школы, ихъ курсы, программы, методы—копіи, эхо иностранныхъ школъ и порядковъ, русскаго въ нихъ бывало мало, кромѣ русской географіи, исторіи и т. п. предметовъ, да и тѣ преподавались по методамъ, передѣланнымъ съ нѣмецкаго.

Такой иностранный характеръ русскихъ школъ достаточно объясняется историческими обстоятельствами — отсутствіемъ собственной культуры въ Россіи и ея необходимостью. Государство нуждалось въ образованныхъ спеціалистахъ; ихъ не было, не было и соотвѣтствующихъ школъ. Нужно было заводить школы, доставать людей. За отсутствіемъ своихъ людей, были приглашаемы иностранцы; за отсутствіемъ своихъ школъ, курсовъ, программъ, методовъ, все нужное было взято у иностранцевъ; ждать, пока русская почва произведетъ соотвѣтствующіе свои продукты, было невозможно. Такимъ образомъ на Руси появились школы, русскія по названію и иностранныя по организаціи и всей постановкѣ. Все это было результатомъ печальной неизбѣжной необходимости и винить школу прежняго времени за ея иностранный и казенный характеръ нельзя.

Но то, что было нѣкогда неизбѣжно, что составляло печальную необходимость, то вовсе не есть необходимость теперь. У насъ есть уже образованное общество, нѣкоторые лучи свѣта падаютъ, правда, все еще въ темную, народную массу, у насъ есть болѣе или менѣе обширный классъ лицъ, знающихъ школьное дѣло и интересующихся имъ. Если во время оно государство должно было принуждать общество къ посылкѣ дѣтей въ школы и на поддержку общества въ школьныхъ дѣлахъ совсѣмъ не могло разсчитывать, если оно все, касающееся образованія, должно было брать у иностранцевъ и проводить при помощи иностранцевъ-же, то теперь обстоятельства измѣнились: общество можетъ уже помогать государству въ заботахъ о просвѣщеніи не только матеріально, но и умственно и нравственно. И эта всесторонняя помощь общества существенно необходима для правильной постановки образованія. Нельзя-же на-вѣки вѣчные разсчитывать только на государство, оно сдѣлало и дѣлаетъ, что могло и можетъ, что въ его задачахъ и средствахъ, но сдѣлать все, замѣнить всецѣло общественную иниціативу и дѣятельность оно не можетъ. Государство не можетъ національзировать школу, при бездѣйствіи общества, циркулярами и уставами; общество должно давать не только дѣтей и деньги для школъ, но и вложить въ школы свой трудъ, свое міровоззрѣніе, вдохнуть въ нихъ свой духъ. Національное образованіе можетъ быть устроено вполнѣ правильно и жизненно только при дружной совмѣстной работѣ государства и общества.

Національзація образованія дѣло крайне сложное и трудное, не могущее быть разрѣшеннымъ въ годъ или два, это дѣло нѣсколькихъ поколѣній. Его легко поставить совершенно фальшиво, увлекшись узкимъ и ложнымъ патріотизмомъ. При заботѣ о національ-

номъ образованіи легко забыть, что образованіе въ своихъ основныхъ элементахъ есть дѣло общечеловѣческое и должно вести къ сближенію, а не къ разъединенію народовъ. Необходимость національнаго образованія, его основа и сущность заключаются въ томъ, что человѣчество распадается на національности, отличающіяся одна отъ другой и физическимъ, и психическимъ своимъ строемъ. Мышленіе, а равно и чувствованія француза, нѣмца и русскаго имѣютъ свои національныя особенности, какъ есть особенности въ исторіи этихъ народовъ, населяемыхъ ими странахъ, политическомъ строѣ, религіи и т. д. Оторвать образованіе отъ этихъ національныхъ особенностей, значитъ лишить его жизненности, примѣнимости къ условіямъ мѣста и времени, значитъ сдѣлать малоплоднымъ и заставить висѣть на воздухѣ. Фактически такое образованіе будетъ недостаточно естественнымъ, это будетъ образованіе отвлеченное, придуманное, не коренящееся въ данной почвѣ, въ исторіи народа, несогласное съ его міровоззрѣніемъ. Если мы признаемъ необходимымъ, чтобы образованіе вообще было естественнымъ, то мы должны защищать и національность образованія, такъ какъ по отношенію къ различнымъ націямъ національное образованіе есть естественное. Хотя и нельзя утверждать съ русской поговоркой, что что̀ нѣмцу здорово, то русскому смерть, но во всякомъ случаѣ не все то удобно и хорошо русскому, что удобно нѣмцу. Головы русскаго и нѣмца устроены не вполнѣ одинаково, поэтому и развивать эти головы совершенно одинаковыми средствами неудобно. Нѣкоторая неодинаковость средствъ образованія и будетъ составлять національность образованія *).

Но, увлекаясь національными особенностями образованія, можно легко забыть его общечеловѣческую основу и общечеловѣческій идеалъ, сдѣлать образованіе служителемъ не единенія, а разъединенія народовъ, внушать на школьной скамьѣ чувства національной исключительности, нетерпимости къ другимъ націямъ, грубо и фальшиво превознося свой народъ и унижая другіе, особенно не совсѣмъ дружескіе. Такая извращенная постановка образованія легко возможна преимущественно съ государственной точки зрѣнія, такъ какъ она, повидимому, патріотична. Въ исторіи, напр., постоянно можно говорить о народныхъ доблестяхъ, о народныхъ побѣдахъ и торжествахъ надъ

*) Эта «нѣкоторая неодинаковость средствъ образованія» въ дѣйствительности, однако, столь значительна, что, заключая въ себѣ всю сумму этническихъ особенностей, изъ ограниченнаго и отрицательнаго признака, какимъ она является у автора, можетъ быть квалифицирована какъ существенный элементъ національности воспитанія. *Ред.*

врагомъ; о другихъ народахъ упоминать возможно менѣе и лишь въ видѣ дополненія къ исторіи своего, всѣхъ превосходнѣйшаго, избраннаго; при знакомствѣ съ родной литературой проводить мысль, что разбираемыя произведенія велики, геніальны и равныхъ имъ нѣтъ ни у одного народа; пѣсни пѣть воинственнаго содержанія, прославляющія храбрость и войну и т. п. Отъ такой постановки образованія въ общемъ получится съ внѣшней стороны что-то ярко патріотичное, но въ сущности антигуманное, узкое и фанатичное.

Въ настоящее время, съ общественной точки зрѣнія, можно обратить вниманіе хотя на нѣкоторыя, наиболѣе бросающіяся въ глаза, стороны и черты современнаго образованія. Преобладаніе въ учебныхъ курсахъ иностранныхъ языковъ представляетъ значительныя неудобства во многихъ отношеніяхъ. Изученіе языковъ, особенно соединенное съ изученіемъ литературъ, есть вещь очень полезная и воспитательная, въ языкѣ отображаются душа народа, его міровоззрѣніе, его особенныя склонности, въ литературѣ—творческій геній его. Но если центромъ образованія становятся иностранные языки, то несомнѣнно въ юныя души питомцевъ будетъ вливаться слишкомъ много чужаго, несогласнаго съ народными основами мысли и чувства. Это чужое легко можетъ мѣшать развитію своего, народнаго и даже подавлять его, если собственное міровоззрѣніе, своя душа еще достаточно не установилась и не окрѣпла, какъ это бываетъ у учащихся и какъ это есть по отношенію ко всей русской культурѣ сравнительно съ западной. Пребываніе за границей весьма полезно и поучительно, даетъ возможность и средства лучше понять и оцѣнить свое родное, его сильныя и слабыя стороны и такимъ путемъ проясняетъ и дѣлаетъ болѣе отчетливымъ и острымъ національное самосознаніе; но жить въ иностранной землѣ прежде знакомства съ родной, расти и развиваться, питаясь соками чужой земли, ея культурой, едва-ли полезно съ національной точки зрѣнія. Образованныхъ русскихъ можно назвать, пользуясь выраженіемъ Достоевскаго, всечеловѣками—такъ много восприняли они въ себя иностраннаго и такъ мало обнаружили своего, особеннаго. Мы не говоримъ уже про то, что преобладаніе иностранныхъ языковъ въ курсѣ дѣлаетъ послѣдній въ значительной степени одностороннимъ, превращаетъ его въ курсъ филологическаго и литературнаго образованія, не всѣмъ учащимся подходящій и не всесторонне возбуждающій умъ.

Въ видахъ национализаціи образованія, наукѣ должно быть отведено болѣе широкое мѣсто въ курсѣ, чѣмъ какое она занимаетъ теперь. Наука общечеловѣчна. Правда, въ процессѣ разработки науки,

въ излюбленныхъ сторонахъ и вопросахъ, въ преобладаніи тѣхъ или другихъ методовъ изслѣдованія сказывается своеобразный, спеціальный складъ народнаго ума; но въ своихъ выводахъ, въ своихъ доказательствахъ, въ своей законченной формѣ и системѣ наука общечеловѣчна. Ее нельзя и сравнивать въ этомъ отношеніи съ языкомъ. Кромѣ того, языкъ есть созданіе преимущественно до-исторической жизни народовъ *), созданіе человѣческихъ массъ, когда раздѣльность понятій и сила мышленія были слабы, а умственная дѣятельность стояла низко. Наука-же есть историческое явленіе, результатъ высшей мыслительности отдѣльныхъ выдающихся умовъ, она болѣе логична, болѣе сознательна и раціональна, чѣмъ языкъ; исторію научныхъ открытій мы знаемъ. Поэтому въ наукѣ заключается болѣе силы, возбуждающей умы, болѣе воспитательнаго дѣйствія, чѣмъ въ языкѣ. А между тѣмъ въ учебныхъ курсахъ языки, болѣе грубый умственный продуктъ отдѣльныхъ народовъ, предпочитаются наукамъ, болѣе совершенному и зрѣлому плоду геніальной работы умовъ цѣлаго человѣчества.

Чтобы сдѣлать образованіе болѣе или менѣе національнымъ, весьма важно дать въ учебномъ курсѣ видное мѣсто всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые знакомятъ со страной и извѣстнымъ народомъ, въ которыхъ наиболѣе опредѣленно выразились міровоззрѣнія народа и развитіе его самосознанія. Таковы преимущественно языкъ, словесность и исторія своего народа. Въ языкѣ и исторіи выражаются складъ мышленія народа, его своеобразная духовная физіономія, его развитіе; для пониманія и развитія національнаго самосознанія это самые важные предметы. За ними слѣдуетъ отечественная географія со включеніемъ фауны и флоры страны. Но нужно имѣть въ виду, что видное положеніе отечественныхъ предметовъ не составляетъ все въ національзаціи образованія, ихъ можно преподавать съ весьма скуд-

*) Едва-ли есть достаточное основаніе согласиться съ утвержденіемъ, будтобы «языкъ есть созданіе преимущественно до-исторической жизни народовъ». Ни одинъ языкъ, пока живетъ народъ, говорящій на немъ, не можетъ быть признанъ за нѣкоторое законченное цѣлое, ибо языкъ находится въ состояніи постояннаго развитія. Если съ теченіемъ времени, по мѣрѣ совершенствованія даннаго народа, языкъ его все менѣе и менѣе развивается въ морфологическомъ отношеніи, то тѣмъ сильнѣе идетъ его развитіе въ отношеніи синтаксическомъ. Если-же авторъ имѣлъ здѣсь въ виду древніе языки, то періодъ ихъ процвѣтанія совпадаетъ съ историческимъ періодомъ жизни классическихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что объектомъ изученія здѣсь является не народная, а литературная рѣчь, достигшая наибольшаго своего развитія въ эпоху высокой культуры названныхъ народовъ. *Ред.*

ными результатами въ національномъ отношеніи и даже антинаціонально. Необходимо имѣть преподающему общій народный строй мысли и чувства, знать и цѣнить народные обычаи и взгляды, думать и поступать въ духѣ народа, а не на иностранный ладъ. Преподаватели иностранцы, кромѣ иностранныхъ языковъ, и къ тому-же не умѣющіе правильно и свободно говорить по-русски, явленіе вполнѣ ненормальное.

Для національизаціи образованія недостаточно дать надлежащее положеніе такимъ предметамъ, которые знакомятъ съ данною народностью. Нужно сдѣлать еще шагъ дальше и дать въ школѣ значеніе мѣстнымъ особенностямъ. Русское государство весьма велико и по составу населенія весьма разнообразно; различныя области Россіи имѣютъ различную почву, различный климатъ, различное населеніе, различную исторію. Всѣ эти мѣстности и племена теперь объединены, все это Россія, но мѣстныя особенности продолжаютъ существовать. Должна принять ихъ во вниманіе школа или нѣтъ? До сихъ поръ, такъ какъ школы устрояло почти исключительно государство, мѣстныя особенности очень мало принимались во вниманіе при организаціи школъ, одинъ и тотъ-же уставъ не только въ основныхъ общихъ чертахъ, но и во всѣхъ частностяхъ одинаково примѣнялся во всѣхъ школахъ Россійской Имперіи, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды. Своеобразіе мѣстности, исторіи, племени погибало въ школьномъ однообразіи, всѣ мѣстности и племена приводились къ одному знаменателю. Вслѣдствіе этого школа теряла связь съ мѣстностью, гдѣ она была, съ жителями, которыхъ просвѣщала, она висѣла въ воздухѣ, парила надъ людскими головами; не имѣя никакихъ мѣстныхъ особенностей, она казалась слишкомъ общей и отвлеченной. Конечно, каждая школа, существуюшая въ Россіи, должна быть русской, должна имѣть общій національный характеръ; но общій русскій характеръ школы не исключаетъ мѣстныхъ осостейобенн и характера, одно другому не противорѣчитъ. Принявъ-же мѣстную окраску, школы скорѣе сдѣлаются источникомъ свѣта для мѣстности, будутъ милѣе, роднѣе краю; между мѣстностью и школой будутъ гармонія, союзъ, тѣсная связь, а не холодность и отчужденіе. Слишкомъ усиленно и энергично гнаться за единообразіемъ въ школьномъ дѣлѣ, до пренебреженія мѣстныхъ особенностей, нѣсколько опасно— какъ-бы не изгнать изъ школъ жизнь, не повредить ихъ здоровому развитію, не засушить, не сдѣлать слишкомъ формальнымъ все дѣло образованія.

Логически разсматривая точки зрѣнія государства и общества на

образованіе и то, что вытекаетъ для образованія изъ этихъ точекъ зрѣнія, мы должны признать ихъ значительно различными. Но при различіи онѣ не противорѣчивы, не несоединимы. Каждая изъ нихъ, взятая сама по себѣ, совершенно правильна и законна, такъ какъ она обусловливается сущностью государства или общества; но въ тоже время каждая изъ нихъ одностороння, ставитъ только извѣстный рядъ задачъ. Общественная точка зрѣнія на образованіе есть индивидуалистическая и психологическая, сводящая задачи образованія къ удовлетворенію потребностей психо-физіологическаго организма человѣка, разцѣнивающая всѣ воспитательные вопросы по отношенію къ природѣ дѣтей; государство видитъ въ дѣтяхъ только будущихъ гражданъ, дѣтскими потребностями интересуется на столько, на сколько это необходимо, чтобы образовать полезныхъ, практичныхъ дѣятелей въ будущемъ. Поэтому государство не только требуетъ практичности отъ образованія, но готово бываетъ заставлять служить школу потребностямъ текущей политики. Общество имѣетъ въ виду прежде всего благо отдѣльныхъ лицъ, государство—общее благо; общество защищаетъ свободу образованія и необходимость примѣненія его къ воспитываемымъ; государство склонно бываетъ къ принудительности и единообразію образованія, къ провозглашенію одной какой-либо образовательной системы единственно правильной.

Очевидно, что эти двѣ точки зрѣнія дополняютъ одна другую, отъ соединенія ихъ и получается правильный и широкій взглядъ на задачи и постановку образованія: оно должно служить цѣлямъ развитія дѣтей, какъ психофизіологическихъ организмовъ, и не оставлять безъ вниманія потребности жизни, тѣ практическія задачи, которыя ставитъ и необходимо должно ставить образованію государство. Какъ именно соединить указанныя двѣ точки зрѣнія, въ какой пропорціи сочетать въ образованіи задачи общественныя и государственныя, какъ поставить такое образованіе—эти вопросы не могутъ быть обсуждаемы въ настоящей статьѣ. Изъ необходимости соединенія обѣихъ точекъ зрѣнія для правильной постановки образованія и ихъ непротиворѣчивости при различіи слѣдуетъ, что практически онѣ не всегда строго раздѣляются, государственный дѣятель въ сферѣ образованія нерѣдко преслѣдуетъ и общественныя педагогическія задачи, а общественный дѣятель подъ-часъ становится на государственную точку зрѣнія и защищаетъ въ образованіи интересы государства. Такъ, у представителей общественной педагогіи, нѣмецкихъ и французскихъ, намъ пришлось встрѣтить мысль, что множество равноправныхъ образовательныхъ системъ внесетъ большую разницу въ

умы и можетъ повредить національному единству, хотя это соображеніе чисто государственнаго характера. Государственные дѣятели, у насъ, напр., Екатерина II, Бецкій, нерѣдко были глубоко проникнуты общественными воспитательными идеалами, стремились осуществить ихъ и ради этого вступали даже въ борьбу съ обществомъ, не понимавшимъ осуществляемыхъ идеаловъ. Частое практическое сліяніе въ одномъ лицѣ государственныхъ и общественныхъ образовательныхъ идеаловъ свидѣтельствуетъ и за ихъ теоретическую близость и сродство, не смотря на все различіе.

Но во всякомъ случаѣ общество имѣетъ свои интересы въ образованіи, а государство свои. Изъ этого слѣдуетъ, что каждое должно дѣятельно работать на пользу образованія, въ согласіи другъ съ другомъ. Общество не должно во всемъ и всегда въ дѣлѣ образованія разсчитывать на государство, у котораго свои задачи, вслѣдствіе чего оно не можетъ всего взять на себя. Сравнивая общественныя и государственныя задачи образованія собственно съ педагогической точки зрѣнія, нельзя не придти къ заключенію, что общественныя задачи образованія, какъ чисто педагогическія, гораздо тоньше, сложнѣе и труднѣе государственныхъ, что тамъ, гдѣ государство останавливается, считая свое дѣло оконченнымъ, тамъ только начинается общественная педагогическая задача и уходитъ далеко впередъ. Одинъ рядъ задачъ служитъ основой для другаго, оба вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что государству очень нужны люди, не только не совершающіе преступленій, но и нравственные, развитые въ сознаніи своего долга, человѣческихъ и гражданскихъ обязанностей. Но государство своимъ кодексомъ воспрещаетъ только преступленія и проступки, не ставя своей задачей нравственное воспитаніе гражданъ, не требуя закономъ добродѣтели; нравственное воспитаніе оно предоставляетъ церкви, семьѣ, школѣ. Точно также государству и нужны, и желательны серьезно образованные, воспитанные и развитые граждане; но оно ограничивается въ дѣлѣ образованія самымъ существеннымъ и необходимымъ, не имѣя возможности ставить дальнѣйшія сложныя задачи. Оно предоставляетъ ихъ обществу.

Кому-же осуществлять общественныя задачи образованія, обществу или государству? Первоначально ихъ должно осуществить общество въ небольшомъ количествѣ заведеній, а потомъ, по примѣру общества, и государство, такъ какъ общественныя задачи не противорѣчатъ государственнымъ. Общественныя задачи образованія являются очень сложными и трудными, онѣ часто имѣютъ реформаторскій характеръ. Насколько эти задачи дѣйствительно настоятельны,

справедливы и насколько онѣ осуществимы? Какъ убѣдиться въ этомъ? Нельзя требовать отъ государства, чтобы оно производило педагогическіе опыты, пробовало тѣ и другія образовательныя системы, проводило желаемыя реформы, практическая состоятельность которыхъ еще не доказана: у него свои задачи, цѣли и заботы. Механизмъ государственныхъ школъ слишкомъ великъ, сложенъ, тяжелъ, измѣнять направленіе его дѣятельности трудно, ко всякому нововведенію государство относится съ подозрительною осторожностію, такъ какъ дѣло идетъ объ образовательныхъ интересахъ цѣлаго народа. Совсѣмъ въ иномъ положеніи общество. Поэтому реформы и опыты въ педагогическомъ дѣлѣ и должно производить прежде всего общество.

На ряду съ государственными школами у насъ существуютъ и частныя школы. Нельзя не пожалѣть о томъ, что частныхъ школъ у насъ сравнительно очень немного; образованіе во всевозможныхъ его видахъ, элементарное, среднее и высшее, общее и спеціальное, мужское и женское, еще настолько мало распространено у насъ, что самая энергическая помощь общества государству болѣе чѣмъ желательна. Въ Россіи дѣтей школьнаго возраста, не посѣщающихъ никакой школы, нужно считать свыше 10 милліоновъ. Въ такой странѣ, среди такой народной темноты, каждая частная школа есть желанное и отрадное явленіе.

Но задача частныхъ школъ не простое распространеніе образованія существующаго типа, а болѣе высокая—улучшеніе качественной стороны образованія, проложеніе въ немъ новыхъ путей, созданіе новыхъ системъ и принциповъ *). Государство не изобрѣтаетъ новыхъ педагогическихъ принциповъ, оно собственно педагогіей не занимается, оно управляетъ школами, пользуясь тѣмъ, что выработано твердаго въ воспитаніи и образованіи. Педагогія—дѣло общества, а частныя школы суть выразительницы общественнаго почина и общественно-

*) Требованіе почтеннаго автора въ существѣ своемъ совершенно правильно, такъ какъ подтверждается всею исторіею школы, и въ высшей степени симпатично. Тѣмъ не менѣе должно признать, что желаніе осуществить означенное требованіе въ нашемъ отечествѣ встрѣтило-бы на практикѣ почти непреодолимыя препятствія, въ особенности по отношенію къ частнымъ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ. Дѣло въ томъ, что наши частныя учебныя заведенія, если желаютъ пользоваться правами, даваемыми учебными заведеніями правительственными, должны во всемъ слѣдовать программамъ послѣднихъ; безъ этихъ-же правъ частныя учебныя заведенія не могли-бы пользоваться довѣріемъ со стороны общества, были-бы лишены для него всякой привлекательности и, поэтому, оставались-бы безъ учениковъ. Въ такомъ безысходномъ кругу должны вращаться наши частныя учебныя заведенія. *Ред.*

педагогическаго творчества въ сферѣ образованія. Но въ томъ-то и бѣда, что въ нашихъ частныхъ школахъ отсутствуютъ оригинальность, самостоятельная постановка дѣла, педагогическое творчество. Частныя школы суть копіи, сколки съ государственныхъ школъ: чему учатъ въ правительственныхъ школахъ, тому учатъ и въ частныхъ; какъ тамъ ведутъ дѣло, такъ и здѣсь; новыхъ принциповъ, новыхъ системъ, самостоятельной организаціи мы не встрѣчаемъ. Мужскія частныя учебныя заведенія суть или приготовительныя къ какому-либо правительственному училищу, или параллельныя и одинаковыя съ нимъ. Кромѣ частныхъ мужскихъ школъ, есть частныя женскія школы. Одна изъ важныхъ общественныхъ задачъ образованія есть женское образованіе. Государство не можетъ прямо поставить своей задачей созданіе и распространеніе женскаго образованія, пока образованіе гражданъ не достигло желаемой широты и высоты. Императоръ Вильгельмъ, въ своей довольно длинной рѣчи объ образованіи, ни слова не сказалъ о воспитаніи женщинъ. Государству прежде всего нужны граждане—солдаты, чиновники, плательщики податей; женщины, съ государственной точки зрѣнія, должны быть хорошими матерями, давать государству крѣпкихъ гражданъ. Образованіе-же матерей семействъ для государства не представляется первостепенною необходимостью и во всякомъ случаѣ далеко не такъ важно, какъ мужское образованіе. Общество-же иначе смотритъ на этотъ вопросъ, для него образованіе женщинъ является существенно важнымъ. Хотя общество и не раздѣляетъ, можетъ быть, мысли Пирогова, что «въ воспитаніи женщинъ заключается воспитаніе всего человѣчества», но во всякомъ случаѣ родителямъ кажется положительною несправедливостью, воспитывая сына, оставить безъ образованія дочь; для мужа дѣло первостепенной важности, образована его жена или нѣтъ; весь складъ семейной, а за нею и общественной жизни находится въ прямой зависимости отъ образованія женщинъ.

Система женскаго образованія разработана крайне недостаточно, это совершенно непочатый отдѣлъ педагогіи, хотя женскія учебныя заведенія и существуютъ давно; типъ женскаго образованія научно совсѣмъ не установленъ и вопросъ о женскомъ образованіи рѣшается обыкновенно очень просто; женская школа строится по типу мужской школы съ небольшими измѣненіями: въ мужской школѣ преобладающій предметъ занятій древніе языки, въ женской—новые; въ мужской школѣ основательный курсъ математики, въ женской тотъ-же курсъ, но покороче и полегче; въ мужской школѣ физика съ опытами и математическими доказательствами, въ женской—безъ матема-

тическихъ доказательствъ и, вмѣсто опытовъ, съ черченіемъ на классной доскѣ тѣхъ приборовъ, которыми производятся опыты; у мальчиковъ масса уроковъ, экзамены, домашнія занятія, у дѣвочекъ то-же. Женская школа—копія мужской съ небольшими измѣненіями. А между тѣмъ едва-ли можно отрицать, что женскій умъ, женское сердце, вся женская психика вообще, равно какъ назначеніе и положеніе женщины въ обществѣ, имѣютъ свои особенности, которыя должны быть приняты во вниманіе при организаціи женскихъ школъ и системы женскаго образованія.

При такомъ строѣ частныхъ школъ, мужскихъ и женскихъ, образованіе распространяется количественно, но не возвышается качественно. Распространеніе образованія на всѣхъ гражданъ есть собственно дѣло государства; улучшеніе качества образованія, проложеніе новыхъ путей для него есть дѣло общества. Какъ можно обязывать государство осуществлять общественныя задачи образованія, когда само общество, въ лицѣ руководителей частныхъ школъ, отказывается отъ проведенія этихъ задачъ? На чемъ-же государство можетъ убѣдиться, что извѣстная желаемая реформа не только теоретически прекрасна, но и осуществима практически? Какъ могутъ назрѣвать въ обществѣ педагогическіе вопросы, развиваться педагогическое сознаніе, когда преимущественнымъ возбудителемъ педагогической дѣятельности является государство? Время отъ времени у насъ бываетъ такое явленіе: послѣ длиннаго періода затишья, въ педагогической сферѣ и въ частности въ педагогической журналистикѣ настаетъ оживленіе, начинаются одушевленные толки о педагогическихъ вопросахъ, появляются живыя статьи. Это значитъ, что государство намѣрено совершить какую-либо реформу. Реформа произведена или снята съ очереди, и наставшее-было оживленіе исчезаетъ, смѣняясь новымъ длиннымъ періодомъ затишья, вплоть до новой правительственной реформы. Своихъ вопросовъ по образованію, вопросовъ живыхъ и глубокихъ, у общества какъ будто нѣтъ, оно не чувствуетъ подъ своими ногами почвы и очень охотно и усердно занимается изслѣдованіемъ положенія и успѣховъ всякихъ иностранныхъ школъ.

При такомъ отношеніи общества къ вопросамъ образованія, у насъ никогда не возникнетъ своей оригинальной школьной системы, мы никогда не избавимся отъ подражанія чужимъ образцамъ, вѣчно будемъ въ педагогическомъ дѣлѣ учениками иностранцевъ. Чувствуются недочеты въ образовательной системѣ, нужно что-то реформировать, измѣнить. Что? Какъ? Въ какомъ направленіи? Удастся-ли реформа? Нѣтъ ни яснаго сознанія новыхъ задачъ, ни, тѣмъ болѣе, сознанія

средствъ и способовъ ихъ осуществленія. Если-же недостатки все болѣе и болѣе даютъ себя чувствовать и государство рѣшается на перемѣну, то ему ничего болѣе не остается, какъ обратиться къ другимъ государствамъ и посмотрѣть, какъ у нихъ идетъ дѣло. Что у нихъ удалось и привилось, пустило корни, то берется и вводится въ правительственныхъ школахъ; по образцу правительственныхъ измѣняются и частныя школы. Совершается реформа въ образованіи, заключающаяся въ отсѣченіи, какъ негоднаго, стараго иностраннаго продукта и насажденіи на его мѣсто новаго, но то-же иностраннаго. Такими реформами доказывается наша тѣсная связь съ Европой, но не создается и не осуществляется собственная образовательная система.

На обязанности русскаго общества и спеціально русскихъ педагоговъ лежатъ серьезное и внимательное обсужденіе всѣхъ сторонъ образовательныхъ системъ и затѣмъ осуществленіе въ частныхъ школахъ признанныхъ теоретически правильными новыхъ воспитательныхъ принциповъ, новой постановки образованія. Raison d'être частныхъ школъ заключается не столько въ распространеніи образованія господствующаго типа, сколько въ исканіи и проведеніи новыхъ педагогическихъ началъ; частныя школы должны быть піонерами въ дѣлѣ образованія, указывать новые пути ему, въ маломъ размѣрѣ дѣлать впервые то, что затѣмъ государство должно воспроизвести въ массѣ своихъ заведеній. Общество должно идти въ педагогическомъ дѣлѣ впереди государства, ставить новыя задачи, открывать новые горизонты, осуществлять на дѣлѣ новыя начала и потомъ уже ихъ, испытанныя, выдержавшія критику жизни и практики, провѣренныя передавать государству. Когда государство усвоитъ ихъ, общество безъ остановки опять должно идти впередъ, снова изслѣдовать, снова создавать, созданное провѣрять на практикѣ, опять передавать государству и т. д. безъ конца.

Не слѣдуетъ думать, что указанная задача не по силамъ обществу, не можетъ быть имъ исполнена. То, что̀ сдѣлано въ области воспитанія и образованія существенно важнаго, все это сдѣлано частной иниціативой. Коменскій, Локкъ, Руссо, Базедовъ, Песталлоци, Фребель *)—были частныя лица, а не государственные дѣятели. Ихъ тру-

*) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что труды Локка и Руссо имѣютъ чисто теоретическій характеръ, остальныхъ-же изъ поименованныхъ педагоговъ можно только отчасти назвать иниціаторами въ области практическаго воспитанія, такъ какъ эта сторона ихъ дѣятельности далеко не имѣла того значенія, какъ ихъ теоретическіе труды, которыми, въ большей или меньшей степени, и пользовались государство и общество. *Ред.*

дами государство при ихъ жизни иногда пользовалось, но чаще смотрѣло на нихъ весьма подозрительно, такъ какъ всѣ перечисленныя лица были реформаторы въ области педагогіи. Нѣкоторыхъ изъ нихъ государство прямо считало неблагонадежными въ государственномъ отношеніи, но въ концѣ-концовъ, по смерти этихъ дѣятелей, пользовалось и пользуется ихъ трудами при организаціи народнаго образованія. Предполагать, что русское именно общество ничего не въ состояніи сдѣлать серьезнаго и важнаго въ области педагогіи, также несправедливо, оно уже доказало свою способность въ этомъ дѣлѣ многими весьма вѣскими фактами. Конечно, педагогическая самодѣятельность русскаго общества еще слаба: педагогическихъ обществъ у насъ почти нѣтъ, большіе съѣзды, какъ бывшій, напр., по профессіональному образованію, чрезвычайная рѣдкость, педагогическая печать мало распространена; но въ этомъ виновато не одно общество. Если въ настоящее время сильныя педагогическія общественныя движенія на Западѣ увлекаютъ за собой и правительства, то и у насъ существуютъ подобныя-же реформаціонныя движенія, только, по условіямъ нашей жизни, они выражаются очень слабо. Но главное нужно имѣть въ виду, что государство не можетъ производить педагогическихъ опытовъ и изобрѣтать новыя педагогическія начала. Это не въ его задачахъ, не въ его компетенціи. Если общество не возьметъ на себя этого труда, то государству при педагогическихъ реформахъ ничего больше не останется, какъ заимствовать ихъ изъ заграницы, т.-е. осудить себя навсегда на педагогическую незрѣлость и на ненаціональный характеръ воспитательно-образовательной системы. Поэтому, кажется, въ виду насущныхъ жизненныхъ интересовъ общества и государства, въ высшей степени желательно, чтобы общество дѣятельно поддерживало государство въ успѣшномъ достиженіи имъ необходимыхъ государственныхъ задачъ образованія, а государство, въ свою очередь, довѣряло-бы обществу, не только не препятствовало, но поощряло производство педагогическихъ опытовъ частными школами, устройство педагогическихъ обществъ, съѣздовъ, педагогическую печать и т. д. въ той мысли, что общественная педагогическая дѣятельность есть единственный фондъ для государственной педагогіи.

П. Каптеревъ.

Общественное воспитаніе маленькихъ дѣтей въ Парижѣ.

Въ силу историческихъ и экономическихъ условій, французская женщина-мать изъ рабочаго сословія участвуетъ въ заработкѣ для содержанія семьи. Выступая на рынокъ труда, она бываетъ принуждена работать внѣ дома. Это обстоятельство должно было весьма рѣзко отозваться на воспитаніи маленькихъ дѣтей. Послѣднія оставались безъ надлежащаго присмотра, довѣрялись старухамъ или подросткамъ, что давало поводъ къ развитію болѣзней, къ усиленной смертности и къ развращенію нравовъ. Уже въ началѣ нашего столѣтія филантропія, въ лицѣ французскаго духовенства, приняла подъ свою охрану дѣтей-бродягъ и дѣтей, матери которыхъ уходили на работу. Дѣти, не раздѣленныя по возрасту, собирались въ мрачной, холодной и пустой залѣ, усаживались на лавки, выстроенныя амфитеатромъ до потолка и, подъ руководствомъ сестры милосердія, учили наизусть катехизисъ; дѣвочки вязали чулокъ. Такое времяпровожденіе, связанное съ суровой дисциплиной средневѣковой педагогики, отзывалось губительно на дѣтяхъ. Но настало время гуманныхъ идей въ педагогикѣ и озарило лучемъ свѣта мракъ схоластики. Носители этихъ идей, какъ извѣстно, Оберлейнъ, Песталоцци, Фребель и Робертъ Оуенъ. Нью-лэнеркская колонія Оуена имѣла большое вліяніе на французскую педагогику *). Французъ Жюльенъ посѣтилъ колонію въ 1822 году, въ періодъ ея процвѣтанія, и въ оффиціальномъ отчетѣ отзывается о ней слѣдующими восторженными словами: «Благопріятствовать свободному развитію человѣка и его физическимъ, нравственнымъ и умственнымъ силамъ; сдѣлать лишними награды и на-

*) Напомнимъ читателю, что Нью-лэнеркская колонія находилась въ Англіи, въ 25 миляхъ отъ Гласго и была устроена Р. Оуеномъ. Это была прядильная фабрика, имѣвшая 2.000 рабочихъ, жизнь и работа которыхъ были основаны на новыхъ началахъ, съ цѣлью улучшить нравственность путемъ улучшеннаго образа жизни и образованія.

казанія, возбуждающія гордость, честолюбіе и зависть; заставить любить добро ради добра и сдѣлать хорошее поведеніе привычкой, равняющейся самому существованію; сдѣлать трудъ, добродѣтель и порядокъ пріятными—вотъ принципъ Роберта Оуена. Въ его колоніи 400 дѣтей отъ 18 мѣсяцевъ до 10 лѣтъ. Для нихъ устроена школа въ отдѣльномъ зданіи со дворомъ. До 10 лѣтъ обученіе въ школѣ обязательно, а послѣ 10 лѣтъ оно продолжается путемъ самообразованія, въ видѣ слушанія публичныхъ лекцій, чтенія книгъ. Въ школѣ маленькимъ дѣтямъ показываютъ картины животныхъ и растеній и даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о свойствахъ животнаго или предмета и о пользованіи ими. На предложенные вопросы отвѣчаютъ хоромъ. Стѣны ньюлэнеркской школы увѣшаны географическими картами, историческими картинами. Дѣти поютъ, маршируютъ, танцуютъ. Въ школѣ отсутствуетъ преподаваніе догматической религіи. Дисциплина мягкая и заключается въ поощреніи словомъ; ни награды, ни наказанія не раздражаютъ дѣтей. Они работаютъ и слушаются изъ-за удовольствія, изъ-за симпатіи къ воспитателямъ». Такой сочувственный отзывъ объ оуеновскомъ воспитательномъ учрежденіи счастливо отразился во Франціи на организаціи пріютовъ для маленькихъ дѣтей: les salles d'asyle возбуждаютъ вниманіе общества, являются жертвователи, улучшаются помѣщенія, администрація инспектируетъ ихъ и измѣняетъ програму занятій. Сидѣнье дѣтей цѣлыми днями на лавкахъ, вязанье чулковъ и исключительное изученіе катехизиса становятся уже немыслимы. Съ появленіемъ Фребеля дѣлается попытка ввести также маленькія ручныя издѣлія. Такимъ образомъ, воспитательныя учрежденія для маленькихъ дѣтей имѣютъ во Франціи свою исторію. Они перешли изъ рукъ духовенства къ правительству и въ настоящее время стали коммунальными, подлежатъ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, строго регламентированы, имѣютъ свой бюджетъ, свою программу, свои общественныя зданія, словомъ, вошли въ систему народнаго образованія. Мечтатели предполагаютъ даже, что путемъ правильнаго веденія дѣла въ этихъ дѣтскихъ дневныхъ пріютахъ, путемъ, стало быть, удаленія дѣтей отъ дурнаго примѣра рабочихъ кварталовъ, прививкою принциповъ нравственности и замѣною работой безцѣльнаго шатанья по улицамъ, можетъ возродиться вся нація, захваченная въ младенческомъ возрастѣ. Дѣти, начиная съ 15-ти-дневнаго возраста до 7 лѣтъ, могутъ оставаться ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней, внѣ семьи, получать присмотръ, пищу и отчасти одежду въ общественныхъ учрежденіяхъ, слѣдовательно, почти воспитываться на государственный счетъ. Какъ проявленіе уже не част-

ной, но общественной инціативы, эти учрежденія имѣютъ извѣстный интересъ, и поэтому будетъ не лишнимъ дать очеркъ ихъ современной организаціи въ Парижѣ. Дѣти отъ 15 дней до 2-хъ лѣтъ помѣщаются на день въ *ясли* (les crèches); отъ 2-хъ до 7 лѣтъ въ дневные пріюты, носящіе теперь названіе *материнскихъ школъ* (écoles maternelles). Это преобразованныя прежнія salles d'asyle.

Les crèches, ясли.

Въ населенныхъ рабочими кварталахъ Парижа находятся ясли для дѣтей. Онѣ или комунальныя, существующія на средства города, или благотворительныя подъ вѣдѣніемъ сестеръ милосердія. Особеннаго зданія эти учрежденія не имѣютъ, но помѣщаются въ нижнемъ этажѣ одного дома, выходящаго на площадь. Высокая зала съ широкими окнами разгорожена перилами по-поламъ: по одну сторону залы находятся грудные младенцы отъ 15-ти дней; по другую сторону—дѣти въ возрастѣ около 2-хъ лѣтъ. Дѣтей приносятъ утромъ; принимаются всѣ дѣти безразлично—законныя и незаконныя, также всѣхъ вѣроисповѣданій. Въ отдѣленіи для грудныхъ стоятъ ряды кроватокъ съ бѣлыми занавѣсками, снабженныя высокимъ тюфякомъ, клеенкой, подушкой и теплымъ одѣяломъ. Въ кроваткахъ лежатъ младенцы съ стеклянными рожками и гутаперчевыми сосками во рту. Такъ какъ держать рожокъ нѣкому, то его подпираютъ сложенной салфеткой, чтобы дитя могло его легко найти движеніемъ рта. Посреди отдѣленія—столъ съ запасомъ общественнаго бѣлья и фарфоровая ванна. Дѣти завернуты въ большія простыни и въ фланелевое одѣяло; свивальники не употребляются. Коровъ при ясляхъ не имѣется, но врачъ навѣщаетъ еженедѣльно учрежденіе и изслѣдуетъ молоко. Иногда матери приходятъ въ полдень кормить грудью, но чаще младенцы остаются весь день на рожкѣ. Дѣти, рожки и бѣлье безусловно чисты, такъ что гигіена совершенно удовлетворительна, но рукъ для ухода недостаточно. Одна или двѣ женщины заняты приведеніемъ въ порядокъ 12—15 грудныхъ дѣтей, да, кромѣ того, еще дѣти другаго отдѣленія на ихъ попеченіи. Дѣти, которыя не нуждаются ни въ смѣнѣ бѣлья, ни въ пищѣ, но желаютъ перемѣнить положеніе или требуютъ развлеченія, остаются безъ вниманія и усиленно плачутъ. «Намъ некогда забавлять дѣтей», совершенно основательно говорятъ няни.

Въ другомъ отдѣленіи дѣти въ возрастѣ около 2-хъ лѣтъ. Они ходятъ въ отгороженномъ рѣшеткой мѣстѣ, держась за перила, или сидятъ за низенькими столиками; но игрушекъ у нихъ нѣтъ. Это не входитъ въ

бюджетъ расхода. Благотворительныя дамы присылаютъ иногда игрушки, но такъ какъ онѣ скоро ломаются, то обыкновенно ихъ нѣтъ. Это, по нашему мнѣнію, громадный пробѣлъ: ребенку этого возраста нужны предметы для полученія впечатлѣній формы, цвѣта, плотности, звука и для комбинацій въ различныя сочетанія. Безъ впечатлѣній нѣтъ представленій, нѣтъ понятій, нѣтъ мысли. Дѣтей кормятъ два раза въ день мяснымъ супомъ съ хлѣбомъ; среди дня ихъ укладываютъ въ кроватки, гдѣ они, если не спятъ, обязаны смирно лежать. Этихъ дѣтей также бываетъ до 15 единовременно, такъ что всѣхъ около 30. Большимъ лишеніемъ слѣдуетъ считать отсутствіе сада, а если таковой и имѣется, то недостаточность рукъ, чтобы выносить или выводить дѣтей на воздухъ. Въ Парижѣ средняя температура такъ высока въ теченіе всего года, что младенцы могутъ круглый годъ проводить на воздухѣ. Кромѣ отсутствія игрушекъ и гулянья на воздухѣ, слѣдуетъ еще отмѣтить отсутствіе ласки, которая младенцу необходима, какъ хлѣбъ насущный. Общественныя няни добросовѣстны, но не сердечны, и не только по недостатку времени. Бюджетъ можетъ прибавить лишнія руки, но едва-ли прибавится ласки къ чужимъ дѣтямъ. У сестеръ милосердія въ частныхъ crèches замѣчается болѣе мягкое, сердечное отношеніе къ дѣтямъ.

Вечеромъ матери приходятъ за дѣтьми и вносятъ 3 су (6 коп.) за прокормленіе. Плата взимается для того, чтобы не освободить совершенно родителей отъ заботы о дѣтяхъ, но она не покрываетъ и десятой части расхода.

Материнскія школы. Ecoles maternelles.

Выше уже было сказано, что материнскія школы входятъ въ составъ системы народнаго образованія. Чтобы показать, какъ серьезно правительство смотритъ на это дѣло, выписываемъ нѣсколько статей изъ закона 2-го августа 1881 года, а затѣмъ уже опишемъ, какъ проводятъ дѣти свой день въ материнской школѣ.

Ст. 1. Мѣсто для устройства материнской школы должно быть въ хорошихъ условіяхъ вентиляціи, удалено отъ центровъ шумныхъ, опасныхъ и нездоровыхъ, отъ кладбища по крайней мѣрѣ на 100 метровъ. Если почва сырая, она должна быть осушена дренажемъ. На каждаго ребенка полагается 8 метровъ пространства.

Ст. 2. При возведеніи постройки должно имѣть въ виду разстояніе отъ сосѣднихъ построекъ, чтобы не лишить школу доступа свѣта и воздуха.

Ст. 3. Школа должна быть въ нижнемъ этажѣ.

Ст. 6. Зала для физическихъ упражненій должна имѣть 4 метра высоты и 8 м. ширины.

Ст. 7. Полы залы должны быть изъ твердаго дерева, покрытаго асфальтомъ. Если полъ не надъ погребомъ, то онъ долженъ быть положенъ на слоѣ изъ непроницаемаго матеріала. Стѣны внутри залы должны быть выложены деревомъ на 1 метръ вышины.

Затѣмъ слѣдуютъ статьи, касающіяся весьма подробно устройства потолковъ, оконъ, клозетовъ, печекъ, вентиляціи, умывальниковъ.

Ст. 16. Дворъ долженъ быть покрытъ пескомъ; цементъ допускается лишь для тротуаровъ. Для каждаго ребенка должно приходиться 3 метра двора. Если имѣется склонъ, то онъ не долженъ быть больше 0,03 метра на 1 метръ. Чрезъ дворъ не долженъ проходить открытый стокъ грязной воды.

Къ чести французской націи, должно сказать, что хорошій законъ не только красуется на бумагѣ, но выполненъ въ дѣйствительности. Зданіе, въ которомъ помѣщается école maternelle (составляющая вмѣстѣ съ двумя écoles primaires, городскими школами, одной для мальчиковъ и другой отдѣльно для дѣвочекъ, одну школьную группу, groupe scolaire), занимаетъ громадный четвероугольникъ, выходящій иногда на 4 улицы, и вмѣщаетъ 1.000 дѣтей; подходя къ 2-хъ-этажному, прекрасному зданію, украшенному флагами, сомнѣваешься, дворецъ-ли это, или школа. Впрочемъ, маршировка 300 паръ ногъ или громкіе дѣтскіе голоса за стѣною во дворѣ скоро убѣждаютъ васъ, что вы стоите предъ школою; école maternelle помѣщается всегда въ нижнемъ этажѣ. Вы входите въ просторную залу, служащую столовой, съ высокими, широкими окнами по обѣ стороны и нѣсколькими дверями, ведущими—однѣ въ классы, другія во внутренній дворъ, окаймленный рядами высокихъ деревьевъ, между которыми разставлены лавки. Во дворѣ собрана толпа дѣтей отъ 2-хъ до 7 лѣтъ, доходящая до 300 и больше. Два раза въ день, въ утренніе часы и послѣобѣденные, дѣти свободно бѣгаютъ во дворѣ, играютъ, роются въ пескѣ подъ надзоромъ воспитательницы. Здѣсь-же происходятъ несложныя гимнастическія упражненія: дѣтей разставляютъ въ ряды, сообразно возрасту, затѣмъ подъ команду заставляютъ разомъ поднимать руки,—обѣ, одну, правую, лѣвую, класть на голову, на плечо, вытянуть, согнуть и т. д. Затѣмъ маршируютъ въ тактъ подъ звуки claquoir'а (родъ кастаньетъ) и совершаютъ различныя эволюціи вдоль двора. Въ $10^1/_2$ входятъ чрезъ столовую въ классы, которыхъ имѣется два или три. Странно звучитъ названіе классовъ для дѣтей отъ 2-хъ

до 7 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, это такъ. Существуютъ настоящіе классы—съ классными, низенькими столами и лавками, досками, счетами, стѣнными картами и другими аттрибутами благоустроеннаго класса. Малютки обучаются... но объ этомъ послѣ. 300 дѣтей дѣлятся на три группы: двухлѣтнихъ, четырехлѣтнихъ и шестилѣтнихъ; каждая группа имѣетъ воспитательницу, стало быть, каждая воспитательница имѣетъ дѣло съ сотней дѣтей, изъ которыхъ одна группа такого возраста, когда у насъ ребенку еще полагается няня, когда онъ нетвердо ходитъ и непонятно говоритъ. Надо собственными глазами видѣть, какъ стройно, спокойно проходитъ вся жизнь этой массы дѣтей въ école maternelle, чтобы получить понятіе о самостоятельности французскихъ дѣтей, съ одной стороны, и о ихъ способности безусловно подчиняться—съ другой. При первомъ звукѣ claquoir'а малютки становятся въ ряды и стоятъ смирно, что не мѣшаетъ имъ переговариваться и смѣяться. Воспитательница командуетъ: «хлопайте руками!» Моментальное, дружное хлопанье. «Руки на спину!» Моментальное исполненіе. «На голову!» Слышенъ лишь шорохъ отъ поднимающихся рукъ. «Идите!» Идутъ 300 паръ ногъ. Вы разсматриваете дѣтей. «Да неужели это дѣти рабочихъ?» спрашиваете вы воспитательницу. Гладко причесанныя головы, хорошо обутыя ноги, опрятные фартуки, носовые платки въ карманахъ, вѣжливыя манеры, дѣвочки, проходя мимо васъ, присѣдаютъ, мальчики кланяются по военному. Обращаясь къ нимъ съ какимъ-нибудь вопросомъ, вы получите отвѣтъ: «oui или non, madame!» Всѣ одинаково вѣжливы, словомъ, вы видите, что находитесь въ томъ мѣстѣ, гдѣ фабрикуются маленькіе вѣжливые французики.

О классныхъ занятіяхъ скажемъ ниже. Классъ кончился, дѣти стройными рядами дефилируютъ въ столовую, гдѣ на ходу снимаютъ съ полокъ свои корзины. Изъ 200 почти одинаковыхъ корзинокъ (часть дѣтей уходитъ завтракать домой) ребенокъ, не ошибаясь, находитъ свою. Среди умѣреннаго говора и смѣха садятся за низенькіе столы. Никто никого не толкаетъ, нѣтъ ни слезъ, ни жалобъ—вы видите предъ собою уморительно маленькихъ человѣчковъ, ведущихъ себя, какъ взрослые, разумные люди. Воспитательница и двѣ служительницы разносятъ горячее кушанье,—супъ, овощи и мясо въ отдѣльныхъ мискахъ. Обѣдъ готовится въ школѣ на общественный счетъ. Родители платятъ за него 2 су (4 коп.), но этимъ, разумѣется, не оплачиваются три блюда и хлѣбъ, плата-же берется, чтобы не было совершенно дароваго содержанія. Бѣднѣйшія дѣти (въ школѣ около 50) ничего не платятъ. Дѣти обвязываютъ себѣ шею салфеткой, даже самыя крошечныя умѣютъ это сдѣлать. Покончивъ со школьнымъ

обѣдомъ, дѣти вынимаютъ изъ своихъ корзинокъ принесенный изъ дому дессертъ — кисть винограда, персикъ или грушу и бутылочку съ виномъ. Выписываемъ всѣ эти подробности потому, что дѣло идетъ о дѣтяхъ рабочаго класса. Послѣ обѣда малютки продолжаютъ сидѣть за столомъ, дожидаясь команды, чтобы встать. Пока забавляются корзинками, выдумываютъ игры, не выходя изъ-за стола. Не слышно ни ссоры, ни драки. Раздается сухой, рѣзкій звукъ claquoir'а: дѣти, какъ одинъ человѣкъ, встаютъ и становятся въ шеренгу, чтобы выйти во дворъ безъ давки и толчковъ въ дверяхъ. Чрезъ 1½ часа опять команда, выстраиваніе въ ряды, шествіе въ классы чрезъ столовую. Въ послѣдней дѣлается остановка—дѣти моютъ руки, становясь по 10 человѣкъ вокругъ умывальниковъ, около которыхъ висятъ чистыя полотенца. 200 человѣкъ моются безъ суматохи и съ привычной быстротой. Въ классахъ—пѣніе, гимнастика, ручныя работы до того часа, когда матери приходятъ разбирать дѣтей. Такъ проходитъ день ребенка въ école maternelle, которую онъ посѣщаетъ ежедневно, не исключая лѣта. Внѣшняя сторона дѣла и прекрасная цѣль его очаровываетъ на первый взглядъ. Просторъ, свѣтъ, чистый воздухъ, опрятность, порядокъ подкупаютъ посѣтителя и является мысль, можно-ли желать чего-нибудь лучшаго. Но чтобы рѣшить это, надо ознакомиться съ предметами и методомъ преподаванія. Съ программою занятій лучше всего ознакомиться по статьямъ того-же закона 1881 года объ écoles maternelles.

Ст. 13. Первые принципы нравственности должны быть переданы не въ видѣ уроковъ, но въ видѣ семейныхъ бесѣдъ, вопросовъ, пѣсенъ, разсказовъ, выясняющихъ обязанности къ семьѣ, къ отечеству, къ Богу, не касаясь отдѣльныхъ вѣроисповѣданій.

Ст. 14. Знаніе общеупотребительныхъ предметовъ, въ видѣ элементарныхъ объясненій, касательно одежды, жилища, пищи, цвѣтовъ, формы, времени года.

Ст. 15. Упражненія въ рѣчи.

Ст. 16. Рисованіе посредствомъ сочетанія линій на клѣточкахъ доски.

Ст. 17. Чтеніе и письмо совмѣстно.

Ст. 18. Счетъ. Изученіе чиселъ до 100. Четыре правила ариѳметики. Метрическая система. Счетъ на палочкахъ и устно.

Ст. 19. Основы естественной исторіи: части человѣческаго тѣла обыкновенныя животныя, растенія и минералы. Коллекціи, собранныя дѣтьми и учительницами.

Ст. 20. Географія должна имѣть характеръ описательный и осно-

ваться на наблюденіи мѣста, гдѣ живетъ ребенокъ; части свѣта; о землѣ и водѣ; рѣки, горы и главные города Франціи.

Ст. 21. Разсказъ о великихъ событіяхъ во Франціи.

Ст. 22. Ручныя работы: плетеніе, складываніе, вышиваніе.

Ст. 23. Пѣніе одноголосное и двуголосное.

Ст. 24. Гимнастическія упражненія.

Ст. 25. Уроки продолжаются не болѣе 1/4 часа, прерываются гимнастикой, пѣніемъ, маршировкой.

Ст. 28. Каждый ребенокъ, поступающій въ Ecole maternelle, долженъ имѣть медицинское свидѣтельство о томъ, что онъ не страдаетъ заразительной болѣзнью, и о прививкѣ оспы.

Ст. 31. Съ дѣтьми должно обращаться мягко и никогда ихъ не бить.

Эта программа дополнена объяснительными записками, требующими вниманія къ нѣжному возрасту ученика école maternelle, облегченіе и усвоеніе скорѣе въ игрѣ, нежели въ серьезномъ изученіи. Не вдаваясь въ подробную критику этой программы, замѣтимъ, что большая ошибка заключается въ методѣ ученія посредствомъ игры, такъ какъ эти двѣ области дѣтской жизни, игра и ученіе, должны быть совсѣмъ раздѣлены, чтобы сохранить свой истинный характеръ. Сама по себѣ эта программа, если попадаетъ въ осторожныя и умѣлыя руки, можетъ быть недурно выполнена, какъ мы ниже увидимъ. Въ школахъ-же съ заурядными учительницами, не понимающими природы ребенка или являющимися по натурѣ сухими педантками, не отступающими отъ статей закона, царствуетъ такая скука, такая ужасающая механизація, что вы, просидѣвъ день въ такой неудачной школѣ, выходите съ сильной головной болью и съ тоскою думаете, что всѣ эти прекрасныя сооруженія сущій вредъ для ребенка, что, пожалуй, лучше ему проводить время въ узкой, грязной улицѣ, подвергаясь всѣмъ случайностямъ и опасностямъ ея, нежели истязать въ этихъ просторныхъ хоромахъ умъ свой мертвящей скукой. Скука происходитъ отъ безконечнаго повторенія рядовъ буквъ, рядовъ чиселъ, повторенія хоромъ неинтересныхъ подробностей о способахъ выдѣлки вина, оливкаго масла, о желудкѣ и пищевареніи, о сердцѣ и кровообращеніи и тому подобныхъ темахъ изъ leçons de choses,—этихъ ужасныхъ предметныхъ уроковъ, такъ сильно искажающихъ смыслъ нагляднаго метода обученія и такъ быстро облетѣвшихъ всѣ европейскія школы. Русская школа также заплатила, къ счастію, кратковременную, дань этому педагогическому увлеченію, но во Франціи leçons de choses пустили столь глубокіе корни, что лучшимъ педагогическимъ силамъ приходится съ ними бороться до сихъ

поръ. Эта передовая партія добилась также оффиціальнаго измѣненія програмы для école maternelle и закономъ 18 января 1887 года она сокращена слѣдующимъ образомъ:

1. Игра, движенія съ пѣніемъ.
2. Ручныя работы.
3. Первыя основы нравственности.
4. Ознакомленіе съ предметами обыденной жизни.
5. Упражненія въ рѣчи, разсказѣ; сказки.
6. Основы рисованія, чтенія и письма и счета.

Какъ видно, о географіи, исторіи, 4-хъ правилахъ ариѳметики и помина нѣтъ, и въ первый разъ оффиціально вступаетъ въ свои права сказка, которую дѣти всего земнаго шара слушаютъ одинаково внимательно, потому что она говоритъ имъ объ ихъ мірѣ, о мірѣ фантазіи, въ которомъ все пестро, красиво и въ которомъ такъ много добра и состраданія къ слабому, больному и бѣдному. Къ сожалѣнію, должно сказать, что эта программа пока еще только на бумагѣ, въ дѣйствительности-же держится программа 1881 года, вѣроятно, для введенія ея въ жизнь, нужно свѣжее поколѣніе учительницъ, подготовленное въ иномъ направленіи. Предлагаемъ описаніе классныхъ занятій въ école maternelle съ хорошими учительницами, стремящимися придать интересъ своему предмету. Какъ уже выше было сказано, дѣти дѣлятся на три группы для классныхъ занятій: на двухъ, четырехъ и пятилѣтнихъ. Всѣ классы необыкновенно просторны, свѣтлы и зимою отоплены.

Первая группа не имѣетъ правильныхъ занятій. Дѣти остаются большую часть времени во дворѣ, гдѣ роются въ пескѣ, затѣмъ ихъ учатъ ходить рядами подъ тактъ; показываютъ картину, разсказываютъ ея содержаніе; учатъ различать цвѣта на цвѣтныхъ шарикахъ и даютъ заучивать имена со словъ учительницы. Къ сожалѣнію, и здѣсь также игрушекъ нѣтъ.

Вторая группа самая многочисленная. Послѣ утренней игры во дворѣ ведется чтеніе, т.-е. изученіе азбуки. Принята метода глухонѣмыхъ: каждый звукъ азбуки сопровождается опредѣленнымъ движеніемъ, жестомъ, который соотвѣтствуетъ или выраженію чувства, или подражанію движенія, напр., звукъ *а* имѣетъ жестъ радостнаго привѣтствія; звукъ *о*—отталкивающій жестъ; *е*—манящій къ себѣ жестъ; звукъ *р* — верченіе руки подобно колесу; звукъ *и* — движеніе маханія бичемъ и т. д. Эти движенія забавляютъ маленькихъ дѣтей, мышцы получаютъ нѣкоторое упражненіе и азбука съ соотвѣтствующими движеніями запоминается такъ хорошо, что дѣти могутъ всю ее показать

молча, какъ глухонѣмые. Для большей наглядности печатное изображеніе звука на карточкѣ, т.-е. буква, снабжено рисункомъ даннаго движенія, напр., на буквѣ *о* — нарисованъ мальчикъ, отталкивающій другаго; на *а* — мальчикъ, подающій руку; на *и* — кучеръ, поднимающій бичъ; на *р* — большое колесо и т. д. При этомъ учительница еще разсказываетъ при каждой карточкѣ какую-нибудь забавную исторію, словомъ, дѣти оживленны и 15 минутъ проходятъ быстро. Классъ прерывается пѣніемъ, хлопаньемъ рукъ въ тактъ. Слѣдуетъ письмо на доскахъ изученныхъ буквъ по данному на классной доскѣ образцу. Дѣти плохо еще держатъ грифель въ рукахъ, но къ концу года пишутъ сносно всю азбуку. Отмѣтимъ слѣдующее обстоятельство, касающееся организаціи дѣла: 120 дѣтей весьма быстро получаютъ доски и грифеля, благодаря монитерамъ (дежурнымъ), которыхъ на 10 дѣтей одинъ. Эти 4-хъ-лѣтніе монитёры прекрасно справляются: въ 2 минуты розданы доски, грифеля, мокрыя губки, приготовленныя заранѣе въ большомъ количествѣ въ корзинѣ возлѣ классной доски. Сухая тряпочка должна быть обязательно у каждаго въ карманѣ, кромѣ носоваго платка. Чрезъ 1/4 часа перерывъ. Пѣсня, гимнастика. Затѣмъ—рисованіе палочекъ по клѣткамъ по образцу, данному на классной доскѣ. Учительница не можетъ обойти въ 1/4 часа сотню дѣтей, поэтому она не исправляетъ, а рисуетъ и пишетъ каждый какъ можетъ. Требуется лишь тишина и порядокъ. Новый перерывъ, доски убираются. Идетъ предметный урокъ, напр., объ орѣхѣ *). Планъ урока приблизительно такой: на какомъ деревѣ растетъ орѣхъ; его мягкая, и твердая оболочка; ядро; объ орѣховомъ маслѣ; объ орѣховой мебели. Слышанный нами урокъ былъ веденъ довольно хорошо, понятно для дѣтей, жаль только, что говорила больше учительница, нежели дѣти, и что было говорено о югѣ-Франціи, о которомъ едва-ли четырехлѣтнія дѣти имѣютъ понятіе. Самое интересное въ этомъ урокѣ было то, что дѣти выслушали его, сидя на доходящихъ до потолка лавкахъ амфитеатра, къ которымъ вели три лѣстницы. Восхожденіе и спусканіе болѣе 100 дѣтей въ стройномъ порядкѣ подъ звуки пѣсни— зрѣлище, весьма пріятное для глазъ, да и вообще весь урокъ имѣлъ нѣчто театральное. Затѣмъ наступаетъ обѣдъ, о которомъ уже выше сказано. Послѣ обѣда—игра во дворѣ, затѣмъ классъ по преимуществу пѣнія, т.-е. дѣти заучиваютъ со словъ учительницы пѣсни, находя-

*) Въ еженедѣльныхъ французскихъ педагогическихъ журналахъ даются темы на всю недѣлю, по всѣмъ предметамъ и для разныхъ отдѣленій школъ. Если для предметнаго урока дана тема объ орѣхѣ, вы услышите бесѣду о немъ во всѣхъ посѣщаемыхъ вами материнскихъ школахъ.

щіяся во всѣхъ педагогическихъ журналахъ и въ сборникахъ. Слова иногда вычурны, напѣвъ простъ, но рѣдко красивъ, тѣмъ не менѣе французскія дѣти поютъ много и помнятъ изумительно много стиховъ.

Остается сказать о занятіяхъ старшаго класса école maternelle—о группѣ шестилѣтокъ. Азбуку они уже знаютъ и умѣютъ ее писать. Приступаютъ къ складамъ, такъ что въ этихъ школахъ царствуетъ методъ буквослагательный, а не звуковой. Азбука съ картинами устранена, имѣется наборъ подвижныхъ буквъ и, кромѣ того атласъ для чтенія; это книга большого формата съ буквами жирнаго, крупнаго шрифта, которая ставится на классную доску и въ которой идутъ послѣдовательныя сочетанія легкихъ слоговъ и словъ. Книга разсчитана на весь годъ и облегчаетъ учительницѣ преподаваніе, а такъ какъ въ педагогическихъ журналахъ обозначены слоги, долженствуемые быть пройденными въ данную недѣлю, то во всѣхъ школахъ одновременно читаютъ однѣ и тѣ-же страницы изъ одной и той-же книги. Письмо ведется въ видѣ списыванія въ тетради чернилами. Рисованіе на доскахъ, безъ клѣтокъ, отъ руки, по образцу, нарисованному учительницей на доскѣ. Счетъ въ видѣ легкихъ задачъ изъ жизни на палочкахъ и шарикахъ идетъ оживленно, но урокъ географіи, который пришлось намъ выслушать, не исходилъ изъ наблюденій самаго ребенка, какъ этого требуетъ программа. Учительница разсказывала о восходѣ и заходѣ солнца, дала и заставила повторить географическіе термины: востокъ, западъ, югъ и сѣверъ, и перешла къ вращенію земли, при чемъ, для наглядности, вызвала двухъ дѣвочекъ, изъ которыхъ одна должна была вертѣться вокругъ, стоя на одномъ мѣстѣ (солнце), а другая вокругъ себя и вокругъ подруги (земля). Дѣти смѣялись, но сомнительно, чтобы получилось отвлеченное и сложное понятіе о вращеніи земли. Зачѣмъ торопиться передачею этихъ свѣдѣній, почему не оставить ихъ школѣ?.. Въ этомъ-же старшемъ классѣ ведутся ручныя работы: дѣти плетутъ изъ бумаги, изъ тесемокъ, шерстью, прокалываютъ и вышиваютъ, учительницы показываютъ и поправляютъ; разговоры, какъ этого требуетъ Фребель, не ведутся, да это, пожалуй, и лучше, такъ какъ и безъ того дѣти слишкомъ много выслушиваютъ разговоровъ. Въ концѣ года учительницы собираютъ эти работы и съ большимъ вкусомъ утилизируютъ ихъ, дѣлая коврики, корзины и т. под. вещи, фигурирующія на послѣдней выставкѣ въ педагогическомъ отдѣлѣ. Матеріалъ для работъ имѣется въ изобиліи.

Остается еще сказать объ урокѣ нравственности, обязательномъ въ école maternelle три раза въ недѣлю. Названіе весьма громкое, но

на дѣлѣ это безцвѣтный разсказъ о будничномъ событіи съ подкладкой прописной морали: шалунъ заболѣлъ отъ обжорства, или обжогся отъ неосторожности, или благонравная дѣвочка удѣляетъ часть лакомства, или защищаетъ животное. Эти разсказы наводняютъ французскую дѣтскую литературу въ ужасающемъ количествѣ. Дѣти повторяютъ ихъ за учительницей хоромъ, повторяютъ также моральную сентенцію и также хоромъ даютъ обѣщаніе никогда не поступать такъ или обратно. Глубокаго идеальнаго чувства вовсе не затрогивается этими бесѣдами, которыя скорѣе въ состояніи вовсе затушить возникновеніе его вслѣдствіе частаго, банальнаго повторенія несдерживаемыхъ обѣщаній. Въ концѣ-концовъ, въ силу этихъ многолѣтнихъ повтореній, вѣроятно, создается извѣстная привычка внѣшней, приличной добродѣтели, которая, въ связи съ хорошей дисциплиной, составляетъ обыденную среднюю нравственность. Гораздо существеннѣе уроковъ нравственности, въ смыслѣ развитія нравственныхъ чувствъ, вліяетъ, по нашему мнѣнію, масса дѣтей, собравшаяся въ одномъ мѣстѣ. Въ глаза, напр., бросается такая прелестная сцена: малютка, которому еще нѣтъ трехъ лѣтъ, приводится первый разъ въ школу. Послѣ ухода матери, дитя заливается слезами и кричитъ съ отчаяніемъ: maman, maman! Учительницамъ некогда имъ заняться. Другой мальчикъ, приблизительно такого-же возраста, но уже привыкшій къ школѣ, можетъ быть, братъ или сосѣдъ, держитъ его за руку, заглядываетъ ему ласково въ глаза и суетъ въ ротъ шеколадъ. Плачущій ребенокъ съѣдаетъ шеколадъ и вновь принимается плакать; покровитель гладитъ его, все молча, по лицу, цѣлуетъ ему руку, онъ сильно смущенъ, потому что не знаетъ, какъ унять горе сосѣда, которое самъ также испыталъ въ свое время.

Въ высшей степени характерная для французской учебной системы черта—это раздача наградъ съ цѣлью поощренія. Французскіе педагоги полагаютъ, что чувство довольства отъ исполненія обязанности недостаточно вознаграждаетъ ребенка, а потому за каждый удачный отвѣтъ, за хорошее поведеніе онъ получаетъ разноцвѣтную марку съ надписью—bon point. Эта система раздачи наградъ практикуется начиная съ école maternelle. За извѣстное количество накопившихся за недѣлю марокъ, ребенокъ въ субботу получаетъ книгу, картинку или игрушку. Можетъ быть, эти награды и необходимы для поддержанія изумительной дисциплины, но во всякомъ случаѣ онѣ несомнѣнно развиваютъ и питаютъ честолюбіе съ малыхъ лѣтъ.

Вотъ все, что́ мы имѣли сказать о французскихъ écoles maternelles. Прибавимъ еще, что все дѣло исключительно находится въ

женскихъ рукахъ, при чемъ директрисса должна быть пожилая женщина, такъ какъ предполагается въ этомъ возрастѣ большее терпѣніе и лучшее пониманіе дѣтской природы; помощницами могутъ быть молодыя дѣвушки. Какъ тѣ, такъ и другія обязаны выдержать экзаменъ изъ педагогики, французскаго языка, ариѳметики, исторіи, географіи и пѣнія, дать пробный урокъ въ присутствіи коммиссіи и имѣть свидѣтельство о безукоризненномъ поведеніи. Каждый округъ имѣетъ инспектриссу, навѣщающую нѣсколько разъ въ году всѣ школы округа; одна изъ нихъ засѣдаетъ въ училищномъ совѣтѣ съ правомъ голоса. Въ Парижѣ 123 écoles maternelles комунальныхъ. Во Франціи число ихъ:

Комунальныхъ.	3.597	
Частныхъ.	2.493	
Число дѣтей въ комунальныхъ écoles mat. .	543.839	
» » » частныхъ » » .	217.853	
	761.692	дѣтей.
Директриссъ и помощницъ écoles mat. .	9.219	
Содержаніе ихъ обходится правительству .	5.000.000	франковъ въ годъ.

Относительно écoles maternelles можно, слѣдовательно, придти къ такимъ выводамъ, что это полезныя общественныя учрежденія, имѣющія гуманную цѣль и соотвѣтствующія потребности и времени.

Гигіена въ нихъ на высотѣ современной науки.

Матеріалъ и методъ преподаванія не совершенны; но, имѣя въ виду постоянное усовершенствованіе программы и живое участіе къ этому вопросу общества и правительства, можно ожидать въ будущемъ вполнѣ нормальной постановки дѣла. Улучшеніе экономическаго быта рабочихъ, освобожденіе матери отъ работы внѣ дома уменьшитъ приливъ младенцевъ въ школу и можетъ такимъ образомъ облегчить педагогическую дѣятельность учительницъ, подавляемую массою находящихся на ихъ рукахъ дѣтей.

А. Симоновичъ.

Трехсотлѣтній юбилей Яна Амоса Коменскаго и предполагаемое чествованіе имени его въ Германіи *).

Въ XVI вѣкѣ схоластика достигла своего апогея и противъ ея безграничнаго господства уже начинали раздаваться энергичные голоса борцовъ за истинную науку и за истинный путь къ ней. Самымъ могучимъ борцомъ въ это время явился англичанинъ Францискъ Бэконъ Веруламскій (1561—1626 г.). Онъ стремился въ наукѣ къ полному перевороту, который называлъ «великимъ возстановленіемъ» ея (instauratio magna). Ученые труды Бэкона сдѣлали его непосредственнымъ основателемъ научнаго индуктивнаго метода изслѣдованія и изученія природы; онъ-же косвеннымъ образомъ является виновникомъ реальнаго направленія въ обученіи и воспитаніи. Ученымъ своего времени, съ гордостью занимавшимся праздными умозрѣніями и словопреніями, предававшимся, подъ видомъ науки, игрѣ въ формальныя умозаключенія по всѣмъ правиламъ схоластической логики, занятымъ толкованіями только словъ, учившимъ и юношество тому-же безплодному и безполезному дѣлу,—этимъ людямъ Бэконъ бросилъ упрекъ въ томъ, что они занимаются изученіемъ не самыхъ предметовъ, а лишь ихъ названій, словъ—verbis studetur non rebus! Чехъ Янъ Амосъ Коменскій (1592—1671), умъ котораго былъ уже свободенъ отъ догматическихъ путъ римскаго католицизма, а можетъ быть и потому еще, что онъ, по своей бѣдности и сиротству, началъ учиться латинскому языку лишь на 16-мъ году отъ рожденія, вслѣдствіе чего могъ сохранить свѣжесть, воспріимчивость и способность видѣть все суемудріе схоластической учебы,—сдѣлался горячимъ сторонникомъ великаго англійскаго реалиста. Коменскій разработалъ принципъ реализма, въ широкомъ значеніи этого слова, въ примѣненіи къ учебно-воспитательному дѣлу и такимъ образомъ сталъ основателемъ, отцомъ

---

*) О жизни и трудахъ Яна Амоса Коменскаго редакція «Русской Школы» имѣетъ въ виду дать читателямъ болѣе подробную статью въ ближайшемъ мартовскомъ нумерѣ журнала. *Ред.*

научной педагогики. Это и теоретикъ, и практикъ, педагогъ въ полномъ смыслѣ, ибо имѣлъ въ виду не только образованіе ума человѣка, а полное, всестороннее развитіе всѣхъ его силъ и способностей, хотя и придавалъ этому развитію теологическую цѣль—достиженіе подобія Божія. Видя въ каждомъ человѣкѣ носителя образа Божія, онъ требовалъ, чтобы каждому человѣку даны были средства для исполненія своего общечеловѣческаго назначенія, т.-е., чтобы всѣ дѣти, бѣдныхъ и богатыхъ, простыхъ и знатныхъ, мальчики и дѣвочки, имѣли возможность учиться и образовывать себя.

Жизнь Коменскаго была многоподвижная и скитальческая. Вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій много семействъ моравскихъ братьевъ переселились въ Лиссу, въ Польшѣ, гдѣ Коменскій былъ избранъ епископомъ братства. Ради устройства учебнаго дѣла онъ былъ призываемъ въ Англію, Швецію, Венгрію; жилъ подолгу въ Лиссѣ и на родинѣ, въ Прагѣ, жилъ въ Нюренбергѣ; остатокъ дней онъ намѣревался провести въ Лиссѣ, среди своихъ соплеменниковъ, но Лисса была разорена поляками, и Коменскій долженъ былъ искать пріюта въ Амстердамѣ, гдѣ и скончался въ 1617 году.

Педагогическіе труды Коменскаго пользовались необыкновеннымъ успѣхомъ. Свой первый и самый значительный трудъ—«Великую Дидактику» онъ издалъ, на чешскомъ языкѣ, въ 1628 году; потомъ уже она была переведена имъ на латинскій языкъ (Didactica magna seu omnes omnia docendi artificium), на которомъ онъ затѣмъ написалъ и всѣ остальныя свои сочиненія. Изъ послѣднихъ, наибольшимъ успѣхомъ пользовались практическія руководства: Janua linguarum reserata—отверстыя врата языкознанія—методика преподаванія языковъ вообще, практически примѣненная къ преподаванію латинскаго языка (издана 1631 г., была переведена на 12 языковъ), и Orbis pictus (изданъ 1657 г.)—Міръ въ картинахъ, гдѣ изображенія предметовъ должны были служить замѣною дѣйствительныхъ предметовъ, на ознакомленіи съ которыми, по мнѣнію Коменскаго, слѣдовало вести обученіе.

Училищная система Коменскаго совершенно правильная, цѣлесообразная и природосообразная. До шести лѣтъ—материнская школа, съ 6-ти до 12-ти—народная школа, которая должна быть въ каждомъ селеніи, латинская школа (средняя школа, гимназія)—въ каждомъ городѣ, академія (высшая школа, университетъ)—въ каждомъ главномъ, большомъ городѣ провинціи и въ столицѣ. За обученіемъ въ народной школѣ должно слѣдовать, если ученикъ обладаетъ большими способностями, обученіе въ средней школѣ, или-же начаться практическая дѣятельность.

Недостатки, ошибки встрѣчаются, конечно, и въ педагогической системѣ Коменскаго. Его народная школа не имѣетъ сосредоточеннаго, законченнаго курса; въ учебный матеріалъ ея онъ включаетъ чтеніе, письмо, правописаніе, исторію, географію, естественныя науки, земледѣліе, астрономію, ремесла, искусства; она должна подготовлять и къ практической жизни, и къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Все обученіе въ послѣднихъ Коменскій ведетъ на латинскомъ языкѣ, т.-е. не отрѣшается отъ господствовавшаго тогда между учеными презрѣнія къ языку собственному, отечественному. Принимая ближайшее не психологически, а въ буквальномъ, реальномъ смыслѣ, онъ требуетъ, чтобы обученіе начиналось съ изученія человѣческаго тѣла. По картинамъ, на которыхъ помѣщены изображенія предметовъ въ ихъ случайномъ сосуществованіи, онъ считалъ возможнымъ изучать самые предметы.

Но всѣ такого рода недостатки ничтожны сравнительно съ общею суммою тѣхъ истинъ и здоровыхъ педагогическихъ мыслей, которыми полна его педагогическая теорія. Онъ требуетъ природосообразности метода, индивидуализаціи въ обученіи, наглядности, основательности, постепенности, примѣненія евристическаго метода, при которомъ учитель и ученикъ работаютъ совмѣстно; онъ требуетъ, чтобы школа воспитывала также нравственно; онъ настаиваетъ на соблюденіи гигіеническихъ условій,—чтобы классныя комнаты были веселыя, просторныя, чистыя; въ видахъ физическаго развитія, такъ какъ тогда еще не существовало тѣхъ инквизиціонныхъ снарядовъ, которыя нынѣ извѣстны подъ именемъ гимнастическихъ, онъ совѣтуетъ имѣть при школахъ площадки для игръ—бѣганья, прыганья, игры въ мячъ, кегли, рекомендуетъ далекія прогулки. Большая часть дидактическихъ положеній Коменскаго такъ вѣрны, что почти цѣликомъ, съ бо̀льшими или меньшими лишь сокращеніями, введены въ текстъ современныхъ намъ дидактикъ и методикъ. Къ сожалѣнію, большая часть требованій, предъявляемыхъ Коменскимъ обученію юношества, до сихъ поръ остается лишь pia desideria...

Трехсотлѣтіе со дня рожденія этого величайшаго педагога новаго времени исполнится въ мартѣ (16 (28) числа) настоящаго года. На родинѣ Коменскаго, въ Чехіи, гдѣ имѣется педагогическое общество его имени и издается съ его именемъ педагогическій журналъ, память педагога будетъ почтена, конечно, достойнымъ образомъ. Но съ наибольшею помпой юбилей Коменскаго собираются чествовать въ Берлинѣ нѣмцы, среди которыхъ, подъ латинизованнымъ именемъ Коменіуса, онъ пользуется огромнымъ авторитетомъ, всеобщимъ ува-

женіемъ. Еще весною нынѣшняго года въ Берлинѣ образовался комитетъ, повсюду разославшій свой циркуляръ (Aufruf zur Feier des 300-jährigen Geburtstages des Johann Amos Comenius am 28 März 1892) съ приглашеніемъ участвовать въ празднествѣ и въ основаніи огромнаго педагогическаго общества имени Коменскаго.

Цѣль этого Общества, по словамъ упомянутаго циркуляра, должна состоять въ «разъясненіи и распространеніи идей и твореній великаго человѣка (des grossen Mannes) среди современнаго общества». Средствами, какъ говорится въ предварительной программѣ общества (Vereinbarungen über Zweck und Verfassung der Comenius-Gesellschaft), должны служить: 1) изданіе важнѣйшихъ сочиненій и писемъ Коменскаго, а также его предшественниковъ, наставниковъ и единомышленниковъ; 2) обнародованіе источниковъ и изслѣдованія по исторіи и вѣроученію первоначальныхъ (т.-е. до-Лютеровскихъ) евангелическихъ общинъ; 3) изданіе журнала (отъ 3 до 6 нумеровъ въ годъ), въ которомъ могли-бы находить мѣсто означенные матеріалы и труды. Участники Общества раздѣляются на 1) членовъ-жертвователей (Patronen), 2) членовъ-основателей или дѣйствительныхъ членовъ и 3) членовъ-сотрудниковъ. Жертвователи, пріобрѣтающіе право пожизненнаго членства, вносятъ единовременно 500 марокъ, дѣйствительные члены по 10 мар., а сотрудники по 5 мар. ежегодно. Изданія Общества не пускаются въ продажу, а раздаются только всѣмъ вышеозначеннымъ членамъ Общества *),—съ тою, конечно, меркантильною, въ данномъ случаѣ едва-ли умѣстною цѣлью, чтобы привлечь въ члены возможно больше лицъ и собрать съ нихъ возможно больше денегъ. Общество имѣетъ свои отдѣленія также и въ другихъ государствахъ и городахъ.

Въ приглашеніи комитета къ образованію общества говорится, между прочимъ, что Коменскій посвятилъ всю свою долгую и полезную жизнь дѣлу мира, и что онъ, по его словамъ, благу человѣчества всегда придавалъ бо̀льшее значеніе, нежели народности

---

*) По 12 августа н. ст. 1891 г. въ члены общества, какъ видно изъ списка, записалось нѣсколько сотъ человѣкъ. Громадное большинство членовъ живетъ въ Германіи; есть члены и изъ различныхъ государствъ, но большею частью то-же нѣмцы. Членами, живущими въ Россіи, по указанное число августа 1891 г., записаны: 1) Давидъ Эппъ—въ Екатеринославлѣ, 2) д-ръ Гельдербломъ, проповѣдникъ реформатской общины—въ Петербургѣ, 3) Н. Голанъ, учитель древнихъ языковъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и 4) д-ръ Георгъ Шмидтъ (авторъ весьма почтеннаго труда по исторіи среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, переведеннаго на русскій языкъ покойнымъ К. Ѳ. Нейлисовымъ), состоящій наставникомъ-руководителемъ въ Историко-филологич. институтѣ въ Петербургѣ.

(der Sprachen), лицамъ и сектамъ, и что всѣ его стремленія были направлены къ примиренію, въ духѣ древне-христіанской церкви, враждующихъ между собою церквей, народовъ и сословій. Вслѣдствіе этого и учреждаемое общество будетъ также стремиться содѣйствовать въ будущемъ здоровому развитію идей единенія и примиренія (die gesunde Entwicklung der Zukunft in einigendem und versöhnenden Sinn zu wirken). Разумѣется, такой благой цѣли нельзя не сочувствовать, но, къ сожалѣнію, должно замѣтить, что уже изъ самой программы и приглашенія можно заключить, что почтенные нѣмецкіе педагоги—участники будущаго Общества въ дѣйствительности намѣрены дѣйствовать, главнымъ образомъ, ad usum и ad majorem gloriam Germaniae. Несмотря на фразы о единеніи и примиреніи народовъ, несмотря на елейный тонъ воззванія къ образованію Общества, нѣмецкіе педагоги учредители его *ни разу* не рѣшились назвать Коменскаго его настоящимъ славянскимъ именемъ, и вездѣ называютъ его только Коменіусомъ; они не рѣшились также сказать, что онъ былъ чехъ и что свой главнѣйшій трудъ написалъ первоначально на своемъ родномъ языкѣ, а говорятъ просто, что онъ, «рожденный въ Моравіи, дѣйствовалъ среди чеховъ, нѣмцевъ, англичанъ, голландцевъ» и т. д. (in Mähren geboren, unter Tschechen, Deutschen, Engländern, Holländern, Schweden und Ungarn wirkend etc.). Наконецъ, на деньги, собираемыя во всѣхъ странахъ свѣта, нѣмцы намѣрены издавать *нѣмецкій* журналъ. Кажется, всего этого достаточно для характеристики духа и направленія Общества, имѣющаго образоваться въ Берлинѣ въ память Коменскаго...

Въ настоящее время у насъ нѣтъ, къ стыду нашему, ни одного педагогическаго общества, какъ общества самостоятельнаго, съ избраннымъ изъ своей-же среды предсѣдателемъ, но все-таки имѣются и у насъ нѣкоторыя учрежденія, близко соприкасающіяся съ педагогикою; таковы, напр., Учебный отдѣлъ общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ, С.-Петербургскій комитетъ грамотности. Этимъ учрежденіямъ, а также Славянскому благотворительному обществу, по нашему мнѣнію, слѣдовало-бы принять участіе въ чествованіи памяти великаго педагога, гордости славянскаго племени, дающаго этому племени право считать себя членомъ въ семьѣ культурныхъ народовъ. На нашъ взглядъ, лучше всего память Коменскаго была-бы почтена общедоступнымъ изданіемъ на русскомъ языкѣ трудовъ его и о немъ *). К. М.

---

*) Изданнаго въ 1876 году, въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, перевода Великой дидактики давно уже нѣтъ въ продажѣ.

Замѣтка объ организаціи занятій въ педагогическомъ (VIII-мъ) классѣ женскихъ гимназій.

«...Спеціально-педагогическіе классы при женскихъ гимназіяхъ могутъ служить только къ возвышенію уровня педагогическаго образованія и опытности ученицъ, и потому необходимо возможно большее открытіе сихъ классовъ». Эти слова, взятыя нами изъ одного разъясненія Министерства Народнаго Просвѣщенія (см. «Сборникъ дѣйствующихъ постановленій и распоряженій по женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Состав. М. Родевичъ, Спб. 1884 г., стр. 34), ясно показываютъ, что послѣднее признаетъ важность возможно большаго распространенія педагогическаго образованія среди женщинъ. И дѣйствительно, женщинѣ необходимо изученіе педагогики, во-первыхъ, какъ матери, потому что подъ ея руководствомъ проходятъ младенческій и дѣтскій возрасты человѣка, когда развиваются внѣшнія чувства, образуются представленія и понятія, вырабатывается языкъ, однимъ словомъ, когда полагается начало формированію личности человѣка. Во-вторыхъ, изученіе педагогики необходимо женщинѣ, какъ воспитательницѣ и учительницѣ какъ въ семействахъ частныхъ лицъ, такъ равно и въ разныхъ общественныхъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ.

Все это вполнѣ оправдываетъ стремленіе министерства открыть при VII-ми-классныхъ женскихъ гимназіяхъ особые дополнительные классы для приготовляющихся къ педагогической дѣятельности. Были случаи, когда настоятельная потребность въ спеціально-подготовленныхъ для народныхъ школъ учительницахъ побуждала министерство учреждать спеціальные педагогическіе курсы даже при женскихъ *прогимназіяхъ*, напримѣръ, при Херсонской маріинской (см. Сборникъ и пр. стр. 34, 9).

Само собою ясно, что разъ признана важность педагогическаго образованія женщинъ, разъ для достиженія этой цѣли на практикѣ

министерствомъ открываются специальные педагогическіе классы, то необходима и наиболѣе правильная, строго выработанная организація занятій въ этихъ классахъ, дабы такимъ путемъ вѣрнѣе достичь намѣченной цѣли. Посмотримъ-же, что представляетъ въ этомъ отношеніи теорія и практика *).

Министерство, заботясь объ открытіи при женскихъ VII-ми-классныхъ гимназіяхъ дополнительныхъ педагогическихъ классовъ, не могло не дать указаній касательно средствъ, при помощи которыхъ гимназіи могли-бы достичь общей цѣли — выработать изъ учениць VIII класса хорошихъ воспитательницъ и учительницъ. Оно и дало «*Учебный планъ VIII-го дополнительнаго класса женскихъ гимназій*» (см. Родевичъ, 104 стр.), который представляетъ ни больше, ни меньше, какъ организацію занятій въ педагогическомъ классѣ только въ теоріи. Какъ при всякомъ новомъ дѣлѣ, такъ и при составленіи этого «*учебнаго плана*» (тѣмъ болѣе, что онъ составлялся теоретически, безъ всякихъ указаній практики) неизбѣжны были пробѣлы, которые стали очевидны при осуществленіи теоретическихъ положеній *на практикѣ*. Довольно продолжительная жизнь восьмыхъ классовъ одного изъ учебныхъ округовъ обнаружила не только отсутствіе нѣкоторыхъ указаній въ планѣ, но и неопредѣленность существующихъ, вслѣдствіе чего на практикѣ происходитъ рядъ недоразумѣній, вредящихъ или замедляющихъ достиженіе прямой и главной цѣли въ направленіи занятій VIII класса **).

Такъ, замѣчена, напримѣръ, *неопредѣленность въ распредѣленіи урочныхъ занятій*. Къ «Учебному плану» не приложено нормальной таблицы числа уроковъ въ недѣлю по каждому предмету обученія въ VIII-мъ классѣ. Практика учебныхъ заведеній представляетъ въ этомъ отношеніи большія разногласія. Едва-ли не самое обычное распредѣленіе урочныхъ занятій будетъ такое:

---

*) При написаніи настоящей статьи авторъ руководствовался личными наблюденіями, дополняя ихъ указаніями «Отчета по женскимъ гимназіямъ» Кіевскаго учебнаго округа. Изъ немногочисленныхъ статей объ организаціи занятій въ педагогическихъ классахъ, имѣлась въ виду ст. г. Ельницкаго—«Значеніе педагогическаго образованія для женщинъ и организація занятій въ педагогическомъ классѣ при Омской женской гимназіи», помѣщенная въ журналѣ «Семья Школа», 1881 г. №№ 8 и 9, от. II, стр. 113—139. Замѣтимъ кстати, что многое въ ст. г. Ельницкаго кажется намъ трудно исполнимымъ на практикѣ, такъ что VIII классъ въ его изображеніи является идеаломъ, иначе придется считать Омскую гимназію счастливымъ и очень рѣдкимъ исключеніемъ.

**) Полагаемъ, что тѣ-же пробѣлы и отступленія представляетъ практика женскихъ гимназій и другихъ учебныхъ округовъ, какъ это легко можно видѣть при чтеніи упомянутой выше ст. г. Ельницкаго.

Законъ Божій въ недѣлю	2	урока.
Педагогика »	2	»
Русскій языкъ »	4	(2 спеціальныхъ и 2 общихъ).
Ариѳметика »	4	урока (тоже).
Исторія »	2	»
Географія »	2	»

Какъ видно изъ примѣчанія редакціи журнала «Семья и Школа» къ ст. г. Ельницкаго, прежде въ число предметовъ обученія въ VIII классѣ не входилъ Законъ Божій, но съ 1883 года особымъ циркуляромъ предложено ввести преподаваніе этого предмета, съ назначеніемъ двухъ недѣльныхъ уроковъ, причемъ указана и программа занятій (см. Родевичъ, 34—35 стр.). Насколько указанная таблица удовлетворительна, сказано будетъ ниже.

Такая-же неопредѣленность замѣчается и относительно *руководства пробными уроками*. По плану, ученицы VIII класса преподаютъ подъ руководствомъ преподавателей-руководителей; но не указано: кому-же именно принадлежитъ главная руководящая роль въ дѣлѣ практической подготовки учащихся къ учительской дѣятельности. Въ 4-мъ пунктѣ «плана» сказано: «на пробныхъ урокахъ присутствуютъ начальница гимназіи, преподаватель - руководитель предмета, по которому даются пробные уроки, и воспитанницы, избравшія тотъ-же предметъ» (Родевичъ, стр. 107). Такимъ образомъ, общаго руководителя практическими занятіями нѣтъ. Если-бы въ женскихъ гимназіяхъ были особые инспекторы или директоры, тогда, несомнѣнно, главное руководство практическими занятіями ученицъ VIII класса необходимо было-бы возложить на нихъ, какъ это сдѣлано относительно учительскихъ институтовъ и семинарій. На практикѣ подготовкою ученицъ къ педагогической дѣятельности руководятъ преподаватели предметовъ, предсѣдатели-же педагогическихъ совѣтовъ (замѣняющіе теперь инспекторовъ) женскихъ гимназій иногда выслушиваютъ въ коммиссіи отчетъ относительно данныхъ ученицами уроковъ и сдѣланныя по поводу ихъ замѣчанія. При отсутствіи особыхъ директоровъ или инспекторовъ въ женскихъ гимназіяхъ едва-ли и возможенъ иной порядокъ дѣла *).

---

*) Главнымъ руководителемъ практическими занятіями, естественно, долженъ бы быть преподаватель педагогики, хотя при этомъ нельзя не замѣтить, что преподаватели, которымъ приходится руководить занятіями педагогическаго класса, нерѣдко сами не получили педагогическаго образованія, такъ какъ педагогика, къ сожалѣнію, у насъ не входитъ въ кругъ знаній, требуемыхъ отъ нашихъ преподавателей. *Ред.*

Въ положеніи о VIII-мъ классѣ ни слова не говорится *о количествѣ ученицъ* въ этомъ классѣ. На практикѣ отъ этого бываетъ много неудобствъ. Во-первыхъ, гимназіямъ при большомъ числѣ ученицъ (въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Кіевскаго учебнаго округа цыфра ихъ доходитъ до 35—40) трудно бываетъ удовлетворить тому требованію «Учебнаго плана» касательно практическихъ упражненій въ преподаваніи, которое изложено въ пунктѣ 3 и гласитъ: «Во второмъ полугодіи дѣвицы... приступаютъ къ преподаванію въ приготовительномъ и трехъ низшихъ классахъ гимназіи, причемъ каждая должна составить конспектъ *для двухъ первыхъ уроковъ*, которые она будетъ давать»... (Родевичъ, 107 стр.). Подчеркнутыя слова предполагаютъ, что ученица должна дать больше двухъ уроковъ *), между тѣмъ при числѣ ученицъ, превышающемъ 20, каждая ученица успѣетъ дать только одинъ урокъ по начальному преподаванію и одинъ по предмету спеціальности. Такъ что, во-вторыхъ, при большомъ количествѣ ученицъ не будутъ достигнуты правильность и польза практическаго преподаванія. Наконецъ, въ-третьихъ, указываютъ еще на такого рода неудобство: «Пробные уроки воспитанницъ педагогическаго класса, даже при наилучшемъ веденіи этого дѣла, должны невыгодно вліять на занятія ученицъ приготовительнаго и низшихъ классовъ гимназіи. Воспитанницы низшихъ классовъ гимназіи обыкновенно не считаютъ ученицъ VIII класса своими учительницами, имѣющими вліяніе на оцѣнку ихъ знаній и поведенія, и потому значительная часть пробныхъ уроковъ оставляетъ... незначительные слѣды»... (Отчетъ попечительства Кіевскаго учебнаго округа за 1888—1889 уч. годъ, стр. 10). Послѣднее неудобство, кажется, легко устраняется на практикѣ тѣмъ, что учительница или учитель, по предмету котораго даетъ урокъ ученица VIII класса въ одномъ изъ низшихъ классовъ гимназіи, объявляетъ, что будетъ спрашивать все разсказанное и объясненное въ классѣ ученицею VIII класса и за отвѣты послѣдней будетъ ставить баллъ. Какъ-бы то ни было, но большое число ученицъ въ VIII-мъ классѣ, безъ всякаго сомнѣнія, вредно отзывается на самихъ-же ученицахъ и должно быть строго ограничено. Наблюденія за ходомъ практическихъ занятій въ женскихъ гимназіяхъ показываютъ, что, въ видахъ правильности и пользы практическихъ

---

*) Въ пунктѣ 6 читаемъ: «...Число пробныхъ уроковъ должно быть достаточно для того, чтобы по нимъ можно было правильно судить о способности и умѣніи ученицы обучать и преподавать избранный ею предметъ въ трехъ низшихъ классахъ гимназій» (Родевичъ, стр. 108).

занятій ученицъ въ VIII-мъ классѣ, необходимо ограничить цыфру ихъ 15 или 17—не больше.

Полное молчаніе хранитъ «Учебный планъ» *объ экзаменахъ* въ VIII-мъ классѣ. Въ пунктѣ 7 говорится: «Ученицы... исполнившія удовлетворительно всѣ, какъ теоретическія, такъ и практическія учебныя занятія въ VIII-мъ дополнительномъ классѣ, пріобрѣтаютъ званіе домашнихъ наставницъ»... или пользуются правами домашнихъ учительницъ (Родевичъ, 108 стр.). По смыслу этого пункта, никакихъ экзаменовъ не полагается для ученицъ VIII-го класса. Такъ и поняли этотъ пунктъ педагогическіе совѣты нѣкоторыхъ гимназій; но съ ихъ мнѣніемъ не согласился г. попечитель округа, и экзамены существуютъ для ученицъ VIII-го класса. Положеніе дѣла на практикѣ показало необходимость экзаменовъ какъ для контроля ученицъ, такъ и для контроля учителей. Но, спрашивается, какъ производятся эти экзамены? Въ этомъ случаѣ практика представляетъ большое разнообразіе. Въ однѣхъ гимназіяхъ экзаменуютъ изъ Закона Божія, педагогики и изъ предмета спеціальности, причемъ экзамены происходятъ только устно. Въ другихъ—экзамены изъ тѣхъ-же предметовъ, но съ прибавкою письменныхъ по предмету спеціальности; наконецъ, въ третьихъ и изъ предметовъ общихъ, и изъ предметовъ спеціальности экзаменуютъ и устно, и письменно. Какой-же порядокъ дѣла считать за болѣе нормальный? Чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, намъ необходимо подробно коснуться тѣхъ пунктовъ «Учебнаго плана», гдѣ трактуется о теоретическихъ занятіяхъ ученицъ VIII-го класса. Въ пунктѣ 8-мъ *а* говорится: «Всѣ ученицы разучиваютъ, подъ руководствомъ преподавателей, избранный учебникъ педагогики (напримѣръ, «Очеркъ практической педагогики» Диттеса въ русскомъ переводѣ), причемъ учитель задаетъ ученицамъ, послѣдовательно, извѣстный отдѣлъ учебника, который онѣ должны приготовить сами къ слѣдующему уроку»... (Родевичъ, 105 стр.). Если сравнить указанный учебникъ Диттеса съ учебниками Рощина или Олесницкаго, по которымъ обыкновенно изучаютъ общую педагогику ученицы въ VII-мъ классѣ, то станетъ ясно, что въ VIII-мъ классѣ на урокахъ педагогики расширяются и уясняются знанія ученицъ по общей педагогикѣ, пріобрѣтенныя ими въ VII-мъ классѣ, извѣстное имъ получаетъ новое и болѣе яркое освѣщеніе. Въ томъ-же пунктѣ упоминается о письменныхъ работахъ по педагогикѣ, причемъ такихъ работъ предполагается нѣсколько, по изученіи извѣстнаго отдѣла. Всѣ эти требованія плана понятны и ясны; но въ томъ-же пунктѣ упоминается еще *дидактика*. О ней-же рѣчь идетъ и въ пунктѣ 6-мъ «Учебнаго плана»: «всѣ

ученицы VIII-го дополнительнаго класса обязательно изучаютъ установленный курсъ педагогики и дидактики и обучаются начальному преподаванію русскаго языка и ариѳметики»... (Родевичъ, 105 стр.). Что разумѣть подъ выраженіемъ «обучаются начальному преподаванію русскаго языка и ариѳметики» объясняетъ пунктъ 8 *б* и *в*. Спрашивается: кто-же долженъ преподавать методику и дидактику (?) начальнаго обученія русскому языку и ариѳметикѣ—учитель педагогики, или учителя русскаго языка и ариѳметики? На практикѣ различно рѣшаютъ это сомнѣніе: въ однѣхъ гимназіяхъ занимается этимъ учитель педагогики, въ другихъ—учителя русскаго языка и ариѳметики. Принимая въ соображеніе, что учитель педагогики можетъ дать лишь самыя общія методическія и дидактическія (?) указанія на счетъ начальнаго обученія русскому языку и ариѳметикѣ, между тѣмъ какъ ученицамъ VIII класса, готовящимся быть учительницами, необходимо основательное знакомство (по словамъ плана) и съ различными способами обученія чтенію и письму, и съ пріемами веденія объяснительнаго чтенія и письменныхъ работъ, а равно и пріемами сообщенія въ соотвѣтствующей формѣ грамматическихъ правилъ, станетъ ясно, что на преподавателя педагогики не совсѣмъ удобно возлагать сообщеніе методическихъ свѣдѣній по начальному обученію русскому языку и ариѳметикѣ, что это дѣло лучше поручить учителямъ русскаго яз. и ариѳметики *). Что касается предметовъ *спеціальнаго изученія*, то о нихъ глухо сказано въ пунктѣ 8-мъ, что по каждому изъ нихъ ученицы разучиваютъ, подъ руководствомъ учителя, по два учебника, въ объемѣ курса гимназій (мужскихъ) Министерства Народнаго Просвѣщенія. Такимъ образомъ, большаго количества новыхъ свѣдѣній ученицы-спеціалистки не пріобрѣтаютъ, а повторяютъ извѣстное, причемъ уясняется учителемъ то, что, по его мнѣнію, не ясно понимается ученицами. Указываются даже учебники—по русскому языку грамматика Буслаева, по ариѳметикѣ — учебники Малинина-Буренина и Буняковскаго, которые необходимо изучить и разсмотрѣть съ методической стороны. Тутъ-же находится и требованіе насчетъ письменныхъ работъ: ихъ должно быть нѣсколько, по каждому изъ разученныхъ отдѣловъ.

О преподаваніи другихъ предметовъ спеціальности—исторіи, географіи и словесности—въ учебномъ планѣ не дается никакихъ указаній, даже не указываются учебники, которые необходимо изучить.

---

*) Этотъ взглядъ автора совершенно правиленъ; въ большинствѣ женскихъ гимназій такъ именно и поступаютъ. *Ред.*

Еще по исторіи и географіи дѣло можетъ какъ-нибудь уладиться: стоитъ учителю выбрать два учебника и разсматривать ихъ такъ, какъ должно разсматривать учебники по русскому языку и ариѳметикѣ, хотя и тутъ возникаетъ рядъ недоразумѣній: учебники-ли по *русской* исторіи разсматривать и повторять, или-же по исторіи *всеобщей?* Какъ понимать «разъясненіе непонятнаго ученицамъ»? Все это не пустые вопросы, потому что пишущему эти строки пришлось отъ окружнаго инспектора выслушать неудовольствіе за то, что онъ позволилъ ученицамъ VIII класса, въ дополненіе къ учебнику по русской исторіи Иловайскаго, читать статьи изъ хрестоматіи Гуревича. Вообще мы стоимъ за необходимость возможно точныхъ и ясныхъ указаній со стороны министерства, чтобы не приходилось выслушивать незаслуженные упреки учителямъ, желающимъ дать болѣе ясныя и точныя свѣдѣнія своимъ ученицамъ. Такъ, необходимо подробно указать, какъ слѣдуетъ вести дѣло изученія учебниковъ по указаннымъ предметамъ, потому что на практикѣ и въ этомъ случаѣ можно встрѣтить большое разнообразіе. По нашему мнѣнію, согласно съ намеками учебнаго плана, необходимо дѣло вести такъ, какъ ведется оно, по сообщенію г. Ельницкаго, въ VIII классѣ Омской женской гимназіи (См. «Семья и Школа» 1881 г., №№ 8 и 9, 127 стр.).

Учебникъ необходимо раздѣлить на отдѣлы и, по прохожденіи и разъясненіи каждаго изъ нихъ, давать соотвѣтствующія темы для письменныхъ сочиненій. Мало того, такъ какъ въ VIII-мъ классѣ все должно сводиться къ практикѣ, то необходимо, чтобы ученицы изложили, какъ надо проработать каждый отдѣлъ для урока въ одномъ изъ трехъ низшихъ классовъ гимназій *). Благіе результаты такого веденія дѣла—внѣ сомнѣнія.

Но, спрашивается, что̀ дѣлать въ VIII классѣ *по словесности?* Учебный планъ VIII кл., какъ сказано было выше, ни слова не говоритъ объ этомъ. Посмотримъ, что даетъ практика. Г. Ельницкій ничего не говоритъ о словесности и заставляетъ предполагать, что ее совсѣмъ не преподаютъ въ VIII кл. Омской женской гимназіи. Въ разныхъ гимназіяхъ Кіевскаго учебнаго округа дѣло обстоитъ такъ: въ однѣхъ гимназіяхъ, согласно съ тѣмъ пунктомъ учебнаго плана, гдѣ говорится, что всѣ предметы проходятся въ объемѣ мужскихъ гимназій, въ VIII кл. на урокахъ словесности дополняютъ то, что не

*) Этимъ рѣшается вопросъ, какіе учебники должно разсматривать съ ученицами VIII кл. по исторіи и географіи. Учебникъ по исторіи *русской*, потому что въ III кл. женской гимназіи проходится краткій курсъ русской исторіи; по географіи—Европа и Россія.

пройдено по литературѣ въ VI и VII классахъ; если-же остается время, то прибавляютъ сюда новѣйшихъ писателей (Нѣжинская женская гимназія); въ другихъ—продолжаютъ курсъ VIII класса, читая произведенія поэтовъ Пушкинской школы (гимназія Ващенка и Кіевская министерская); въ третьихъ—просто повторяютъ курсъ VII кл. (Прилукская женская гимназія). При такомъ разнообразіи курса словесности замѣчается не меньшее разнообразіе въ пріемахъ преподаванія. Нѣкоторые преподаватели практикуютъ пріемъ VI и VII классовъ, т.-е. читаютъ произведенія или отрывки изъ нихъ и разбираютъ, причемъ ученицы имѣютъ учебникъ Галахова. Другіе-же преподаватели ведутъ дѣло иначе. Вотъ что писала намъ одна изъ ученицъ VIII кл. Кіевской министерской женской гимназіи объ урокахъ словесности. Въ теченіе 1885—1886 учебнаго года у нихъ читали и разбирали сочиненія Гоголя. «Пособій и руководствъ,—пишетъ моя корреспондентка,—у насъ никакихъ не было, какъ и совѣтовалъ намъ нашъ учитель; по его мнѣнію, можно было (бы?) руководствоваться многими литературами (т.-е. учебниками по литературѣ), но лучше всего не придерживаться ни одной (одного) изъ нихъ особенно, а всѣхъ понемножку. Началъ онъ о Гоголѣ, съ его біографіи, и параллельно съ этимъ читалъ его главныя произведенія; критики читалъ по Кулишу и Максимовичу, кажется». За тотъ-же учебный годъ въ другой Кіевской женской гимназіи (Ващенка-Захарченка), по сообщенію другой нашей корреспондентки, начали со школы Пушкина, имѣя главнымъ образомъ въ виду Дельвига, Языкова, Баратынскаго, Козлова; потомъ читали сочиненія Лермонтова. «Учебниковъ намъ (пишетъ она) не указывали..., мы должны были проходить по запискамъ, хотя, конечно, преподаватель, при прохожденіи какого-нибудь отдѣла, указывалъ ту или другую книгу...» (напр., учитель ссылался на біографію Кольцова, написанную де-Пуле, рекомендуя ее ученицамъ, какъ болѣе вѣрную и безпристрастную, чѣмъ статья Бѣлинскаго).

Допускаемъ, что ученицы VIII кл. могутъ вынести кое-какія новыя свѣдѣнія по русской словесности изъ того или иного курса словесности, но для чего они имъ понадобятся? Если цѣль VIII класса—приготовить хорошихъ учительницъ для народныхъ школъ и для трехъ низшихъ классовъ женскихъ гимназій и прогимназій, то изученіе словесности въ этомъ отношеніи не принесетъ существенной и прямой пользы ученицамъ этого класса. Оно будетъ лишь отнимать у нихъ время, котораго и такъ немного (одно первое полугодіе) для того, чтобы усвоить то, что надо для преподаванія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій. Поэтому, намъ кажется совершенно из-

лишнимъ преподаваніе словесности въ VIII классѣ. Вообще, по нашему убѣжденію, дѣло преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ необходимо поставить такъ: всѣ ученицы этого класса слушаютъ методику начальнаго обученія русскому языку, знакомятся съ веденіемъ объяснительнаго чтенія, изучаютъ грамматическія правила и правила орѳографіи (причемъ имѣются въ виду учебники, указанные планомъ— Поливанова, Кирпичникова и др.). На это потребуется *не меньше трехъ уроковъ въ недѣлю*. Избравшія-же специальностью русскій языкъ, кромѣ того, должны изучить не церковно-славянскую грамматику въ связи съ русскою по учебнику Буслаева, мало разработанному въ методическомъ отношеніи, а *высшій курсъ русской грамматики*, который подвелъ-бы знакомые ученицамъ факты подъ общіе законы, такъ что, будучи повтореніемъ стараго, онъ представилъ-бы это старое въ новомъ, болѣе ясномъ свѣтѣ. Для изученія такого высшаго курса грамматики *) (въ родѣ книги: Высшій курсъ русской грамматики, составленный Вл. Стоюнинымъ) достаточно *двухъ уроковъ въ недѣлю*. Такимъ образомъ, по нашимъ соображеніямъ, должна быть такая нормальная таблица числа уроковъ въ недѣлю по каждому предмету обученія, полагаемому въ VIII классѣ:

Законъ Божій	2	урока.
Педагогика.	2	»
Русскій языкъ	5	»
Ариѳметика	4	»
Исторія	2	»
Географія	2	»

Что касается письменныхъ работъ, то обыкновенно практикуютъ въ гимназіяхъ систему полугодовыхъ и годовыхъ сочиненій. Болѣе полезнымъ и цѣлесообразнымъ представляется требованіе на этотъ счетъ учебнаго плана, такъ что отступать отъ него нѣтъ никакой серьезной необходимости.

Теперь легко отвѣтить и на поставленный выше вопросъ: нуженъ-ли экзаменъ въ VIII классѣ и каковъ онъ долженъ быть? Опытъ указываетъ на необходимость экзаменовъ для большей успѣшности

*) На нашъ взглядъ, методика отечественнаго языка будетъ прежде всего болѣе умѣстнымъ предметомъ для педагогическаго класса. Будучи отчасти повтореніемъ и уясненіемъ стараго, она вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ учащимся много новаго и для ихъ будущей дѣятельности существенно необходимаго, на что справедливо указываетъ ниже и самъ почтенный авторъ настоящей статьи.

Ред.

въ достиженіи общей цѣли VIII класса. Производить ихъ должно *всѣмъ ученицамъ* изъ Закона Божія, педагогики и методикъ начальнаго обученія русскому языку и ариѳметики, въ связи съ грамматикою въ краткомъ видѣ (какъ нужно для 3-хъ низшихъ классовъ). Хотя ученицы на практическихъ урокахъ и показали уже свое умѣнье вести дѣло преподаванія, свои пріемы, однако, экзаменъ изъ методики нисколько не становится отъ этого излишнимъ: будущая учительница должна на экзаменѣ обнаружить отчетливое знакомство со всѣми способами обученія чтенію и письму, съ замѣчаніями о достоинствахъ каждаго изъ нихъ. Насколько можно судить по личнымъ наблюденіямъ, большая часть ошибокъ, дѣлаемыхъ ученицами VIII кл. на пробныхъ урокахъ, и зависитъ, главнымъ образомъ, отъ нетвердаго знанія всѣхъ требованій дидактики, а также методики обученія грамотѣ, счету и другимъ учебнымъ предметамъ элементарнаго курса. Для спеціалистокъ, кромѣ того, долженъ быть экзаменъ по предметамъ спеціальности.

Всѣ экзамены надо производить только устно, такъ какъ письменныя работы въ теченіе года достаточно могутъ исчерпать пройденный курсъ и не слѣдуетъ безъ нужды осложнять экзамены работами, которыя ничего новаго не дадутъ для оцѣнки успѣховъ ученицъ.

Мы указали пробѣлы въ учебномъ планѣ VIII класса и проистекающую отсюда на практикѣ неурядицу, а равно представили соображенія, какой порядокъ дѣла является наилучшимъ. При своихъ соображеніяхъ мы исходили *отъ главной цѣли VIII класса*, потому что изъ нея должна вытекать и *организація занятій* въ этомъ классѣ. Личныя наши наблюденія и ошибки помогли намъ разобраться въ хаосѣ противорѣчій и несообразностей, на каждомъ шагу встрѣчаемыхъ въ практикѣ VIII класса *).

---

*) Въ статьѣ почтеннаго автора мы не нашли отвѣта по одному изъ пунктовъ «учебнаго плана VIII дополнительнаго класса женскихъ гимназій», а между тѣмъ вопросъ объ этомъ далеко не лишенъ интереса, такъ какъ большинство учащихся въ этомъ классѣ готовится не столько къ общественной педагогической дѣятельности, сколько къ дѣятельности въ семьѣ, какъ въ качествѣ будущихъ матерей семейства, такъ и въ качествѣ домашнихъ учительницъ и воспитательницъ. Съ этой точки зрѣнія, мы находимъ весьма полезнымъ выполненіе требованія, выраженнаго въ пунктѣ 9-мъ *а* «Учебнаго плана», а именно: «ученицы, поочередно, назначаются исполнять обязанности помощницъ воспитательницъ въ трехъ низшихъ классахъ женской гимназіи, причемъ въ началѣ (sic) каждой ученицѣ можетъ быть поручаемо ближайшее воспитательное на-

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія поскорѣе обратило вниманіе на указанные пробѣлы и недомолвки въ «учебномъ планѣ» VIII класса, на проистекающія отсюда неудобства на практикѣ, и уничтожило ихъ. А такъ какъ и въ другихъ классахъ женскихъ гимназій дѣло обстоитъ не совсѣмъ благополучно *), то отсюда вытекаетъ необходимость скорѣйшаго преобразованія учебнаго дѣла въ женскихъ гимназіяхъ. Общество (главнымъ образомъ, въ лицѣ родителей) не жалѣетъ средствъ для женскихъ гимназій, потому что сознаетъ необходимость и важность образованія вообще и педагогическаго образованія въ частности для дѣвушекъ, потому что желаетъ дать государству наилуч-

---

блюденіе за 3 и 4 дѣвицами. Каждая ученица ведетъ при этомъ свой педагогическій дневникъ, который въ назначенное время, по окончаніи очереди, обсуждается въ особой педагогической коммиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ директора или начальницы гимназіи» и т. д. При разумномъ выполненіи этого пункта достигалась-бы: во-1-хъ, лучшая подготовка ученицъ къ занятіямъ въ семьѣ, т.-е. съ одною, двумя-тремя ученицами,—лучшая потому, что преподавательница уже пріобрѣла-бы заблаговременно нѣкоторый навыкъ къ изученію индивидуальныхъ качествъ каждой своей будущей ученицы и нѣкорое умѣнье сообразоваться съ этими качествами при воспитаніи и обученіи; во-2-хъ, такимъ путемъ для женскихъ учебныхъ заведеній просто и къ обоюдной выгодѣ ученицъ VIII класса и малоуспѣвающихъ или почему-либо отставшихъ ученицъ трехъ низшихъ классовъ гимназіи (слѣдовательно, и для учебнаго заведенія вообще), а равно и ихъ родителей (для послѣднихъ—также и въ выгодѣ матеріальной) разрѣшался-бы вопросъ о репетиторахъ и репетиторствѣ, столь затруднительный для среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ. Что-же касается вопроса о приготовленіи учительницъ для низшихъ классовъ гимназій, то существующіе нынѣ спеціально педагогическіе курсы, а также высшіе женскіе курсы, коль скоро и на послѣднихъ были-бы организованы теоретическія и практическія занятія по педагогикѣ, могутъ въ избыткѣ доставлять контингентъ таковыхъ учительницъ, подготовленныхъ какъ въ отношеніи научномъ, такъ и педагогическомъ лучше, нежели это могутъ сдѣлать дополнительные классы женскихъ гимназій. Въ общемъ, наши пожеланія по отношенію къ дополнительнымъ классамъ сводятся къ тому, чтобы въ нихъ наибольшее вниманіе обращалось на приготовленіе элементарныхъ учительницъ какъ для семьи, такъ и для начальнаго обученія, а не на подготовку учительницъ для общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній. *Ред.*

*) «Въ отношеніи постановки учебной части гимназій и прогимназій трудно безусловно соглашаться съ существующими требованіями положенія 24 мая 1870 года», говорится въ отчетѣ попечителя Кіевскаго учебнаго округа и указывается дальше на ненормальность положенія новыхъ языковъ, рисованія, пѣнія и др. предметовъ обученія. Мы указали раньше на отсутствіе точной программы по литературѣ. См. нашу замѣтку въ воронежскихъ «Филологическихъ Запискахъ», 1890 г., вып. II.

шимъ образомъ подготовленныхъ учительницъ для обученія дѣтей въ школахъ. Министерству Народнаго Просвѣщенія остается только поддержать это благое стремленіе общества и отвѣтить на него чуткимъ вниманіемъ къ назрѣвшимъ нуждамъ женскихъ учебныхъ заведеній и возможно лучшею организаціею занятій въ нихъ.

С. Брайловскій.

Желательная постановка преподаванія физики въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Кто могъ-бы подумать, что преподаваніе такого предмета, какъ физика, включенное въ курсъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній чуть-ли не съ самаго основанія ихъ, остается и въ настоящее время почти на той-же ступени, на которой оно стояло лѣтъ 30 тому назадъ? Кто могъ-бы подумать, что между учебниками, составленными 40 лѣтъ тому назадъ, и учебниками современными не замѣчается никакого существеннаго, принципіальнаго различія и что, мало того, учебникъ, написанный 40 лѣтъ тому назадъ, во многихъ отношеніяхъ лучше самыхъ послѣднихъ, новѣйшихъ учебниковъ? Казалось-бы, что такое положеніе дѣла невозможно по самому существу своему, такъ какъ сама физика, какъ наука, сдѣлала гигантскіе шаги, и педагогика, повидимому, также далеко ушла впередъ. Неужели-же этотъ прогрессъ не отразился на такомъ предметѣ, преподаваніе котораго должно-бы было и могло-бы быть поставлено на высокую степень совершенства?

Какъ это ни прискорбно, но, какъ мы постараемся показать ниже, ни успѣхи науки физики, ни подъемъ интереса къ педагогическимъ вопросамъ не оказали существеннаго вліянія на постановку преподаванія физики въ нашей средней общеобразовательной школѣ.

Въ послѣдніе два-три года особенно часто возникали вопросы о преподаваніи физики въ средней школѣ; вопросы эти долго и много обсуждались, но въ концѣ-концовъ обсужденіе ихъ привело къ результатамъ, осязаемость которыхъ можетъ быть подвержена большому сомнѣнію. Правда, на смѣну прежнимъ учебникамъ Краевича и Малинина явился рядъ новыхъ, но отраднаго они—эти учебники—представляютъ мало, какъ это будетъ нами показано при обсужденіи и разборѣ ихъ. Само собою разумѣется, новые и хорошіе учебники могутъ появиться лишь тогда, когда въ основаніе ихъ будутъ положены новые принципы; а эти послѣдніе, въ свою очередь, могутъ быть

выдвинуты лишь тогда, когда мы съумѣемъ отказаться отъ нѣкоторыхъ педагогическихъ традицій, въѣвшихся въ нашу плоть и кровь.

Педагогическія традиціи, традиціи преподавателей, вообще чрезвычайно упорны: «я такъ учился, мнѣ такъ легче учить и другихъ»— вотъ доводъ, который въ скрытой формѣ составляетъ главную причину педагогической косности. Правда, и традиція имѣетъ свои достоинства: она удерживаетъ преподавателей отъ производства экспериментовъ надъ мозгами воспитанниковъ; но вѣдь всему есть мѣра, и боязнь эксперимента не должна удерживать насъ отъ сохраненія того, что должно быть уже давнымъ-давно сдано въ архивъ.

Откуда-же берется эта инертность преподавателей физики, отчего, въ самомъ дѣлѣ, ни въ учебникахъ, ни въ характерѣ преподаванія физики не произошло никакихъ перемѣнъ?

Намъ кажется, что причинъ этого печальнаго положенія дѣла весьма много, что причины эти нужно отчетливо формулировать, и тогда, быть можетъ, удастся кое-что сдѣлать для ихъ устраненія. Не претендуя нисколько на указаніе всѣхъ причинъ, обусловливающихъ собою прискорбное положеніе физики, какъ учебнаго предмета средней школы, мы все-же надѣемся указать на такіе моменты, которые до сихъ поръ не были выяснены съ достаточною рельефностью и которые играютъ не послѣднюю роль въ интересующемъ насъ вопросѣ.

Для удобства разбора вопроса мы раздѣлимъ причины, обусловливающія печальное положеніе преподаванія физики въ средней школѣ, на двѣ категоріи: 1) причины принципіальныя и теоретическія и 2) причины практическія.

Начнемъ съ первыхъ.

Какую задачу преслѣдуетъ преподаваніе физики въ средней школѣ?

На этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, настоящаго отвѣта до сихъ поръ не дано. Если кто-либо и пытался дать отвѣтъ, то въ этомъ отвѣтѣ не было ясности и опредѣленности. Въ самомъ дѣлѣ, разсмотрите учебники физики, и вы въ нихъ не найдете никакого опредѣленнаго указанія на то, къ чему стремится физика, какъ учебный предметъ средней школы. Учебники пишутся по *программамъ*, утвержденнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія; но, вѣдь, по одной и той-же программѣ можно написать десятки различныхъ учебниковъ въ зависимости отъ той цѣли, къ достиженію которой стремится авторъ учебника. Неужели-же достоинство ихъ, этихъ учебниковъ, должно опредѣлять только отсутствіемъ промаховъ, ясностью изложенія и пр.? Намъ кажется, что достоинство учебника заключается прежде всего въ той

цѣли, которую авторъ настойчиво преслѣдуетъ отъ первой и до послѣдней страницы. Если такихъ цѣлей много, если онѣ разнаго порядка, если, наконецъ, онѣ не стоятъ ярко передъ глазами преподавателя или автора учебника, то учебникъ будетъ туманнымъ, непослѣдовательнымъ и принесетъ учащимся больше вреда, нежели пользы.

Итакъ, стало быть, прежде всего должно искать въ учебникѣ или въ преподаванiи даннаго предмета опредѣленную, ясно поставленную цѣль.

Что-же встрѣчаемъ мы на самомъ дѣлѣ? Во всѣхъ учебникахъ говорится (если только этотъ вопросъ затрагивается), что физика имѣетъ цѣлью изученiе явленiй природы и законовъ, этими явленiями управляющихъ.

Но, очевидно, такое опредѣленiе не выдерживаетъ критики, потому, во-первыхъ, что явленiями природы занимается не одна лишь физика, а также и другiя науки. Стало быть, надо опредѣлить, какими явленiями занимается физика, а этого опредѣлить нельзя, потому что даже въ физикѣ, какъ наукѣ, кругъ явленiй не опредѣленъ. Разсмотрите большiя руководства (Wüllner, Pfaundler, Violle, и т. д.), и вы въ нихъ найдете то, что можетъ быть отнесено и къ техникѣ, и къ чему угодно. Но если съ этимъ можно еще примириться въ большихъ руководствахъ, то это вполнѣ вредно въ учебникахъ, предназначаемыхъ для средней школы.

Опредѣлить физику въ средней школѣ, какъ науку, имѣющую цѣлью изученiе явленiй, значитъ свести ее почти на нуль; а между тѣмъ, въ средней школѣ значенiе физики громадно,—оно гораздо больше, чѣмъ это думаютъ даже многiе изъ авторовъ руководствъ. Значенiе физики громадно, замѣнить ее не можетъ ни одна наука; но значенiе это вовсе не заключается въ знакомствѣ съ явленiями, ибо, какъ мы сказали, всѣ науки знакомятъ съ явленiями. Формы языка, историческiя событiя, жизнь растенiй, животныхъ и, позволимъ себѣ выразиться, минераловъ — все это явленiя, ибо все это подвержено измѣненiямъ; стало быть, можно было-бы, если-бы считать, что цѣль физики—знакомство съ явленiями, замѣнить ее другими науками,—ну, хотя-бы зоологiей или ботаникой. Но нѣтъ, ее замѣнить нельзя ничѣмъ, ибо суть ея не въ объясненiи явленiй, а въ особенностяхъ ея *метода*. Громадное образовательное значенiе физики, благодаря которому она въ средней школѣ не можетъ быть замѣнена ни одной наукою (даже химiей), заключается въ совершенной оригинальности методовъ, лежащихъ въ ея основанiи. Въ самомъ дѣлѣ, математика имѣетъ въ своей основѣ одно только разсужденiе, построенное на небольшомъ числѣ

основныхъ началъ (аксіомъ), провѣрка получаемыхъ результатовъ достигается способомъ обратныхъ посылокъ; описательное естествознаніе, языкознаніе, гуманныя науки имѣютъ въ своей основѣ наблюденіе явленій въ готовомъ видѣ, повѣрка полученныхъ выводовъ совершается только на другихъ однородныхъ-же наблюденіяхъ. Физика имѣетъ и математическій методъ, и методъ наблюденій, и, наконецъ, свой особенный методъ—методъ *опыта*.

Если представить себѣ, что молодые люди не будутъ изучать въ средней школѣ физики, то они пострадаютъ вовсе не отъ того, что не будутъ знакомы съ извѣстными явленіями природы—это горе далеко не такое великое: они пострадаютъ отъ того, что лишатся одного изъ наиболѣе могущественныхъ орудій изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ и въ обыденной жизни нерѣдко дѣлаетъ опыты. Такіе опыты у людей, не умѣющихъ настоящимъ образомъ оцѣнить значеніе и предѣлы опыта, ведутъ часто къ печальнымъ послѣдствіямъ: изъ нихъ дѣлаются крайне неправильные выводы. Нужно, стало быть, развить въ юношѣ умѣнье строго обсуждать опытъ и дѣлать изъ него лишь тѣ выводы, которые изъ него только и вытекаютъ. Какой-же опытъ даетъ это умѣнье въ большей степени, какъ не тотъ, который производится при изученіи физическихъ явленій? Физика учитъ, что изъ однихъ *наблюденій* можно получить правильные выводы довольно рѣдко, потому что наблюденіе представляетъ почву только для аналитическаго метода изученія; выводы-же, построенные только на одномъ аналитическомъ методѣ, часто, если не всегда, допускаютъ сомнѣніе. Если-же выводъ построенъ путемъ аналитическимъ и провѣренъ путемъ синтеза, то о немъ часто можно говорить, какъ о достовѣрности. Какая-же наука или, правильнѣе, какой иной учебный предметъ въ ср. школѣ допускаетъ изслѣдованіе вопроса какъ синтетическимъ, такъ и аналитическимъ путемъ? Правда, многіе считаютъ, что нѣкоторые геометрическіе вопросы рѣшаются и синтетически, и аналитически; но эти термины въ вопросахъ геометріи имѣютъ свое особенное значеніе, не сходное по самому внутреннему существу съ значеніемъ этихъ-же терминовъ въ примѣненіи къ наукамъ индуктивнымъ. Изслѣдовать аналитически историческое явленіе или явленіе языка во многихъ случаяхъ возможно; но провѣрить свое изслѣдованіе синтетическимъ путемъ, конечно, немыслимо ни въ исторіи, ни въ языкознаніи, ни даже въ описательныхъ естественныхъ наукахъ.

Такимъ образомъ, физика вноситъ въ развитіе ума юноши нѣчто совершенно особенное, своеобразное: она развиваетъ тѣ весьма важ-

ныя стороны, которыхъ ни одна изъ наукъ средней школы не затрагиваетъ. Если молодой человѣкъ пріучится понимать опытъ, т.-е. понимать его значеніе и границы въ приложеніи ко всѣмъ явленіямъ человѣческой жизни, если онъ всегда будетъ стараться въ доступной ему области не только наблюдать жизнь, но и производить въ ней опыты, то онъ сдѣлается изъ пассивнаго созерцателя активнымъ дѣятелемъ этой жизни.

Слѣдовательно, задача физики въ средней школѣ сводится прежде всего къ тому, чтобы ввести въ число орудій мышленія новое, совершенно оригинальное и ничѣмъ незамѣнимое орудіе—*строго обставленный опытъ*. Если умъ лишенъ этого орудія, то онъ не всесторонне развитъ, и слѣдовательно, общее образованіе—главная цѣль средней школы—останется незаконченымъ, неполнымъ.

Намъ думается, что если взглянуть на физику съ такой точки зрѣнія (а съ точки зрѣнія изученія явленій природы на нее въ средней школѣ смотрѣть нельзя), т.-е. опредѣлить ея цѣль, какъ выше указано, то тогда и программа курса, и направленіе изложенія, и всѣ подробности сразу получатъ опредѣленные контуры.

Итакъ, выражаясь опредѣленнѣе, мы скажемъ:. *главная задача преподаванія физики въ средней школѣ состоитъ въ слѣдующемъ: дать молодымъ людямъ умѣнье изслѣдовать строго*, аналитически и синтетически, явленія природы. Строгое аналитическое и синтетическое изслѣдованіе явленій возможно и въ другихъ наукахъ (напр., въ химіи, физіологіи, частью психологіи), но проще всего оно производится на тѣхъ явленіяхъ, которыя относятся къ превращеніямъ основныхъ формъ энергіи (а стало быть, и къ проявленіямъ этихъ формъ). Отсюда вытекаетъ, что въ курсъ физики должна входить механика и ученіе о тепловой электромагнитной и свѣтовой энергіи.

Эти формы энергіи обнаруживаются на явленіяхъ природы и еще лучше—на искусственно воспроизводимыхъ явленіяхъ (т.-е. производимыхъ путемъ опыта); поэтому въ курсѣ физики, предназначенномъ для средней школы, должна преслѣдоваться именно эта цѣль, какъ главнѣйшая; остальныя цѣли должны играть совершенно подчиненную, второстепенную роль.

«Какъ,—скажутъ,—значитъ, мы не должны изучать явленій природы, насъ окружающей, мы должны пожертвовать ими ради какой-то задачи совершенно отвлеченной?»

На этотъ вопросъ мы позволимъ себѣ отвѣтить слѣдующимъ: А развѣ мы можемъ въ дѣйствительности сказать, что мы охватываемъ хоть одну милліонную часть явленій природы при современномъ изу-

ченіи физики въ средней школѣ? И съ другой стороны: развѣ въ изучаемомъ молодыми людьми курсѣ физики разсматриваются *явленія природы*?

Въ дѣйствительности мы, въ большинствѣ случаевъ, разсматриваемъ только отдѣльные факторы, играющіе роль въ явленіяхъ природы; самыя-же явленія изучаются, сравнительно, рѣдко; изучая, напр., движеніе, развѣ мы изучаемъ то движеніе, которое въ дѣйствительности въ природѣ наблюдается? Нѣтъ, мы изучаемъ отвлеченное движеніе. Изучая явленія электрическаго тока, изучаемъ-ли мы то, что дѣлается въ природѣ? То-же нѣтъ. Такимъ образомъ, мы изучаемъ, въ большинствѣ случаевъ, фиктивную природу и фиктивныя, упрощенныя явленія, а стало быть, приносимъ природу съ ея явленіями въ жертву... Чему? Съ точки зрѣнія, проводимой въ настоящей статьѣ, будетъ понятно, чему. Мы приносимъ изученіе явленій природы въ жертву другой, болѣе важной задачѣ: пріученію молодыхъ умовъ къ тщательному, строгому и точному аналитическому и синтетическому и притомъ экспериментальному изученію явленій. Какія-же явленія должны быть изучаемы? Только тѣ, которыя могутъ быть изслѣдуемы вышеуказаннымъ способомъ. Если эти явленія имѣются въ природѣ готовыми, ихъ можно и даже слѣдуетъ изучать; если въ природѣ они осложнены, то изучать ихъ нельзя и не слѣдуетъ; но можно и должно примѣнить изученное къ *анализу* явленій природы, а не къ *изученію* послѣднихъ. Нужно, чтобы въ умѣ ученика были элементы, необходимые для анализа явленій природы, но вовсе не требуется, чтобы онъ изучалъ самыя явленія; необходимо, чтобы онъ знакомъ былъ съ методами изученія явленій, но вовсе не нужно, чтобы онъ изучалъ всѣ эти явленія въ теченіе своего учебнаго времени, подобно тому, напр., какъ нужно, чтобы ученикъ зналъ методу рѣшенія уравненій, но отсюда вовсе не вытекаетъ требованіе, чтобы онъ рѣшилъ всѣ уравненія, какія только существуютъ. Какъ въ математикѣ вы сообщаете ученику методы рѣшенія математическихъ вопросовъ и на задачахъ стараетесь научить его примѣненію этихъ методовъ, такъ точно въ физикѣ вы обучаете ученика методамъ экспериментальнаго изслѣдованія, а на явленіяхъ природы или на искусственно воспроизводимыхъ явленіяхъ стараетесь научить его примѣненію этихъ методовъ.

Но если-бы при преподаваніе физики послѣдовательно держались принципа, что цѣль его—изученіе явленій природы, то можно было-бы по крайней мѣрѣ сказать, что эта цѣль ясно опредѣлена. Въ дѣйствительности-же въ курсъ физики входитъ многое такое, что въ дѣлѣ

изученія явленій природы имѣетъ самое ничтожное значеніе, что, собственно, имѣетъ въ виду какія-то совершенно второстепенныя цѣли, — цѣли, такъ сказать, ничего общаго съ развитіемъ ума и міросозерцанія не имѣющія. Пусть кто-либо скажетъ, какое значеніе имѣютъ для развитія міросозерцанія разные воздушные, водяные, пожарные насосы, барометры, анероиды, золотники и шатуны и паровые цилиндры паровыхъ машинъ? Какое значеніе имѣютъ въ сказанномъ отношеніи десятичные вѣсы, вѣсы Роберваля, безмѣнъ, римскіе вѣсы и проч.?

Скажутъ, что на этихъ приборахъ провѣряются и въ нихъ осуществляются общія начала аэростатики, теплоты, простыхъ машинъ и пр., скажутъ, что эти приборы имѣютъ большое значеніе въ жизни (ливеръ, или сифонъ, или всѣ виды насосовъ — все это имѣетъ значеніе въ жизни). Но тогда почему-же не изучать устройство токарного или печатнаго станка, сотенъ машинъ, работающихъ на фабрикахъ, такъ какъ все это являетъ собою примѣненіе началъ механики и имѣетъ большое практическое значеніе?

Въ томъ-то и дѣло, что въ погонѣ за нѣсколькими цѣлями, въ стремленіи дать какія-то верхушки, имѣющія будто-бы практическое значеніе, мы забываемъ, что цѣль средней школы—положить начало, разрыхлить въ нашемъ умѣ почву, на которой могли-бы потомъ произростать и приносить плоды различныя растенія. Если цѣль такова и если, преслѣдуя ее, мы можемъ добиться ея осуществленія кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ, то ничто постороннее, побочное не должно отвлекать насъ отъ предпоставленной себѣ цѣли.

Между физикою и разными паровиками, золотниками, ливерами, разнаго рода элементами, насосами ничего общаго нѣтъ; всѣ эти ливеры, золотники суть лишь техника, а потому изученіе ихъ—дѣло профессіональныхъ, а не общеобразовательныхъ школъ. Все это такъ-же мало относится къ физикѣ, какъ правило процентовъ или учета векселей (которое почему то считается до сихъ поръ необходимой составной частью ариѳметики) къ математикѣ; все это—остатки того добраго стараго времени, когда въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ считали нужнымъ давать «практическія свѣдѣнія, необходимыя въ повседневной жизни». Въ то именно время и возникли пресловутыя задачи съ купцами, отмѣривающими сукна, смѣшивающими разные сорты чая, отдающими капиталы на проценты, учитывающими векселя и пр. Въ то-же время начали изучать и разные ливеры, пожарные и водяные насосы и прочія ненужные аксесуары, переполняющіе и по нынѣ учебники физики, отнимающіе у преподавателя и

у учениковъ время и лишь мѣшающіе достиженію главной, основной цѣли.

Въ этомъ-то обремененіи учебниковъ всякими ненужными вещами и сказывается весь вредъ преподавательской рутины. Если вы попробуете, напр., выбросить изъ учебника физики воздушный насосъ съ двумя цилиндрами и краномъ Бабинэ, то васъ сочтутъ чуть-ли не еретикомъ; а между тѣмъ, что общаго между физикою и описаніемъ устройства этого насоса? Что онъ вноситъ новаго? Ничего, кромѣ однихъ технически остроумныхъ приспособленій! Въ свое время, когда насосъ этотъ былъ изобрѣтенъ, его вводили въ учебники, какъ интересную новинку, а затѣмъ онъ сталъ путешествовать изъ одного учебника въ другой, уже какъ нѣчто необходимое, тогда какъ присутствіе его въ нихъ есть только слѣдствіе традиціи и освящено ею. Посмотрите, съ какимъ упорствомъ переносятся изъ одного учебника въ другой и иные никуда негодные приборы, давно замѣненные болѣе простыми и совершенными (напр., приборъ для доказательства закона Бойля, см. учебникъ физики Ковалевскаго, стр. 105), и вы удивитесь косности составителей этихъ учебниковъ.

Что же, оказывается, вводится въ курсъ физики и какими принципами руководятся авторы учебниковъ или преподаватели въ выборѣ матеріала, преподносимаго молодымъ людямъ? Вводится и нужное, и ненужное, а принциповъ чуть-ли не столько, сколько страницъ въ учебникѣ. Одно вводится потому, что оно имѣетъ значеніе для развитія ума и міросозерцанія (напр., ученіе объ энергіи), другое—потому, что выясняетъ какія-либо явленія природы, третье—потому, что употребляется въ практикѣ, въ жизни, четвертое—потому, что такъ дѣлали отцы и дѣды и т. д. и т. д. И въ результатѣ получается пестрая смѣсь, оставляющая въ головахъ учениковъ сумбуръ, обусловленный тѣмъ, что самъ преподаватель мечется изъ стороны въ сторону, не зная—за чѣмъ, за какою цѣлью ему раньше погнаться. Только что онъ выяснилъ ученикамъ сущность какихъ-либо общихъ явленій,—ну, хоть явленій электрическаго тока,—и сейчасъ-же пошли элементы Даніэля, Бунзена, Поггендорфа, Грове, Грене и т. д., не имѣющіе (за исключеніемъ какого-либо одного, нужнаго для уясненія принципа элементовъ о двухъ жидкостяхъ) никакого значенія. Только-что выяснено возбужденіе электричества треніемъ — и сейчасъ-же идутъ описанія: и обыкновенной электрической машины, и машины Гольца, и самозаряжающейся машины, и электрофора... Для чего это все нужно? Никто такимъ вопросомъ и не задается.

Во всемъ этомъ можно, конечно, найти долю пользы, но дѣло въ томъ, что ею совершенно не окупится время, затрачиваемое на изученіе всѣхъ этихъ ненужныхъ вещей.

Поэтому, намъ кажется, что никакіе учебники физики и никакія обсужденія программъ, влекущія за собою перемѣщенія однѣхъ статей на мѣсто другихъ, однихъ раньше, другихъ — позже, не приведутъ ни къ какимъ результатамъ, если преподаватели и авторы учебниковъ не поставятъ себѣ одной опредѣленной цѣли, а будутъ продолжать преслѣдовать ихъ множество, если авторы не будутъ останавливаться передъ каждымъ приборомъ съ вопросами: не нужно-ли его совсѣмъ выбросить, почему и для чего я его ввожу, не ввелъ-ли я уже чего-либо другого, что достаточно выясняетъ суть дѣла; соотвѣтствуетъ-ли и нуженъ-ли этотъ приборъ для той цѣли, которую я преслѣдую и т. п.? Только запасшись огромной дозой скептицизма, отбросивши всѣ традиціи, можно разсчитывать на правильную постановку дѣла преподаванія физики въ средней школѣ.

Какъ это сдѣлать—мы разсмотримъ ниже, а теперь спросимъ себя: да, быть можетъ, не смотря на все разнообразіе преслѣдуемыхъ нынѣшнимъ преподаваніемъ физики цѣлей, всѣ онѣ достигаются, не мѣшая одна другой? Теоретическое разсмотрѣніе этого вопроса будетъ, конечно, болѣе нагляднымъ, если мы перенесемъ его на практическую почву, разсмотримъ его въ условіяхъ современнаго положенія дѣла.

М. Гольдштейнъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ).

К. Д. КРАЕВИЧЪ.

(Некрологъ).

Третьяго февраля, въ Ялтѣ, 59-ти лѣтъ отъ рожденія (родился 20 января 1833 г.), послѣ тяжкой болѣзни, длившейся около двухъ лѣтъ, скончался извѣстный педагогъ, составитель руководствъ по физикѣ и математикѣ, Константинъ Дмитріевичъ Краевичъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты, спѣшимъ сообщить нѣкоторыя, извѣстныя намъ большею частью лично отъ усопшаго, свѣдѣнія о его жизни и многоплодной дѣятельности.

Фамилія Краевичей ведетъ свое происхожденіе изъ Сербіи. Отецъ К. Д. Краевича былъ богатый помѣщикъ Орловской губерніи, но разстроившій свое состояніе настолько, что послѣ его смерти, въ молодыхъ сравнительно лѣтахъ, многочисленная семья, состоявшая изъ трехъ сыновей и нѣсколькихъ дочерей, большею частью всѣ малолѣтніе, осталась рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ жизни. Въ обѣднѣвшей семьѣ принялъ участіе предводитель дворянства Давыдовъ, къ которому, а равно и къ его дѣтямъ, Константинъ Дмитріевичъ всю жизнь питалъ благодарную память. Сироты были по возможности пристроены по учебнымъ заведеніямъ *). К. Д. былъ опредѣленъ въ Орловскую гимназію, директоромъ которой въ то время былъ извѣстный латинистъ Кронебергъ. Въ гимназіи К. Д. принадлежалъ къ числу лучшихъ учениковъ и окончилъ курсъ съ правомъ на чинъ

---

*) Старшій братъ К. Д.—Петръ Дмитріевичъ Краевичъ — былъ опредѣленъ въ Константиновскій корпусъ, а затѣмъ окончилъ курсъ въ военной академіи. Онъ принадлежалъ къ числу защитниковъ Севастополя, затѣмъ всю жизнь служилъ на Кавказѣ и умеръ въ рединѣ прошлаго года, вскорѣ по выходѣ въ отставку, въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Это былъ замѣчательно добрый человѣкъ, съ большими знаніями по своей спеціальности. Смерть его должна была удручающимъ образомъ подѣйствовать на тяжко больного К. Д., нѣжно любившаго своего брата.

XIV класса, которое въ то время давалось ученикамъ, изучавшимъ оба древнихъ языка—латинскій и греческій. Математическія способности его уже въ то время опредѣлились довольно ясно, и онъ поступилъ на математическое отдѣленіе С.-Петербургскаго Главнаго педагогическаго института, которое, по словамъ покойнаго, привлекало его главнымъ образомъ своею широкою программою математическихъ предметовъ и своими профессорами, въ числѣ которыхъ былъ знаменитый Остроградскій, мало, впрочемъ, занимавшійся со студентами. Средства К. Д. были такъ скудны, что, выдержавъ блестяще экзаменъ, онъ не имѣлъ возможности гдѣ преклонить голову на ночь, если-бы ему не было дозволено сразу остаться въ институтѣ. Четыре года, проведенные въ этомъ закрытомъ заведеніи, при довольно тяжелой нравственной обстановкѣ (директоромъ ея былъ извѣстный И. И. Давыдовъ—словестникъ и математикъ, человѣкъ весьма тяжелаго нрава), прошли въ безпрерывныхъ занятіяхъ. Занимаясь усердно факультетскими предметами—математическими, естественными науками и химіею, К. Д. съ наибольшею любовью изучалъ физику подъ руководствомъ профессора Ленца и принадлежалъ къ числу любимыхъ его учениковъ. Изъ товарищей, К. Д. былъ наиболѣе близокъ съ Д. И. Менделѣевымъ, своимъ однокурсникомъ.

Съ отличіемъ окончивъ курсъ въ Педагогическомъ институтѣ, въ іюлѣ 1855 года, К. Д. былъ назначенъ преподавателемъ математики и физики въ 4-ую московскую гимназію. К. Д. стремился къ профессорской дѣятельности и, по своимъ знаніямъ и талантамъ, могъ надѣяться на успѣхъ. Но всѣ эти планы были разрушены раннею (24 лѣтъ отъ роду) женитьбою, ради которой онъ старался перебраться въ Петербургъ, въ чемъ и успѣлъ черезъ годъ послѣ своей службы въ Москвѣ. Въ Петербургѣ К. Д. получилъ мѣсто преподавателя математики и физики въ 5-й гимназіи, въ которой и прослужилъ около 15 лѣтъ. Директоромъ 5-й гимназіи въ то время былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ нашихъ педагоговъ, А. Н. Бѣляевъ, сперва недружелюбно встрѣтившій было К. Д., какъ назначеннаго помимо его желанія, но затѣмъ вскорѣ имѣвшій мужество сознаться въ своей несправедливости относительно К. Д. и бывшій впослѣдствіи, до конца своихъ дней, въ самыхъ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ.

Семейная жизнь съ ея заботами, разрушившая планы К. Д. на ученую карьеру, должна была нѣсколько измѣнить характеръ его дѣятельности. Сверхъ уроковъ въ гимназіи, К. Д. долженъ былъ давать уроки въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ (онъ преподавалъ, въ разное время, въ Патріотическомъ и Елизаветинскомъ институтахъ,

Коммерческомъ училищѣ, Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, Константиновскомъ военномъ училищѣ, 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и др.), частные уроки и заняться составленіемъ учебниковъ. Первый, составленный К. Д., учебникъ былъ вызванъ потребностью вновь учреждаемыхъ тогда женскихъ гимназій, не имѣвшихъ соотвѣтственныхъ учебныхъ руководствъ. Это былъ учебникъ физики для женскихъ учебныхъ заведеній. За нимъ слѣдовало составленіе другихъ учебниковъ и руководствъ—учебника физики для среднихъ учебныхъ заведеній, курса алгебры, сборника алгебраическихъ задачъ, учебника космографіи и, наконецъ, уже въ 1877 году, учебника физики для городскихъ училищъ («Физика ежедневныхъ явленій»).

Къ дѣлу составленія учебниковъ К. Д. относился со свойственною ему во всемъ добросовѣстностью, чрезвычайно строго и осторожно. Постоянно слѣдя за научными открытіями въ области избраннаго имъ предмета—физики, участвуя, по мѣрѣ возможности, урывками отъ своихъ обязательныхъ занятій, самъ въ движеніи науки *), К. Д. отбрасывалъ въ своихъ учебникахъ или вводилъ въ нихъ только тѣ факты, научная несостоятельность или научная достовѣрность которыхъ были, по его мнѣнію, вполнѣ точно установлены. Такъ-же строго было отношеніе его къ появляющимся научнымъ теоріямъ и педагогическимъ системамъ. Этою-же строгостью отношеній объясняется характеръ изложенія, слогъ его учебниковъ. Онъ смотрѣлъ на учебникъ какъ на книгу, по которой и надъ которой ученики должны работать и пріучаться къ серьезной работѣ. Вслѣдствіе этого онъ не только не стремился сдѣлать свой учебникъ занимательнымъ съ внѣшней стороны, «популярнымъ», но съ методическою настойчивостью изгонялъ изъ него все, что не считалъ необходимымъ для уразумѣнія существа излагаемыхъ фактовъ и законовъ. «Если, говорилъ онъ нерѣдко, Вы въ вашемъ учебникѣ написали фразу изъ 10 словъ, перечтите ее и посмотрите, нельзя-ли ее составить изъ 8 или 9 словъ, и если да, то вычеркните лишнее слово». Совѣтъ Шиллера:

*) Ученыя свои статьи, результаты своихъ наблюденій, и замѣтки по физикѣ К. Д. печаталъ въ журналѣ «Русскаго физическаго общества» и въ ученыхъ журналахъ французскихъ и нѣмецкихъ. Физическіе кабинеты тѣхъ заведеній, въ которыхъ преподавалъ болѣе продолжительное время, К. Д. приводилъ въ блестящее состояніе; особенно хорошо устроены имъ кабинеты Инженернаго училища, Горнаго института и, въ послѣдніе годы его жизни, Морской академіи. Онъ составилъ также каталогъ для физическихъ кабинетовъ трехъ различныхъ достоинствъ, смотря по денежнымъ средствамъ даннаго учебнаго заведенія.

«Правилу слѣдуй упорно:
Чтобъ словамъ было тѣсно,
Мыслямъ просторно»

вполнѣ примѣнялся К. Д. ко всѣмъ его учебникамъ и статьямъ научнаго или педагогическаго содержанія.

Извѣстность К. Д. Краевича, какъ знающаго и строгаго педагога, росла довольно быстро. Онъ никогда не имѣлъ надобности искать мѣстъ и частныхъ уроковъ, — напротивъ, его искали, его просили взять на себя преподаваніе въ томъ или другомъ мѣстѣ. Приглашенный преподавателемъ физики въ Инженерное училище, а затѣмъ и въ Горный институтъ, гдѣ профессоръ Ленцъ передалъ ему свою каѳедру, какъ своему бывшему ученику, К. Д. оставилъ мѣсто въ 5-й гимназіи и перешелъ на службу въ военное вѣдомство, въ которомъ и состоялъ до самой отставки, въ 1891 году, прослуживъ по учебному вѣдомству 35 лѣтъ.

Въ 1875—1876 году К. Д. былъ приглашенъ преподавать физику и математику Ихъ Императорскимъ Высочествамъ великимъ князьямъ Сергѣю и Павлу Александровичамъ, что давало ему возможность проводить осеннее время, вмѣстѣ со своими августѣйшими учениками, въ Крыму или заграницею и что было такъ полезно для его здоровья, вообще довольно слабаго. Въ 1874 году К. Д. прочиталъ, въ клубѣ художниковъ, рядъ публичныхъ лекцій, которыя затѣмъ издалъ особою книгою, подъ заглавіемъ «Очеркъ спектральнаго анализа». Здѣсь кстати замѣтимъ, что К. Д. былъ превосходный лекторъ; онъ говорилъ ясно, логично, послѣдовательно, съ прекрасною дикціею; вообще, на лекціяхъ онъ говорилъ лучше, нежели писалъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ К. Д. могъ нѣсколько отдохнуть отъ своей напряженной преподавательской дѣятельности; онъ могъ даже исполнить свою давнишнюю мечту—купить небольшое помѣстье изъ принадлежавшихъ его отцу, именно то самое, въ которомъ онъ родился, пріобрѣлъ, на льготныхъ условіяхъ, отъ казны участокъ земли на берегу Чернаго моря, не приносившій ему, однако, никакого дохода и цѣнный лишь въ будущемъ, могъ болѣе щедро помогать своей престарѣлой матушкѣ. Но это состояніе относительнаго довольства было непродолжительно. Послушавшись нѣкоторыхъ совѣтовъ, К. Д. началъ-было издательскую дѣятельность *).

*) Имъ изданы были: сочиненія Помяловскаго, Давидъ Копперфильдъ и Записки Пиквикскаго клуба Диккенса, Космосъ для юношества Кербера, совершенно переработанный, такъ что можетъ быть причисленъ къ трудамъ Краевича, и другія изданія.

*

Эта дѣятельность однако, нетолько не принесла ему никакихъ выгодъ, особенно когда онъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, принялъ на себя изданіе *) педагогическаго и дѣтскаго журнала «Семья и Школа», но совершенно разстроила его денежныя дѣла. Вслѣдствіе этого онъ нетолько не успѣлъ отдохнуть и заняться въ желательной имъ степени учеными работами, къ которымъ онъ постоянно стремился и которымъ посвящалъ всякую, свободную отъ обязательнаго труда, минуту, но долженъ былъ снова приняться за частные уроки, а когда сочетался вторымъ бракомъ, въ 1883 году, то взялъ на себя еще чтеніе лекцій по физикѣ въ Морской академіи. Только за три — четыре года до своей смерти Константинъ Дмитріевичъ могъ снова свободно вздохнуть, разсчитавшись по всѣмъ своимъ денежнымъ обязательствамъ и счастливый въ кругу семьи **), друзей и знакомыхъ. Въ это время онъ много работалъ по физикѣ и мечталъ о еще большихъ работахъ. Онъ намѣревался, между прочимъ, издать, переработавъ, свои лекціи въ Горномъ институтѣ и Морской академіи, въ формѣ отдѣльныхъ монографій по нѣкоторымъ отдѣламъ физики. Но здоровье К. Д. было уже надорвано. Въ 1890 году онъ началъ все чаще и чаще хворать. Лѣто, проведенное въ деревнѣ, не принесло облегченія. Осенью, возвратясь въ Петербургъ и все еще надѣясь приняться за свои обычныя занятія, К. Д. почувствовалъ себя такъ плохо, что врачи настойчиво рекомендовали ему немедленно уѣхать въ болѣе благопріятный климатъ. Въ сентябрѣ 1890 года онъ былъ на рукахъ вынесенъ изъ квартиры и усаженъ въ вагонъ. Онъ поселился, съ семьею, въ Ялтѣ, гдѣ жизнь его была почти непрерывною, съ рѣдкими лишь роздыхами, агоніею, рядомъ страданій, тѣмъ болѣе ужасныхъ, что К. Д. сохранялъ всю ясность разсудка и ему тяжело было разставаться и со своею семьею, не успѣвъ поднять на ноги своихъ дѣтей, и со своими мечтами о научныхъ работахъ. Смерть его не была неожиданною для людей, близко его знавшихъ и любившихъ, но это можетъ только отчасти смягчить ихъ горесть объ утратѣ этого честнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка.

Да, Константинъ Дмитріевичъ былъ человѣкъ высокой честности во всемъ. Онъ, конечно, всегда честно относился и къ своимъ обязанностямъ педагога. Его строгость, иногда раздражительность по отношенію къ своимъ ученикамъ вытекали изъ этого чистаго

---

*) Это изданіе онъ велъ съ 1876 по 1882 г. включительно.

**) Первый бракъ его остался бездѣтнымъ; отъ втораго брака онъ оставилъ малолѣтнихъ дочь и сына.

источника, объяснялись его горячею любовью къ дѣлу и людямъ. Отъ учениковъ онъ требовалъ знанія, основательнаго знанія, или откровеннаго сознанія своей несостоятельности. Всякая фальшь, малѣйшая попытка со стороны ученика замаскировать свое незнаніе, увѣренія въ противномъ, дѣйствительно, могли вывести его изъ себя, и тогда онъ становился язвительнымъ, сыпалъ сарказмами. Но тѣ ученики и слушатели его, которые уразумѣвали его требованія и источникъ ихъ, понимали его натуру, — тѣ черпали изъ сокровищницы его знаній полною рукою и навсегда дѣлались горячими почитателями его. Съ своей стороны, К. Д. всегда былъ готовъ помогать своимъ ученикамъ и словомъ, и дѣломъ. Онъ былъ истинный педагогъ, постоянно интересовавшiйся вопросами воспитанія. Когда въ послѣдній разъ (1890 г.) происходилъ пересмотръ программъ гимназій, К. Д., уже больной, написалъ статью (напечатана въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1890 г. № 3), въ которой высказывалъ свой взглядъ на задачи средняго образованія. Самъ воспитанный въ классической школѣ, онъ не былъ ея противникомъ, но желалъ, чтобы школа не угнетала индивидуальности ученика, давала просторъ развитію его прирожденныхъ способностей, не была-бы въ этомъ отношеніи одностороннею.

Вотъ все, что мы пока могли сказать объ этомъ замѣчательно честномъ человѣкѣ и педагогѣ. Да послужитъ жизнь его примѣромъ для живущихъ и да почтутъ они такимъ образомъ его память.

К. М.

О санитарномъ положенiи школъ Московской губернiи.

*(Окончанiе *).*

V.

Санитарный осмотръ школъ въ одиннадцати уѣздахъ Московской губернiи былъ произведенъ врачами въ 1888—1889 учебномъ году, по постановленiю уѣздныхъ санитарныхъ совѣтовъ. Данныя, собранныя при этихъ осмотрахъ, были представлены десятому съѣзду врачей въ видѣ особыхъ докладовъ и напечатаны въ трудахъ съѣзда.

Изъ 767 всѣхъ начальныхъ училищъ, числившихся въ Московской губернiи въ 1888—1889 учебномъ году, врачами осмотрѣно 495 или 64%. Цыфра осмотрѣнныхъ школъ, такимъ образомъ, на столько велика, что по ней возможно составить себѣ приблизительно вѣрное представленiе о санитарномъ положенiи всѣхъ школъ губернiи.

Разборъ данныхъ, собранныхъ врачами, мы будемъ дѣлать въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ расположены въ докладахъ врачей. Сначала коснемся мѣстностей, на которыхъ выстроены школьныя зданiя, затѣмъ перейдемъ къ самимъ зданiямъ, къ классным комнатамъ, къ мебели и вообще къ школьной обстановкѣ.

Мѣстности, занимаемыя школами, школьныя усадьбы и мѣста для прогулокъ. Школьныя зданiя въ Московской губернiи въ большинствѣ случаевъ стоятъ на открытыхъ, возвышенныхъ и ровныхъ мѣстностяхъ; лишь небольшая часть ихъ, и притомъ тѣ, которыя не были спецiально построены подъ школы, а только приспособлены для этой цѣли, расположены на низинахъ. Но это послѣднее обстоятельство не имѣетъ вредныхъ послѣдствiй, такъ какъ грунтъ въ этихъ мѣстностяхъ большею частью песчаный, и влага не задерживается. Изъ всего количества осмотрѣнныхъ школъ, только въ двухъ случаяхъ отмѣчена крайняя влажность почвы, такъ что въ одной

---

*) См. «Русская Школа» 1892 г., № 1-й.

школѣ (Бронницкаго у.) подполье весной наполняется водой на полъаршина и не высыхаетъ до мая, почва-же кругомъ зданія сыра до іюня. Близость вонючихъ цвѣтущихъ прудовъ и болотъ отмѣчена то-же сравнительно въ очень немногихъ случаяхъ.

Относительно жилыхъ помѣщеній школы расположены такъ: большинство стоитъ на площадяхъ, на краю селеній, на погостахъ и внѣ селеній; меньшинство, но все-же довольно значительное количество, расположено въ ряду жилыхъ домовъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что около 20% школъ помѣщаются въ наемныхъ зданіяхъ, и преимущественно въ простыхъ крестьянскихъ избахъ, отличающихся только сравнительно большею помѣстительностью.

Относительно вліянія сосѣдства можно замѣтить, что десятка полтора школъ находятся вблизи винно-чайныхъ лавокъ, столько-же—рядомъ съ волостными правленіями и около десятка—близъ могилъ, при чемъ двѣ школы стоятъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ гробовыми сараями.

Участки земли для прогулокъ и игръ дѣтей имѣютъ очень немногія школы. Есть, правда, школы, которымъ отведено отъ ¼ до 2 десятинъ, но такихъ немного. Въ большинствѣ случаевъ участокъ земли равенъ площади, занимаемой зданіемъ школы. Школьники гуляютъ и играютъ кругомъ школы: на площадкахъ, лужкахъ, проѣзжихъ дорогахъ, на могилахъ,—смотря потому, что окружаетъ школу. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ Верейскій уѣздъ. Здѣсь, благодаря устроеннымъ, по инпціативѣ уѣзднаго предводителя дворянства, при большинствѣ школъ питомникамъ плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ, дѣтямъ дана возможность въ свободное время практически изучать садоводство.

Школьныя зданія или спеціально выстроены подъ школы, или приспособлены къ нимъ. Но есть не мало школъ, которыя, какъ мы видѣли, помѣщаются въ простыхъ крестьянскихъ избахъ, а также въ зданіяхъ волостныхъ правленій, въ церковныхъ сторожкахъ и даже въ кухнѣ священника (церковно-приходская школа). Въ наемныхъ зданіяхъ и вообще въ зданіяхъ, не приспособленныхъ подъ училище, нерѣдко вмѣстѣ со школою помѣщаются и сами хозяева. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ школы принуждены испытывать и болѣе непріятное сосѣдство. Такъ, въ Бронницкомъ уѣздѣ, въ одной школѣ, находящейся въ церковной сторожкѣ, живутъ церковные сторожа, предъ праздниками въ ней ночуетъ народъ, а великимъ постомъ—исповѣдники. Даже во время уроковъ иногда приходитъ въ школу народъ и своимъ говоромъ мѣшаетъ учебнымъ занятіямъ. Другая школа по-

мѣщается во второмъ этажѣ зданія церкви, при чемъ въ первомъ этажѣ находится церковь, живутъ просфорня и сторожъ, а въ третьемъ висятъ колокола. Въ Коломенскомъ уѣздѣ въ одиннацати школьныхъ зданіяхъ живутъ хозяева, при чемъ въ двухъ они ночуютъ въ классахъ; въ трехъ помѣщаются волостныя правленія, въ одномъ сборная изба и въ одномъ бани и конюшни. На лѣтнее время классы занимаются въ 15 школахъ: въ одной живетъ семья учителя, въ другой—классы служатъ сборной избой, въ третьей — церковной сторожкой; въ 12 наемныхъ домахъ живутъ хозяева. Въ Ильинской школѣ, Можайскаго уѣзда, подъ классньмъ помѣщеніемъ расположено тесемочное заведеніе; въ Вельяминовской школѣ, Серпуховскаго уѣзда, классная комната служитъ проходною для хозяевъ въ ихъ помѣщеніе.

Школьныя зданія, за немногими лишь исключеніями, построены изъ дерева и въ одинъ этажъ; большинство покрыто желѣзомъ, но нерѣдко встрѣчаются и простыя соломенныя крыши. Внутренняя отдѣлка стѣнъ болѣе или менѣе однообразная. У большинства школъ стѣны голыя, бревенчатыя, съ паклею или мхомъ въ пазахъ. Школы съ оштукатуренными или оклеенными обоями внутренними стѣнами встрѣчаются рѣже. При этомъ обои всегда порваны, висятъ клочьями и, по заявленію врачей, ни къ чему, кромѣ загрязненія стѣнъ, не служатъ.

Въ своихъ отчетахъ врачи относительно многихъ школъ указываютъ на очень серьезные недостатки въ самихъ постройкахъ,—недостатки, вредно вліяющіе на здоровье учащихся. Изъ недостатковъ преимущественно отмѣчаются сырыя стѣны, щелистые полы, плохо устроенные потолки и крыши. Нѣкоторыя школьныя зданія, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, буквально непригодны не только для училища, но и вообще для какого-либо жилья. Вотъ, для примѣра, описаніе нѣсколькихъ школъ:

«Стѣны школы гнилы, стары; нижніе два вѣнца сгнили и углы отвалились; стѣны сыры и промерзаютъ; полы щелисты, потолокъ гнилой, отвисъ и лежитъ на подпоркахъ; двери щелисты и плохо затворяются; голландка тепла не держитъ» (Марковская школа, Бронницкаго у., церковное зданіе).

«Стѣны очень стары, черезъ нихъ дуетъ, полъ безъ наката, съ одного бока осѣлъ на землю; потолокъ щелистъ и гнилъ, рамы гнилы; печи очень массивны и не нагрѣваются» (Михайло-Слободская школа, Бронницкаго уѣзда, церковное зданіе).

«Очень холодно зимою (учитель принужденъ спать въ теплыхъ сапогахъ), въ полу щели, сквозь стѣны дуетъ, сыплется съ потолка,

два нижніе вѣнца сильно загнили, юго-западный уголъ (въ помѣщеніи учителя) почти сгнилъ на протяженіи трехъ нижнихъ вѣнцовъ. Зимой, въ сильный вѣтеръ, черезъ него наносится въ комнату снѣгъ» (Благовѣщенская школа, Верейскаго уѣзда).

Вслѣдствіе ветхости зданій, плохо устроенныхъ стѣнъ, половъ и потолковъ, во многихъ школахъ жалуются на низкую температуру въ зимніе холода. Въ отчетѣ по Бронницкому уѣзду значится: «Учительницы Ново-Рождественской школы заявили, что въ ихъ школѣ въ холодные дни утромъ бываетъ не болѣе 4°—8° R.; въ Рѣчицкой школѣ такъ холодно, что дѣти сидятъ въ полушубкахъ; въ Безсоновской школѣ въ холодные зимніе дни на серединѣ комнаты замерзаетъ вода въ стаканѣ; въ Малышевской школѣ въ сильные холода minimum классной температуры бываетъ 3°, maximum 9° R.; въ Ильинской школѣ классная температура утромъ иногда бываетъ не болѣе 2°—3° R.». Въ Волоколамскомъ уѣздѣ въ семи школахъ температура падала въ зимніе холода до 7—6 и даже до 2 градусовъ, причемъ нерѣдко къ утру замерзали чернила, оставленныя на ночь близъ наружныхъ стѣнъ или оконъ. Въ пяти школахъ Коломенскаго уѣзда обыкновенно начинаютъ писать только съ конца февраля мѣсяца, такъ какъ до этого времени въ классахъ бываетъ очень холодно и у дѣтей коченѣютъ руки. Вообще съ низкою температурою въ отчетахъ врачей отмѣчено около 20% всѣхъ осмотрѣнныхъ школъ.

Полы почти во всѣхъ школахъ некрашеные. Содержатся они, по общему отзыву, не опрятно. Метутся каждый день, но моются въ большинствѣ случаевъ въ недѣлю или въ двѣ недѣли разъ. Не мало и такихъ школъ, въ которыхъ полы не моются по нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ отмѣчена одна школа (Перхушковская), которая «никогда не моется, а метется, за недостаткомъ прислуги (церковный сторожъ только носитъ дрова и воду), самими учениками послѣ класса, когда они рады убѣжать домой». Вслѣдствіе указанныхъ причинъ чистоты въ классахъ, конечно, не можетъ быть. Въ отчетѣ по Серпуховскому уѣзду указаны 11 школъ, изъ которыхъ неудовлетворительно въ смыслѣ чистоты содержатся 4 школы и весьма грязно 7. «Изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторыя обращаютъ на себя особенное вниманіе. Въ Старо-Ситневской школѣ потолокъ совершенно угольно-чернаго цвѣта отъ наслоенія сажи (печной дымъ); *полъ замѣчательно грязенъ*. Въ Ильинской школѣ стѣны желто-сѣро-грязнаго цвѣта; *полъ представляетъ видъ неровностей и ямъ, весьма грязенъ*; *въ щели и ямы набивается соръ*. То-же въ Чирковской школѣ. Въ Бадѣевской школѣ *полъ невозможно грязенъ*, по выраженію опи-

санія, «*палецъ тонетъ въ толщѣ грязи*». То-же въ «Матвѣйковской школѣ и въ Заборской».

Отопленіе и вентиляція. Печи въ классныхъ помѣщеніяхъ встрѣчаются различныхъ видовъ. Чаще встрѣчаются голландскія печи. Но на ряду съ ними во многихъ школахъ существуютъ и русскія или утермарковскія. Въ школахъ, въ которыхъ зимою бываетъ очень холодно, не рѣдкость и простыя желѣзныя печи. Неудобство послѣднихъ очевидное, и только крайняя необходимость («коченѣютъ руки») заставляетъ ими пользоваться. «Во время моего осмотра Теленневской школы (Звенигородскаго уѣзда), пишетъ врачъ, для согрѣванія класса была затоплена желѣзная печь, и я не зналъ, какъ выбраться; вѣроятно, то-же испытывали ученики и учительница». Классныхъ помѣщеній съ желѣзными печами, судя по отчетамъ врачей, насчитывается болѣе 5%.

Вентиляція въ классахъ крайне неудовлетворительна. Приспособленія для освѣженія классныхъ помѣщеній обыкновенно заключаются въ оконныхъ форточкахъ, «вертушкахъ», «вытяжкахъ» и печной тягѣ. Въ виду плохаго устройства всѣхъ этихъ приспособленій, а также въ виду недостаточнаго количества ихъ (на каждый классъ по одной форточкѣ), классныя комнаты очень плохо вентилируются. Кромѣ того, во многихъ школахъ совсѣмъ не имѣется никакихъ приспособленій для вентиляціи. Въ послѣднихъ случаяхъ испорченный воздухъ удаляется наружу черезъ открытыя двери и окна (даже зимою).

Можно себѣ представить, какимъ воздухомъ приходится дышать школьникамъ во время классныхъ занятій. «Для освѣженія воздуха, читаемъ мы въ отчетѣ по Верейскому уѣзду, приходится даже зимою отворять входную дверь (во время большой перемѣны). Въ нѣкоторыхъ школахъ съ этою цѣлью выставляются внутреннія рамы, чтобы можно было при надобности открыть окна. Но есть школы, въ которыхъ, по недостаточности помѣщенія, не приходится пользоваться, изъ опасенія остудить школу, и этимъ довольно рискованнымъ способомъ провѣтриванія. Конечно, воздухъ чрезъ это въ школѣ портится, и иногда въ такой сильной степени, что учитель принужденъ бываетъ отпускать дѣтей часомъ раньше положеннаго времени; а по словамъ другаго учителя, удушливая классная атмосфера настолько вредно вліяетъ на здоровье, что послѣ занятій онъ бываетъ вынужденъ ложиться въ постель». Жалобы на духоту въ классныхъ помѣщеніяхъ во время занятій раздаются изъ многихъ школъ другихъ уѣздовъ.

Освѣщеніе. Десятый съѣздъ врачей, какъ мы видѣли, призналъ

желательнымъ, чтобы свѣтъ въ классныхъ помѣщеніяхъ падалъ исключительно съ лѣвой стороны, а также, чтобы отношеніе свѣтовой поверхности къ площади пола было не менѣе, какъ 1 : 7. Обращаясь къ даннымъ осмотровъ школьныхъ помѣщеній, мы видимъ, что сравнительно очень немногія изъ нихъ удовлетворяютъ указаннымъ условіямъ. Окнами своими школы обращены въ разныя стороны, свѣтъ въ классахъ точно также падаетъ съ разныхъ сторонъ—спереди, сзади, справа и слѣва, такъ что въ этомъ отношеніи не замѣтно даже малѣйшаго намека на приближеніе къ нормѣ. Съ другой стороны, и отношеніе свѣтовой поверхности къ площади пола точно также мало приближается къ установленной нормѣ. Освѣщеніе большинства классныхъ помѣщеній стоитъ ниже нормы, причемъ нерѣдко въ этомъ отношеніи встрѣчаются поразительныя уклоненія. Недостаткомъ освѣщенія особенно страдаютъ школы съ наемнымъ помѣщеніемъ и церковно-приходскія. Въ послѣднихъ отношеніе свѣтовой поверхности къ площади пола иногда равняется 1 : 30 и даже менѣе. Въ виду этого встрѣчаются школы, въ которыхъ около столовъ, наиболѣе удаленныхъ отъ оконъ, даже среди яснаго бѣлаго дня царитъ полумракъ, а въ зимніе дни съ утра приходится зажигать лампы.

Площадь пола и объемъ воздуха на каждаго ученика. Относительно площади пола и кубическаго объема воздуха, приходящагося на одного ученика, школьныя помѣщенія также значительно уклоняются отъ нормы. Большинство классовъ по отношенію къ количеству учащихся имѣютъ воздуха отъ $^{1}/_{4}$ до $^{3}/_{4}$ нормы. Но есть и такіе классы, въ которыхъ содержаніе воздуха на одного ученика доходитъ до чудовищныхъ размѣровъ—всего 2,5—2,9 куб. аршина (2 школы Серпуховскаго уѣзда и 1 школа Звенигородскаго уѣзда), т.-е. больше чѣмъ въ 4 раза менѣе нормы. Это прежде всего объясняется чрезмѣрнымъ наплывомъ учениковъ въ школы, что, въ свою очередь, зависитъ отчасти отъ недостатка школъ (въ Можайскомъ уѣздѣ, напримѣръ, одно земское училище приходится на цѣлую волость), отчасти отъ невозможности найти подходящее помѣщеніе въ извѣстной мѣстности для опредѣленнаго количества учениковъ. На пониженіе цыфры кубическаго содержанія воздуха вліяетъ также и высота школьныхъ помѣщеній. Есть не мало школъ, высота которыхъ не превышаетъ 3-хъ аршинъ, между тѣмъ норма требуетъ не менѣе $4^{1}/_{2}$ аршинъ. Относительно площади пола, школьныя помѣщенія находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Въ этомъ отношеніи большее число изъ нихъ приближается къ нормальнымъ требованіямъ.

Классная мебель. Въ устройствѣ классной мебели въ большинствѣ

школъ замѣтно существенное отступленіе отъ требованій школьной гигіены. Столы—стараго устройства, неправильныхъ размѣровъ и не приноровлены къ росту учащихся. Въ каждой школѣ столы обыкновенно бываютъ однихъ размѣровъ, и потому размѣщать по росту учениковъ нельзя. При разсадкѣ руководствуются слѣдующими правилами: тѣ, которые шалятъ, сидятъ впереди; гдѣ кто помѣстился при поступленіи въ школу, тамъ и сидитъ; дѣвочки сидятъ впереди; обладающіе слабымъ зрѣніемъ, слухомъ и проч. садятся то-же впереди. Впрочемъ, такой порядокъ разсадки не вездѣ строго соблюдается. Во многихъ школахъ, при распредѣленіи учениковъ за столами, каждый учитель руководствуется своими педагогическими соображеніями. Иногда попадаются и разнаго размѣра столы, но это обусловливается простою случайностью, а не сознательнымъ примѣненіемъ разумныхъ началъ гигіены. Несоотвѣтствіе размѣровъ столовъ съ возрастомъ учениковъ, а также и вообще неправильное ихъ устройство заставляютъ многихъ учениковъ писать наполовину стоя, улегшись корпусомъ на доску стола или стоя на колѣняхъ на скамьяхъ. Такая посадка, конечно, вызываетъ развитіе школьной кривизны и вредно отзывается на дѣятельности сердца и легкихъ. Кромѣ указанныхъ недостатковъ, приходится еще отмѣтить плохую окраску столовъ, а также въ нѣкоторыхъ школахъ и значительную ветхость ихъ. Встрѣчаются школы, въ которыхъ классные столы имѣютъ, по выраженію врачей, «ужасный видъ, просто рухлядь». Вслѣдствіе недостатка мебели, а также вслѣдствіе тѣсноты самихъ классныхъ помѣщеній, ученики во многихъ школахъ размѣщаются по скамьямъ крайне тѣсно. Не рѣдко на одного ученика, вмѣсто нормальныхъ 12 вершковъ, приходится всего 7 вершковъ.

Отхожія мѣста. Самое больное мѣсто школьныхъ помѣщеній въ Московской губерніи—это отхожія мѣста. Послѣднія во всѣхъ школахъ устроены съ выгребными ямами и съ стульчаками надъ ними. Помѣщаются они или въ особыхъ пристройкахъ, или отдѣльно отъ школы, причемъ многія изъ нихъ стоятъ ближе 5 саженъ къ школѣ. Всѣ они холодныя, сдѣланы изъ теса, сплошь и рядомъ неплотно сбитаго; большинство страдаетъ отсутствіемъ свѣта. Отдѣльно для дѣвочекъ отхожія мѣста имѣются при очень немногихъ школахъ; въ большинствѣ случаевъ сортиры—общіе для обоихъ половъ. Деревянныхъ настилокъ, соединяющихъ сортиры со школой, нигдѣ нѣтъ. Содержатся отхожія мѣста крайне неопрятно. Очистка обыкновенно производится 1—2 раза въ годъ; но есть школы, гдѣ сортиры не чистятся по 3—4 года. Понятно, что о чистотѣ и опрятности при та-

кихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи. «Нужно удивляться, замѣчаетъ врачъ про одну изъ школъ Звенигородскаго уѣзда, какъ тамъ (въ сортирѣ) дѣти управляются, особенно если принять въ соображеніе разстояніе его; не видать ни пола, ни стульчаковъ и возвышается одна пирамида нечистотъ, а говорятъ, что тамъ есть и полъ, и стульчакъ». Благодаря такому неопрятному содержанію отхожихъ мѣстъ, многіе учителя жалуются, что въ теплое время зловонный воздухъ изъ сортировъ проникаетъ въ классныя комнаты. Въ двухъ школахъ Звенигородскаго уѣзда не выставляютъ даже зимнихъ рамъ весной со стороны отхожихъ мѣстъ вслѣдствіе зловонія, достигающаго класса. Есть, однако, школы, въ которыхъ совсѣмъ нѣтъ отхожихъ мѣстъ. Въ такихъ случаяхъ дѣти отправляютъ свои естественныя надобности подъ открытымъ небомъ вокругъ школы. Въ одной частной школѣ Бронницкаго уѣзда поставлены въ сѣняхъ три ведра, которыя и служатъ отхожими мѣстами для школьниковъ.

Раздѣвальныя. При многихъ школахъ имѣются теплыя переднія, сѣни или корридоры, служащіе для раздѣванія школьниковъ, но ни одно изъ этихъ помѣщеній, по своимъ размѣрамъ, не удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ раздѣвальной комнатѣ десятымъ съѣздомъ врачей. Нерѣдко встрѣчаются, однако, и такія школы, въ которыхъ нѣтъ никакого помѣщенія для раздѣвальни. Въ этихъ школахъ ученики обыкновенно раздѣваются въ классѣ и сваливаютъ одежду въ кучу въ одномъ изъ угловъ комнаты.

Ночлежныя помѣщенія. Помѣщеній, спеціально назначенныхъ для ночевки учениковъ изъ дальнихъ деревень, при школахъ, за немногими исключеніями, не имѣется вовсе. Школьники обыкновенно ночуютъ или въ классѣ на скамьяхъ, или въ кухнѣ учителя, или, наконецъ, въ помѣщеніи сторожа. Отсутствіе особыхъ помѣщеній для жилья при самыхъ школахъ побуждаетъ нѣкоторыхъ родителей изъ отдаленныхъ отъ училища селеній оставлять своихъ дѣтей на время ученія или у школьнаго сторожа, или у кого-либо изъ мѣстныхъ крестьянъ, съ платою за помѣщеніе и харчи отъ 1 до 3 р. въ мѣсяцъ; за одно-же помѣщеніе отъ 25 до 50 коп. Питомцы изъ дальнихъ отъ школы селеній пользуются ночлегомъ у тѣхъ крестьянъ, дѣти которыхъ учатся безплатно въ школѣ Воспитательнаго дома. Когда дѣти остаются ночевать въ школѣ, они продовольствуются чѣмъ придется; никакой организаціи въ этомъ отношеніи нѣтъ.

Манкировка. Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о манкировкѣ учениковъ. Данныя по этому вопросу собраны по пяти уѣздамъ. Наибольшее число пропущенныхъ дней приходится на осенніе

мѣсяцы—время заготовки дровъ и окончанія разныхъ домашнихъ работъ, и особенно на весенніе—время распутицы и начала полевыхъ работъ. По отдѣльнымъ школамъ въ количествѣ манкировочныхъ дней замѣчается значительная разница; зависитъ это какъ отъ личныхъ качествъ учителя, такъ отъ состоянія самого населенія, его экономическаго положенія и профессіональныхъ занятій, отъ дальности разстоянія селеній отъ школы и проч. Въ селеніяхъ, ближайшихъ къ городу, число манкировокъ бываетъ больше по базарнымъ днямъ, когда родители, отправляясь на базаръ, оставляютъ дѣтей дома для присмотра. Въ Можайскомъ уѣздѣ, судя по заявленіямъ училищнаго персонала, въ школахъ Воспитательнаго дома манкировки бываютъ гораздо чаще, чѣмъ въ земскихъ и другихъ училищахъ, посѣщаемыхъ крестьянскими дѣтьми, такъ сказать, по своей охотѣ, что вполнѣ естественно, ибо питомецъ, живя въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ семьѣ бѣдной, маломощной, нуждающейся въ каждомъ лишнемъ работникѣ, наичаще нуженъ въ домѣ по разнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ. Во многихъ семьяхъ питомцы посылаются въ школу только потому, что кормилицы боятся лишиться слѣдуемаго имъ за воспитанника содержанія; не будь подобнаго сдерживающаго стимула, часть воспитанниковъ навѣрное была-бы лишена возможности посѣщать школу. Въ Рузскомъ уѣздѣ, наоборотъ, въ школахъ Воспитательнаго дома число манкировочныхъ дней въ 2—3 раза меньше, чѣмъ въ земскихъ школахъ. Это объясняется тѣмъ, что окружные надзиратели штрафуютъ воспитателей за нерадѣніе по отношенію къ питомцамъ.

Что касается дѣятельности училищнаго персонала, то послѣдній не руководствуется какою-либо точно и ясно опредѣленною инструкціею, а дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію и соображенію; онъ опредѣляетъ количество учениковъ, количество учебныхъ дней и часовъ, количество уроковъ, по отдѣльнымъ предметамъ, распредѣленіе самыхъ занятій и т. д. Въ школахъ Воспитательнаго дома хотя и существуетъ опредѣленная инструкція, но руководствуется ею училищный персоналъ не всегда и не вполнѣ.

VI.

Не подводя итоговъ всему сказанному здѣсь относительно санитарнаго положенія школъ Московской губерніи, мы остановимся на тѣхъ выводахъ, къ которымъ пришли врачи, производившіе осмотръ

школъ, а также на ихъ практическихъ совѣтахъ по санитарному надзору за школами.

Всѣ врачи въ своихъ выводахъ о санитарномъ положеніи школъ Московской губерніи сходятся на слѣдующемъ:

Выборъ мѣстности подъ школы часто бываетъ очень неудаченъ, во-1-хъ, потому, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ школы находятся среди селеній, а во-2-хъ, потому, что близость волостныхъ правленій, кабаковъ и проч. не составляютъ рѣдкихъ исключеній.

Въ строительномъ отношеніи школы неудовлетворительны, ибо многія изъ нихъ требуютъ конопатки, починки крышъ, половъ, словомъ—глаза добраго хозяина.

Школьныя помѣщенія, за исключеніемъ частныхъ школъ, въ виду большого числа желающихъ учиться, недостаточны по своимъ размѣрамъ; наиболѣе переполнены земскія училища и школы Воспитательнаго дома: первыя — въ зависимости отъ малаго числа школъ, вторыя—по невозможности подыскать въ опредѣленномъ районѣ вполнѣ просторный крестьянскій домъ.

Почти всѣ классныя комнаты не удовлетворяютъ требованіямъ школьной гигіены какъ относительно площади, такъ и въ особенности объема даже на наличное число учениковъ; послѣднее главнымъ образомъ зависитъ отъ незначительной высоты помѣщеній.

Недостатокъ этотъ особенно чувствуется вслѣдствіе дурнаго устройства вентиляціи какъ печной, такъ и оконной, или, вѣрнѣе сказать, отсутствія почти всякой вентиляціи.

Освѣщеніе школъ неудовлетворительно, какъ въ количественномъ отношеніи, такъ равно и въ качественномъ; нерѣдко ученики получаютъ освѣщеніе только впереди, или спереди и справа, или-же, наконецъ, съ трехъ сторонъ, за исключеніемъ лѣвой, т.-е. именно той стороны, откуда освѣщеніе признается наилучшимъ.

Отопленіе въ видѣ русской печи съ подтопкомъ, какъ это устроено во многихъ школахъ, неудовлетворительно: получается мало тепла и приходится устраивать добавочное отопленіе въ видѣ желѣзной печи съ таковыми-же трубами, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть терпимы въ школахъ.

Хотя земскія школы спеціальной постройки въ настоящее время и не удовлетворяютъ нѣкоторымъ указаннымъ требованіямъ, тѣмъ не менѣе, въ ряду другихъ школъ, онѣ представляются наилучшими, такъ какъ построены по возможности примѣнительно къ требованіямъ, высказаннымъ вторымъ съѣздомъ земскихъ врачей Московской губерніи.

Классная мебель въ нѣкоторыхъ школахъ ветха—просто рухлядь,

въ нѣкоторыхъ неудобна для занятій, какъ, напримѣръ, простые столы, во всѣхъ она не приноровлена къ росту трехъ группъ учениковъ.

Во многихъ школахъ дурно устроены отхожія мѣста въ томъ отношеніи, что дѣвочки и мальчики имѣютъ общее мѣсто, вслѣдствіе чего приходится имъ ходить по-очереди, а перемѣны между уроками въ 5 минутъ заставляютъ спѣшить и не сдѣлать всего аккуратно. Въ нѣкоторыхъ школахъ отхожія мѣста сряду-же у фундамента зданія, вслѣдствіе чего жидкія части всасываются стѣнами зданія, а это дурно отзывается на школѣ какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ санитарномъ отношеніяхъ. Всѣ отхожія мѣста требуютъ болѣе частой очистки.

Распредѣленіе учебныхъ часовъ во многихъ школахъ не соотвѣтствуетъ разумному требованію гигіены и педагогіи; то-же должно сказать и относительно одинаковой продолжительности учебнаго дня для всѣхъ отдѣленій.

На основаніи всѣхъ этихъ выводовъ, врачи предлагаютъ слѣдующія практическія мѣропріятія:

1) Ремонтировать школьныя зданія.

2) Устранить излишній наплывъ желающихъ учиться путемъ расширенія имѣющихся школьныхъ зданій или устройствомъ новыхъ.

3) Подчинить существующія школы санитарному надзору.

4) Выбирать мѣста для новыхъ школъ и устраивать ихъ не иначе, какъ подъ руководствомъ людей, знакомыхъ съ гигіеною *).

5) Обсуждать съ участіемъ врачебнаго и учительскаго персонала всѣ детали каждой вновь строющейся школы какъ относительно постройки, такъ и вентиляціи, отопленія и освѣщенія, останавливая вниманіе при этомъ на возможности болѣе или менѣе правильнаго размѣщенія трехъ группъ учениковъ сообразно ихъ дѣйствительной величинѣ.

6) Выработать нѣсколько примѣрныхъ плановъ школъ, съ указаніемъ размѣщенія столовъ и оконъ сообразно съ количествомъ учениковъ въ каждой изъ трехъ группъ, какъ они обыкновенно дѣлятся въ земскихъ школахъ.

---

*) Этотъ пунктъ, полагаемъ, не лишаетъ населеніе права все-таки открывать школы даже и въ томъ случаѣ, если онѣ не вполнѣ соотвѣтствуютъ установленнымъ земствомъ гигіеническимъ требованіямъ. Лишать данное населеніе возможности получать начальное образованіе изъ-за того, что оно не можетъ устроить школу, удовлетворяющую хотя бы минимальнымъ санитарнымъ требованіямъ, было-бы несправедливо уже потому, что самая жизнь деревенскихъ дѣтей въ значительной степени восполняетъ недостатки школьной обстановки, о чемъ авторъ совершенно справедливо говоритъ въ началѣ своей статьи. *Ред.*

7) Ознакомить учителей съ требованіями школьной гигіены путемъ брошюръ или инымъ какимъ-либо способомъ. Полезно съ этою цѣлью собрать въ одно цѣлое всѣ санитарныя требованія, касающіяся школъ, какъ относительно размѣровъ комнатъ, такъ равно и вентиляціи, отопленія, освѣщенія, классной мебели, отхожихъ мѣстъ, распредѣленія занятій и т. п.

Думаемъ, что къ сказанному прибавлять нечего. Замѣтимъ только, что изъ всѣхъ школьныхъ зданій сравнительно благоустроенными и удовлетворяющими требованіямъ гигіены, какъ видно изъ отчетовъ врачей, являются зданія, спеціально построенныя земствомъ подъ школы. Это даетъ намъ надежду въ недалекомъ будущемъ увидѣть осуществленіе раціональной школьно-санитарной организаціи во всей губерніи, ибо московское земство, безъ сомнѣнія, будетъ продолжать свою дѣятельность на поприщѣ народнаго образованія съ такою-же энергіею, съ какою оно работало до сихъ поръ. Съ другой стороны, при настоящемъ положеніи дѣла, поправлять школьно-санитарныя упущенія введеніемъ въ начальныя народныя училища военной гимнастики — это значитъ по-пусту тратить время и сознательно закрывать глаза на дѣйствительныя нужды народной школы.

В. Крандіевскій.

ЯКУТСКІЯ НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ.

(По личнымъ наблюденіямъ).

Якутскія народныя школы существуютъ очень недавно, и самая старшая изъ нихъ основана не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. До семидесятыхъ годовъ училища находились только въ городахъ и были предназначены главнымъ образомъ для русскаго населенія; но различныя вѣянія, дошедшія и въ эту отдаленнѣйшую окраину, заставили подумать объ улусахъ, наслегахъ, 250-ти тысячахъ якутовъ, пребывающихъ во мракѣ невѣжества. За полнымъ и плачевнымъ отсутствіемъ интеллигенціи, за дѣло взялась администрація и, странно, послѣ очень долгаго и полнаго равнодушія къ народному образованію, оно положительно вошло въ моду. Въ 1869 году якутское уѣздное училище было преобразовано въ классическую прогимназію, народныя школы стали появляться какъ грибы послѣ дождя и черезъ какихъ-нибудь 10 лѣтъ ихъ насчитывали уже 18, хотя раньше не было ни одной *). Школамъ радовались—и какъ-же иначе? Ихъ привѣтствовали рѣчами, и даже якуты слушали эти рѣчи, хотя, грустно, что они въ то время ничего не понимали по-русски. Въ этихъ рѣчахъ очень скромная шестиклассная прогимназія преображалась въ «свѣточъ просвѣщенія», народныя школы оказывались «проводниками новой гуманной политики» и, вообще, какъ въ словахъ, такъ и въ поступкахъ исправниковъ было замѣтно сильное оживленіе. Открытіе новой школы стало считаться необходимостью; оно свидѣтельствовало о неутомимой и полезной дѣятельности, оно, словомъ, было въ модѣ. Все происходило просто и хорошо. Исправникъ созывалъ якутовъ и приказывалъ имъ открыть школу. Школа открывалась. Главное затрудненіе состояло въ томъ, чтобы найти

---

*) По статистическимъ даннымъ за 1887-й г., въ области было 18 народныхъ школъ съ 325-ю учениками. Въ число 18-ти входятъ и два городскія училища въ Якутскѣ и Олекминскѣ, а также казачья школа въ Вилюйскѣ.

хорошаго учителя, но—какое препятствіе устоитъ противъ увлеченія?— на мѣсто учителя брали перваго попавшагося чиновника изъ областнаго правленія, изъ тѣхъ, конечно, которые помельче. Ему приказывали сдать экзаменъ. Удивительное дѣло—онъ сдавалъ его. Ему приказывали просвѣщать юношество и — еще болѣе удивительное дѣло!—онъ просвѣщалъ его. Обѣ стороны оставались какъ нельзя болѣе довольны другъ другомъ. Будущій учитель—обыкновенно самый маленькій канцелярскій служитель—видѣлъ въ перспективѣ, хотя и довольно далекой, первый чинъ; изъ города онъ переѣзжалъ въ улусъ и, занимая тамъ оффиціальное положеніе, могъ провѣрить, насколько справедливо мнѣніе, что улусъ—золотое дно. Исправники рапортовали объ открытіи все новыхъ и новыхъ школъ, и всѣ были довольны. Такъ дѣло шло 10—12 лѣтъ. За прогимназіей завели школы, за школами — женскую прогимназію. Теперь все это бросили и находятъ, что подобная «быстростремительная» политика ни къ какимъ блестящимъ результатамъ не ведетъ. За недостаткомъ средствъ, двѣ-три школы должны были прекратить свое существованіе, положеніе другихъ, благодаря той-же причинѣ, очень плачевно. Является непріятный вопросъ не о томъ уже, какъ расширять начатое дѣло, а о томъ, какъ сохранить хотя то немногое, что уже существуетъ?

Поэтому сочиняются проекты, о которыхъ скажемъ ниже.

II.

Подведемъ итоги, пользуясь не всегда достовѣрными, а иногда и совершенно запутанными отчетами якутскихъ народныхъ учителей. Я предупреждаю, что безусловной точности въ приводимыхъ цыфрахъ нѣтъ и быть не можетъ, по обстоятельствамъ, отъ меня совершенно независящимъ. Главный матеріалъ предлагаемой статьи—мои личныя наблюденія, а цыфровыя данныя, почерпнутыя мною изъ отчетовъ учителей, зачастую возбуждаютъ недоумѣніе. Но ошибка во всякомъ случаѣ будетъ назначительна, такъ какъ, все равно, увеличимъ-ли мы вдвое число учащихся въ школахъ, или уменьшимъ его во столько-же, тотъ общій выводъ, что школа пока оказываетъ вліяніе на улусъ въ дозѣ поистинѣ гомеопатической, нисколько не пострадаетъ. Надо только помнить, что Якутская область занимаетъ пространство въ 3.000.000 кв. верстъ, имѣетъ населеніе въ 300.000 жителей, изъ которыхъ 250 тысячъ якутовъ; ученики-же въ школахъ считаются десятками. Въ намскомъ улусѣ, напр., на 8.000 жителей мы видимъ одну школу и въ ней 12 учениковъ. Въ другихъ мѣстахъ то-же самое.—

Число мальчиковъ, получающихъ ежегодно образованіе, колеблется между 220 и 273; дѣвочекъ еще меньше. Считая, поэтому, 400 чел. учениковъ *) на 18 школъ, мы очень немного удалимся отъ истины, и притомъ въ сторону преувеличенія. Это дастъ намъ одного ученика на 600 человѣкъ якутовъ, и такъ какъ въ якутскихъ народныхъ школахъ рѣдко кончаетъ курсъ болѣе 10% поступившихъ, то, слѣдовательно, одинъ получившій образованіе въ школѣ приходится болѣе чѣмъ на 6.000 жителей. Но отнюдь невозможно допустить, чтобы за эти 20 истекшихъ лѣтъ каждый годъ кончало курсъ по 40 человѣкъ. Многія школы основаны въ 75, 76 и даже въ 79 годахъ; образованіе продолжается minimum 4 года, и поэтому мы будемъ правы, считая число окончившихъ «полный курсъ наукъ» не въ 800 человѣкъ, а въ половину, т.-е. въ 400. Въ этомъ случаѣ передъ нами опять 1 на 600 человѣкъ или $^1/_6$%.

Это-бы еще ничего. Одинъ грамотный на 600 безграмотныхъ въ Якутской области значитъ кое-что, хотя-бы просто въ виду того обстоятельства, что 25 лѣтъ тому назадъ грамотный человѣкъ могъ считать себя однимъ изъ 10.000. Главная бѣда заключается въ томъ, что школы подаютъ очень мало надеждъ на дальнѣйшее процвѣтаніе, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ мы уже сказали, совсѣмъ закончили свое существованіе.

Прежде всего надо замѣтить, что средства у школъ самыя нищенскія. На школу собирается обыкновенно по 20 коп. съ души, такъ-что улусъ съ 8—10 тысячами населенія даетъ ежегодно $1^1/_2$ или 2.000 рублей. Существуетъ, кромѣ того, почетное попечительство, «цѣна» за которое назначена minimum 25 рублей въ годъ. Итакъ, рѣдко какая школа имѣетъ болѣе 2.000 рублей дохода.

На эти деньги надо содержать домъ, учителя, сторожа и учениковъ. Ученики, въ большинствѣ случаевъ, пансіонеры. Ихъ надо кормить и одѣвать. Не лишено интереса знать, сколько именно остается на учебныя пособія? Я позволю себѣ привести бюджетъ одной народной школы, именно камской.

Школа получаетъ въ годъ—1.600 р. Изъ нихъ:

Учителю полагается	240 р.
Сторожу	120 »
Кухаркѣ	120 »
На содержаніе дома	120 »
Итого . .	600 р.

*) Это очень много. По отчетамъ, число учениковъ въ улусныхъ школахъ никогда не превышало 330.

Остается тысяча рублей, на которую надо содержать 20 мальчиковъ. Конечно, жить можно, и дѣти живутъ, хотя на каждаго изъ нихъ приходится отъ 4—5 р. въ мѣсяцъ. Но учебныя пособія должны представляться излишней роскошью; такой-же излишней роскошью оказываются лѣкарства, помѣщеніе, приличная пища, не говоря уже объ одеждѣ. Дѣти ходятъ въ костюмахъ, нѣсколько «странныхъ» даже съ якутской точки зрѣнія, бѣлья совершенно нѣтъ и пр.

Впрочемъ, нечего, конечно, и предъявлять особенныя требованія камскому улусу Якутской области; надо радоваться и тому, что въ немъ хотя что-нибудь да есть.

Якутскія народныя школы существуютъ почти исключительно на средства инородцевъ. Если не ошибаюсь, министерство даетъ ежегодно 500 или 600 р. на всѣ школы сразу, и часть этихъ денегъ идетъ на награды учителямъ, другая—на улучшеніе дѣла народнаго образованія вообще.

III.

Любопытно опредѣлить, какъ сами якуты относятся къ народнымъ школамъ?

Я уже говорилъ, что основаніе школъ явилось результатомъ чисто административныхъ мѣропріятій. Якутамъ было приказано отвести подъ училище домъ—и они отвели; было приказано давать по двугривенному съ души—и они даютъ; но, къ сожалѣнію, немыслимо было приказать, чтобы они отнеслись къ школѣ съ любовью и уваженіемъ. Учениковъ первое время приходилось набирать точно рекрутовъ, по предписанію: якуты даже прятали ребятишекъ отъ зоркаго взгляда засѣдателя и, какъ это всегда бываетъ, сваливали всю тяжесть новой повинности на бѣдняковъ. Но администрація, находясь въ періодѣ просвѣтительнаго увлеченія, преодолѣла эти препятствія и, надо отдать ей полную справедливость, закрѣпила школы на границѣ полярнаго круга.

Администрація въ этихъ мѣстахъ—все. Явились Трескинъ и Лоскутовъ, перепороли дюжину-другую первыхъ попавшихся подъ руку «братскихъ»—и буряты принялись за земледѣліе, хотя строжайшее религіозное повелѣніе запрещало имъ раскапывать мать-землю. Явились Лохвицкій и де-Витте—и Якутская область увидѣла первыя народныя школы. Поэтому нѣтъ ничего страннаго, если якуты, которые въ дѣлѣ основанія школъ играли роль чисто пассивную, смотрѣли на нихъ первое время исключительно съ точки зрѣнія тѣхъ двугривенныхъ,

которые имъ приходилось платить. Они выказывали даже сопротивленіе, но также пассивное. Когда надо было отвести домъ подъ училище, они отводили самый скверный; когда надо было отдавать дѣтей въ школу, они прятали ихъ. Но у администраціи были въ рукахъ два очень сильныхъ средства: приказаніе и кафтаны. Красный жалованный кафтанъ является затаенной или даже затаеннѣйшей мечтой каждаго богатаго якута. Получивъ его, онъ сразу выростаетъ на цѣлый аршинъ въ собственныхъ глазахъ. Ради этого кафтана онъ готовъ на всевозможнѣйшія жертвы. Онъ тоскуетъ, когда ему долго не даютъ его. Онъ приравниваетъ себя къ великому человѣку, разъ получилъ его. Совершенно случайно мнѣ пришлось видѣть памятникъ, и даже нѣсколько наивный памятникъ веселія и торжества, овладѣвшихъ сердцемъ якутскаго старшины послѣ полученія кафтана. Проѣзжая какъ-то по глухому мѣсту гуропчинскаго улуса, я увидѣлъ деревянный столбъ съ очень недурно сдѣланнымъ орломъ наверху. Всмотрѣвшись поближе, я замѣтилъ на столбѣ надпись, которая гласила: «такого-то числа и года якутскому улусному старшинѣ такому-то былъ пожалованъ красный кафтанъ. Въ память сего событія и поставленъ сей столбъ» *)...

Но масса якутовъ, повторяю, смотрѣла и все еще смотритъ на школу съ точки зрѣнія двугривеннаго. Къ счастью, начинаетъ зарождаться и якутская интеллигенція. Это не шутка. Я зналъ одного старшину Николаева, который просто поразилъ меня своими знаніями и развитіемъ. Онъ бывалъ иногда въ нашемъ учительскомъ кружкѣ и всегда держался, какъ равный. На это онъ имѣлъ полное право. Онъ прекрасно говорилъ по-русски, прошелъ шесть классовъ гимназіи, побывалъ въ Петербургѣ, выписывалъ журналъ, а главное—былъ замѣчательно умнымъ и отзывчивымъ человѣкомъ. Народную школу своего улуса онъ взялъ подъ свое покровительство и, въ предѣлахъ возможнаго, сдѣлалъ ее образцовой. Онъ подыскалъ хорошаго учителя, почти вдвое увеличилъ ему жалованье, завелъ глобусы, карты, картины, часто бывалъ на урокахъ, мечталъ о составленіи новой, дѣйствительно необходимой для якутскихъ школъ, книгѣ для чтенія, и я убѣжденъ, что только смерть помѣшала исполнить ему задуманное: онъ зарѣзался въ припадкѣ меланхоліи. Мнѣ было жаль его до слезъ, и я радъ, что представляется возможность сообщить во всеуслышаніе хотя-бы имя этого умнаго и дѣльнаго человѣка, жизнь

*) Я видѣлъ надпись въ 1888 году. Не знаю, существуетъ-ли она теперь Любопытно, что на столбѣ красуется не двуглавый, а одноглавый орелъ.

и смерть котораго прошли незамѣченными среди многочисленныхъ сплетенъ, поглощающихъ все вниманіе обывателей богоспасаемаго града Якутска. Я передамъ ниже взглядъ Николаева на народныя школы и, надѣюсь, что читатель посочувствуетъ имъ вмѣстѣ со мной.

Кромѣ двугривеннаго существуютъ и другія причины, которыя мѣшаютъ якутамъ отнестись къ народной школѣ съ должнымъ участіемъ. Между прочимъ, я имѣю въ виду и то недовѣріе, которое, къ сожалѣнію, инородцы питали и продолжаютъ питать къ намъ, русскимъ людямъ. Кто читалъ замѣчательное произведеніе Кастрена «Reiseberichtungen und Briefe», тотъ не могъ не обратить вниманія на слѣдующій характерный разсказъ, имѣющій прямое отношеніе къ нашему вопросу. «Однажды, говоритъ Кастренъ *), ко мнѣ на лодку ворвались нѣсколько человѣкъ остяковъ и, перебивая другъ друга, стали передавать какое то происшествіе, которое, повидимому, до глубины души взволновало и возмутило ихъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, дѣло шло о томъ, что мѣстный священникъ взялъ у нихъ двоихъ дѣтей съ тѣмъ, чтобы отправить ихъ въ школу. Остяки видѣли въ этомъ несчастіе и жаловались чуть не со слезами, такъ какъ (говорили они) «мы знаемъ, по прежнему опыту, что наши дѣти, получившія русское воспитаніе, стали не апостолами, а врагами своего народа и нерѣдко отличались распущенной жизнью». Этотъ фактъ съ достаточной ясностью говоритъ самъ за себя и является лишь новымъ варіантомъ на старую тему «timeo Danaos»...

Здѣсь не мѣсто, конечно, вдаваться въ объясненіе причинъ, вызвавшихъ въ жизни такое грустное явленіе. Въ большей или меньшей степени эти причины не могутъ не быть скрытыми ни для кого. Если еще въ прошломъ столѣтіи замѣчательный русскій этнографъ († 1715 г.) Григорій Новицкій сказалъ въ стихахъ:

«Такъ и остякъ бѣдный съ премногими труды
«Собираетъ драгость шубъ, украшающъ людій—
«Самъ-же нагъ, горькой нищеты вся поноситъ злости:
«Весь скуденъ, една кожа, подъ кожею кости—»

то и теперь эта несуразная, но прочувствованная характеристика положенія инородца остается справедливой,—все равно, возьмемъ-ли мы якута, остяка или бурята. Кто и когда относился къ сибирскимъ дикарямъ, какъ къ людямъ, кто и когда изъ русскихъ культуртрегеровъ понималъ обязанность высшей расы просвѣщать низшую расу и руководить ею? Историческія обстоятельства выработали, съ одной стороны, безцеремонное презрѣніе къ дикарю, съ другой — вполнѣ

*) Reiseberichtungen und Briefe, p. 116.

понятное недовѣріе. Не будемъ себя обманывать тѣми гуманными распоряженіями, которыя со времени Александра I подъ должными нумерами стали появляться въ полномъ собраніи узаконеній и распоряженій. Новыя гуманныя вѣянія вообще пробиваются медленно, робко и стыдливо. Во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ народностей все еще господствуетъ самая скверная традиція, выработавшаяся въ эпоху грубаго режима казацкой вольницы и московскихъ чиновныхъ людей. И что-же удивительнаго, если школа, какъ идущая отъ русскихъ, все еще продолжаетъ возбуждать недовѣріе? Дѣло совсѣмъ не въ патріотизмѣ, не въ національныхъ стремленіяхъ *), не въ томъ, что якуту или остяку пріятнѣе оставаться во всемъ великолѣпіи своего невѣжества, а въ обстоятельствахъ гораздо болѣе близкихъ и удобопонятныхъ: въ томъ именно, что инородцамъ дѣйствительно рѣдко приходилось встрѣчать хорошее и гуманное отношеніе къ себѣ со стороны русскихъ людей.

Къ счастью, эта скверная традиція казацкаго распутства и московскаго безобразія, волокиты и пр. начинаетъ понемногу поддаваться и уступать свое мѣсто воззрѣніямъ болѣе человѣчнымъ. Школа могла-бы сыграть въ этомъ случаѣ большую роль, но у школы нѣтъ денегъ, школа нищенствуетъ.

Съ точки зрѣнія слиянія народностей, а не достигнутыхъ ею пока результатовъ—школа въ Якутской области должна вызывать все наше сочувствіе. При всемъ моемъ уваженіи ко всякаго рода вопросамъ, порожденнымъ нашей общественной жизнью, я все-же осмѣливаюсь думать, что и инородческій вопросъ не совсѣмъ микроскопическій. Помириться съ тѣмъ фактомъ, что въ Сибири все еще господствуютъ традиціи Московской Руси, конечно, возможно, хотя-бы въ виду отдаленности страны и полнаго отсутствія даже приличныхъ географическихъ свѣдѣній объ этой русской половинѣ Азіи, но попробуемъ стать хотя на минуту на другую точку зрѣнія. Передъ нами сотни тысячъ меньшей братіи, которая пропадаетъ и исчезаетъ со дня на день. Мы—высшая раса, своего рода отцы и благодѣтели. Мы завоевали Сибирь, но подчинить Сибирь намъ удалось лишь съ помощью инородцевъ. Они научили насъ, какъ одѣваться, какъ ѣсть, какъ лѣчиться, какъ находить дорогу къ тайгѣ, какъ жить, наконецъ, въ новомъ климатѣ и новой обстановкѣ. За

---

*) Кастренъ какимъ-то удивительнымъ способомъ розыскалъ ихъ среди остяковъ. См. l. c. p. 81: «aus Furcht ihre Nationalität zu verlieren».—Объ отношеніяхъ русскихъ къ инородцамъ см. статью Щеглова въ Запискахъ.

это мы должны быть очень благодарными имъ. Что-же дали мы имъ взамѣнъ этихъ услугъ? Лишь то, что они сами успѣли взять, да и зато имъ пришлось заплатить слишкомъ дорогою цѣной. Правда, мы уничтожили борьбу между родами; мы ввели христіанство и новый взглядъ на женщину. Это наши великія заслуги. Теперь мы начинаемъ знакомить дикарей съ грамотой и земледѣліемъ. Что-же лучше этого? Но тотъ, кто знаетъ, какимъ путемъ достигались и продолжаютъ достигаться эти благіе результаты, радуется лишь на половину. Новыя вѣянія, новая, «гуманная» политика пробиваются въ жизнь такъ робко и такъ стыдливо, что нужно большое вниманіе, чтобы подмѣтить ихъ. Скверное свойство всякой традиціи переживать свое время и тяготѣть надъ разумомъ и поступками человѣка, несмотря на весь свой очевидный анахронизмъ, ярко проявляется въ инородческомъ вопросѣ—въ нищихъ инородческихъ школахъ, въ безцеремонномъ презрѣніи къ дикарямъ, все еще характеризующемъ русскаго человѣка, и во многихъ другихъ вещахъ.

Бѣда наша заключается, между прочимъ, и въ томъ, что о Сибири вообще, объ инородцахъ въ частности мы имѣемъ понятіе самое смутное. Наши ученыя экспедиціи направляются обыкновенно въ Тибетъ, Китай и Монголію, наши ученые люди предпочитаютъ розыскивать остатки Тарбагатая, чѣмъ изучать инородческій вопросъ.

Между прочимъ, что знаемъ мы объ инородческихъ школахъ? Казалось-бы, съ ихъ существованіемъ и ихъ дѣятельностью связаны многіе важные и интересные вопросы: напр., вопросъ о расовомъ принципѣ въ дѣлѣ воспитанія и обученія, но эти школы совершенно игнорируются. Даже сибирская пресса не занимается ими, какъ не занималась она и раньше, въ краткій періодъ своего процвѣтанія (1875—1885 гг.). Въ газетѣ «Сибирь», напр., о якутскихъ народныхъ школахъ за 10 лѣтъ помѣщенъ всего на всего одинъ анекдотъ. Это, согласитесь, маловато.

Поэтому-то я думаю, что и мои замѣтки, несмотря на неполноту, могутъ имѣть нѣкоторую цѣну, могутъ если не разрѣшить, то, по крайней мѣрѣ, выдвинуть нѣсколько впередъ интересущій насъ вопросъ.

IV.

Видъ народной школы вообще, сибирской въ особенности, производилъ на меня всегда самое грустное впечатлѣніе. Съ одной стороны, для каждаго очевидно, что за этими сѣренькими стѣнами и подъ этой покосившейся крышей происходитъ нѣчто важное и боль-

шое, съ другой—куда ни обернешься, видишь бѣдность, граничащую съ нищетой, и чисто механическій, бездушный процессъ обученія. Наблюдая за жизнью школы, то и дѣло приходится наталкиваться на непріятные и возмущающіе душу факты. Отъ учителей и учительницъ слышишь однѣ жалобы, въ мѣстномъ «обществѣ» видишь или какое-то странное недовѣріе къ школѣ, или-же полное невниманіе къ ней.

Жалобы учителей и учительницъ сводятся обыкновенно къ тому, что начальство обращается съ ними совсѣмъ по военному, переводитъ по произволу и прихоти съ мѣста на мѣсто, выгоняетъ со службы по первой «кляузѣ» мѣстнаго кулака-воротилы, обращается вообще рѣзко и невѣжливо, никогда не подаетъ руки, кричитъ и бранится при ученикахъ, забирается въ учительскую квартиру и, расположившись какъ на постоѣ, командуетъ. Учителей и учительницъ мнѣ было одинаково жаль. Начать съ того, что каждый считаетъ себя какъ-бы прямымъ начальникомъ надъ школами; туда являются: засѣдатель, исправникъ, чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ, даже акцизный контролеръ (!), и вся эта масса чиновнаго люда вмѣшивается въ преподаваніе, дѣлаетъ выговоры, даетъ приказанія и совѣты. Только-что уѣхалъ одинъ, пріѣзжаетъ другой; нѣтъ никого изъ служащихъ—въ школу залѣзаетъ кабатчикъ, который тоже считаетъ себя въ правѣ слѣдить за нею. Не рѣдкость, что по поводу какого-нибудь сквернаго доноса поднимается цѣлое кляузное дѣло... И за всѣ эти муки ежемѣсячно—еще хорошо, если аккуратно—приходится получать 20—25 рублей.

Каждый считаетъ себя прямымъ начальникомъ надъ школой. Эта формула справедлива для Сибири вообще. Въ иныхъ мѣстахъ школьной инспекціи нѣтъ совершенно, въ иныхъ — участокъ, отведенный инспектору, настолько великъ, что у него не хватаетъ ни силы, ни желанія объѣзжать его такъ часто, какъ-бы это слѣдовало. Контроль производится попутно, вмѣстѣ съ ревизіей кабаковъ, складовъ, патентовъ, деревенской жизни вообще. А извѣстно, что въ школьномъ дѣлѣ каждому свойственно считать себя спеціалистомъ, въ особенности-же мелкому сибирскому чиновнику, который все еще продолжаетъ смотрѣть на Сибирь, какъ на страну завоеванную и, что особенно любопытно, причисляетъ къ этой категоріи завоеванныхъ даже чисто русскихъ гражданъ. Школѣ приходится только страдать и плакать отъ подобной точки зрѣнія, и если-бы возстановить во всей ихъ полнотѣ всѣ разсказы о безчисленныхъ мелкихъ и крупныхъ униженіяхъ, ко-

торыя приходится испытывать каждому учителю и каждой учительницѣ, всякому вчужѣ стало-бы страшно.

Специальная школьная инспекція или слаба, или ея совершенно нѣтъ. Возьмите, напр., Якутскую область, любопытную уже по тому, что вслѣдствіе отдаленности тамъ все доведено до первоначальной наготы и откровенности. Въ области 18 школъ; изъ нихъ есть такія, которыя отстоятъ отъ центра, т.-е. города Якутска, на тысячи верстъ. Есть школы за 100—200—400 верстъ. Кому ревизовать ихъ, кому слѣдить за ними? Обязанность директора народныхъ училищъ исполняетъ директоръ мѣстной прогимназіи. Онъ получаетъ на разъѣзды въ годъ 250 рублей; на его плечахъ лежатъ двѣ прогимназіи. Хорошо, если для очистки совѣсти онъ завернетъ въ ближайшее училище; остальныя-же остаются безъ контроля со дня своего основанія. Поэтому, очевидно, надзоръ за преподаваніемъ предоставленъ исправникамъ и засѣдателямъ. Даже тамъ, гдѣ существуетъ инспекція, не всегда и не все обстоитъ благополучно. Инспектора какъ-то удивительно скоро проникаются сибирскими принципами; да и кто эти инспектора? Я знаю между ними одного поручика въ отставкѣ, одного бывшаго акцизнаго надзирателя, какого-то микроскопическаго канцелярскаго служителя и т. д.

Бѣдныя учительницы даже плакали, разсказывая о своемъ положеніи. Это запуганныя и забитыя существа. Онѣ живутъ въ глуши, онѣ получаютъ крохотное жалованье, онѣ выносятъ грубость и приставанія, и, къ довершенію всего, не умѣютъ вести своего дѣла. Я видѣлъ совершенно павшихъ духомъ, видѣлъ такихъ, которыя пустились во всѣ тяжкія; видя ихъ, слушая ихъ, наблюдая за ними, приходится распроститься со всякой идилліей народной школы.

Въ Якутской области учитель-спеціалистъ совершенная рѣдкость. Я уже говорилъ, что въ періодъ увлеченія школьнымъ дѣломъ, т.-е. въ семидесятые годы, учителемъ назначали каждаго, кто хотя съ грѣхомъ пополамъ сдавалъ экзаменъ «грамотности». Но даже грамотность представлялась иногда требованіемъ слишкомъ серьезнымъ; въ такомъ случаѣ ограничивались «алфавитомъ и цыфирью». Объ этихъ экзаменахъ можно было-бы привести дюжину-другую нелишенныхъ интереса анекдотовъ, но я предпочитаю этого не дѣлать, такъ какъ, чего добраго, эти анекдоты сочтутся за преувеличенія. Учителя были нужны—и ихъ набирали изъ штата областнаго правленія и полицейской канцеляріи. Одинъ сталъ апостоломъ просвѣщенія прямо изъ пожарныхъ. Нѣчто подобное, хотя и не настолько уже рѣзкое, происходитъ и въ настоящее время. Учительской семинаріи въ Якутскѣ

нѣтъ, а кто поѣдетъ въ улусную глушь изъ Иркутска или Красноярска? Слѣдовательно, опять-таки приходится назначать учителей по рекомендаціи и ограничиваться преимущественно «алфавитомъ и цыфирью». Казалось-бы, что классическая прогимназія могла выставить контингентъ приличныхъ учителей, но по многимъ и многимъ причинамъ она этого не дѣлаетъ и дѣлать не можетъ. Подождемъ, не пойдстъли дѣло лучше теперь, когда классическая шестиклассная прогимназія обращена въ реальное училище.

V.

Учитель якутской народной школы, не выходя за предѣлы своей спеціальности, обязуется голодать. Окладъ, получаемый имъ, поистинѣ, можетъ считаться ничтожнымъ или даже ничтожнѣйшимъ. Иногда даютъ двѣсти рублей въ годъ, иногда 250, рѣдко 300; существуетъ одинъ окладъ въ 350. Кромѣ этого, полагается помѣщеніе и дрова отъ якутовъ, которыя доставляются ими въ видѣ натуральной повинности. Жить на двѣсти или двѣсти пятьдесятъ рублей трудно, почти невозможно, при существующихъ дѣйствительно безобразныхъ цѣнахъ. Бываютъ годы, когда ржаная подмоченная и перепрѣлая мука продается на якутскомъ рынкѣ по 4 или по $4^1/_2$ р. за пудъ. Кирпичъ чаю стоитъ зимой 1 р. 40 к. и 1 р. 60 к.; фунтъ сахару—35—40 коп., керосинъ 50 коп. фунтъ; стеариновыя свѣчи—40 к. ф. и т. д. Дешево въ улусахъ мясо (и то не всегда), рыба, когда хорошъ уловъ, масло, когда нѣтъ падежа на скотъ, и сальныя свѣчи, когда падежъ особенно силенъ. Какъ при этихъ обстоятельствахъ распорядиться съ 200 рублей въ годъ?

А между тѣмъ учителя народныхъ школъ Якутской области живутъ, въ большинствѣ случаевъ, лучше своихъ остальныхъ сибирскихъ собратій, и это бываетъ всякій разъ, какъ они выходятъ за предѣлы своей спеціальности. Прошу позволенія остановиться нѣсколько на этомъ обстоятельствѣ.

Якуты, особенно пригородные якуты, вообще говоря, большіе кляузники. Это кляузное настроеніе одинъ изъ плодовъ культуры, ставшій особенно сочнымъ, благодаря якутскому упрямству и нелюбви къ русскимъ людямъ. Между якутами и русскими крестьянами или поселенцами идутъ безконечныя тяжбы изъ-за земли, что вполнѣ понятно, такъ какъ хотя въ Якутской области и считается три милліона квадратныхъ верстъ, но удобной земли далеко не такъ много. Якуты «любятъ» тягаться и предаются этому дѣлу со страстью новообра-

щенныхъ. Я знаю не одинъ наслегъ, который разорился благодаря тяжбѣ, и вообще якутъ скорѣе заложитъ самъ себя, чѣмъ уступитъ то, что онъ считаетъ своимъ правомъ. Онъ «волокитствуетъ», пока у него остается хотя одинъ рубль за душой, и грамотному учителю приходится, разъ онъ не желаетъ голодать, фигурировать въ роли «аблаката».

Въ далекихъ улусахъ также очень выгодно заниматься торговлей, разъ учителю представляется какая-нибудь возможность раздобыть товаръ въ кредитъ. Это очень «денежная» операція, и мнѣ разсказывали, что нѣкоторые учителя зарабатываютъ такимъ путемъ приличныя суммы.

Но разъ нѣтъ кляузъ, разъ не удается запастись товаромъ, приходится голодать. Есть, впрочемъ, и еще кое-какіе источники доходовъ, но можно принять за правило, что эти источники не имѣютъ ничего общаго съ дѣломъ преподаванія. Поэтому былъ совершенно правъ одинъ старичокъ, экзаменовавшійся у насъ въ предѣлахъ «алфавита и цыфири» на должность народнаго учителя, когда на нашъ вопросъ: «ну какъ-же вы поведете дѣло?» наивно отвѣчалъ: «да понемножку, ваше высокородіе: торговлишкой займусь, прошеньице напишу, акафистъ пропѣть придется, надъ покойничкомъ почитаю... Много-ли старику надо?»

Вся суть заключается въ томъ, чтобы пріобрѣсти въ улусѣ какую-нибудь почву, такъ какъ учительство собственно такой почвы не даетъ. Вообще, мнѣ думается, что главный недостатокъ жизни нашихъ народныхъ учителей сводится къ этой «безпочвенности». Кому они свои въ деревнѣ?—Никому. Кому они чужіе?—Всѣмъ. Съ кѣмъ сойтись, съ кѣмъ даже разговаривать? Съ кабатчикомъ, писаремъ и вообще аристократіей? Но для этого нуженъ рѣдкій талантъ общежитія и своего рода беззастѣнчивость. Съ бѣдняками? Но въ такомъ случаѣ обидится мѣстная аристократія, пожалуй, усмотритъ въ этомъ неблагонамѣренное къ ней отношеніе. Человѣкъ, такимъ образомъ, остается одинъ, совершенно одинъ, и долженъ спиться, разъ не успѣетъ обзавестись семьей.

Въ улусѣ также необходимо пріобрѣсти почву. Разъ учитель не «аблакатствуетъ», не кляузничаетъ, не торгуетъ, онъ является совершенно постороннимъ человѣкомъ. Его высокое призваніе непонятно никому изъ окружающихъ, для него самого оно также не существуетъ. Дѣло, къ которому онъ нисколько не подготовленъ, дѣло, котораго онъ не любитъ, тяготитъ его гораздо болѣе, чѣмъ доставляетъ наслажденіе. Апостолическая дѣятельность и служеніе народу—все это вы-

сокія и смутныя фразы, потому что дѣйствительность знаетъ не ихъ, а нѣчто совершенно другое. Апостоламъ приходится вести полуголодное существованіе, апостолы ежеминутно подвергаются униженію; каждый засѣдатель считаетъ себя спеціалистомъ, каждый засѣдатель съ грубою развязностью вмѣшивается въ дѣло, въ которомъ онъ не смыслитъ ни бельмеса. Учитель не «аблакатъ» и не торговецъ—существо самое приниженное и несчастное. Я помню, какой нелицемѣрный ужасъ вызывала даже моя вполнѣ вѣжливая ревизія. Жаль и тяжело было смотрѣть, какъ унижается человѣкъ, какъ готовъ онъ на любое холопство, какъ онъ дрожитъ и блѣднѣетъ, даже не зная за собой особенной вины.

Но торговля и кляузничество даютъ почву и, занимаясь ими, учитель становится человѣкомъ нужнымъ и почтеннымъ. Конечно, въ такомъ случаѣ онъ тяготѣетъ къ аристократіи, водится съ старшинами, имѣетъ другомъ писаря изъ управы и пр., но, по крайней мѣрѣ, онъ живетъ, а не прозябаетъ. Въ такомъ случаѣ учительское мѣсто оказывается ему вполнѣ пригоднымъ, оно даетъ ему квартиру и отопленіе, облегчаетъ кредитъ; скромныя познанія изъ алфавита и цыфири приносятъ большіе барыши, и передъ вами уже не бѣдное, забитое существо, а вполнѣ приличный человѣкъ съ опредѣленнымъ мѣстомъ въ жизни. На пользу въ широкомъ смыслѣ слова у него не хватаетъ, конечно, силы. Въ медицинѣ онъ рѣшительно ничего не понимаетъ, защищать унижаемыхъ и обиженныхъ—значитъ вступать въ постоянныя столкновенія съ писаремъ и старшиной, отдаться всецѣло педагогикѣ—для этого нужны знанія, и притомъ такія почтенныя знанія, что не только курсъ семинаріи, но и университетскій дипломъ можетъ оказаться совсѣмъ не лишнимъ... Пріобрѣсти почву можно, поэтому, лишь отрицательнымъ путемъ.

Заброшенный въ улусъ, учитель вполнѣ предоставляется самому себѣ. Всѣ его усилія должны быть направлены къ тому, чтобы ладить со старшиной и писаремъ. Разъ онъ достигъ этого, онъ можетъ считать свое мѣсто вполнѣ обезпеченнымъ за собою. Въ противномъ случаѣ ему предстоятъ всякаго рода мытарства. Что можетъ быть проще, какъ взять и написать: такой-то или такая-то посѣщаетъ, разговариваетъ, пьетъ чай и пр., съ административно-ссыльными? Но этого иногда оказывается достаточнымъ, чтобы окончательно загубить реномэ человѣка въ глазахъ ближайшаго и отдаленнаго начальства. Поэтому volens-nolens—надо ладить.

Е. Соловьевъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Начальное народное образованіе въ г. Ельцѣ.

Въ началѣ сентября 1891 года намъ пришлось познакомиться съ нѣсколькими начальными училищами, содержимыми на средства городскаго общественнаго управленія, и намъ казалось полезнымъ и поучительнымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности лицъ, поставленныхъ во главѣ городскаго управленія, такъ заботливо относящихся къ святому дѣлу народнаго образованія.

Но прежде всего мы считаемъ необходимымъ оговориться.

У насъ часто судятъ объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія по количеству училищъ въ данной мѣстности. Этотъ общепринятый критерій, по нашему мнѣнію, не выдерживаетъ, однако, самой легкой критики. Если въ какомъ-либо вопросѣ *количество* ничего не представляетъ, кромѣ мертвыхъ цыфръ, то именно въ вопросѣ объ успѣхахъ народнаго образованія. Цыфры нужны для составителей отчетовъ, а что подъ ними кроется—нерѣдко и самъ составитель не знаетъ. Въ иномъ мѣстѣ сотни школъ съ тысячами учащихся, а народное просвѣщеніе находится на той-же примитивной степени, на которой оно стояло до открытія этихъ школъ.

Въ нашей многолѣтней службѣ по народному образованію мы много разъ встрѣчали такія мѣста, гдѣ заботы о количествѣ школъ совершенно отодвигали на задній планъ болѣе важную, на нашъ взглядъ, заботу о качествѣ ихъ. И кромѣ безплодныхъ затратъ на неблагоустроенныя школы — ничего не выходило: сотни и тысячи мальчиковъ, кое-какъ выдерживавшихъ экзаменъ на льготное по воинской повинности свидѣтельство, черезъ два, три года совершенно забывали все, что они съ такимъ трудомъ учили, а ко времени поступленія ихъ въ военную службу являлись такими-же безграмотными, какъ и не учившіеся въ школѣ. Да иначе и быть не могло, если школа такъ обставлена, что и для учителя, и для учениковъ —ученье въ ней только одно мученіе: ни достаточнаго количества свѣта, ни тепла,

ни свѣжаго воздуха нѣтъ; нѣтъ свободнаго мѣста, гдѣ можно было-бы расправить одеревенѣлые отъ неудобнаго сидѣнья члены; словомъ, нѣтъ ничего, что-бы возбудило въ мальчикѣ охоту посѣщать школу. Прибавьте къ такой обстановкѣ отсутствіе учебниковъ, учебныхъ пособій, письменныхъ принадлежностей *) и книгъ для чтенія— и вамъ ясно представится печальная картина подобной школы.

Эта печальная картина невольно рисовалась. когда намъ сообщили, что въ Ельцѣ, небольшомъ сравнительно съ Орломъ городкѣ, *восемь* приходскихъ общественныхъ и три частныхъ начальныхъ училищъ съ 1.032 учащимися и что эти 11 училищъ вполнѣ благоустроены. Для насъ это казалось тѣмъ болѣе феноменальнымъ, что въ Ельцѣ, какъ намъ было извѣстно, есть мужская и женская гимназія, есть еще частное трехклассное женское училище, на которыхъ нерѣдко сосредоточивается вниманіе городскаго общества, а начальное образованіе отодвигается на задній планъ. Но всѣ наши сомнѣнія должны были разсѣяться, когда намъ удалось посѣтить елецкія начальныя училища. За недостаткомъ времени, изъ восьми училищъ, мы были только въ шести; остальныхъ-же двухъ приходскихъ, мужскаго и женскаго, видѣть не удалось.

Осмотрѣнныя училища расположены въ разныхъ частяхъ города, чтобы удовлетворить потребностямъ городскаго населенія. Въ распредѣленіи нельзя не видѣть заботливо обдуманнаго плана — предоставить самымъ отдаленнымъ отъ центра частямъ города средства начальнаго образованія дѣтей. Этимъ, съ другой стороны, достигается и меньшая скученность учащихся въ одномъ какомъ-либо училищѣ, и сравнительно небольшое число ихъ въ другомъ.

Изъ шести училищъ, пять помѣщаются въ отдѣльныхъ зданіяхъ, принадлежащихъ городу; эти зданія или спеціально построены, или-же пріобрѣтены городомъ отъ частныхъ лицъ. При всѣхъ училищахъ есть болѣе или менѣе просторные дворы, а при нѣкоторыхъ и *садики*, весьма опрятно содержимые. Только одно училище (3-е мужское), расположенное въ засосненской части города, помѣщается въ наемномъ домѣ, совершенно, впрочемъ, обособленномъ отъ сосѣднихъ.

Такому вполнѣ раціональному помѣщенію училищъ болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ классныя комнаты, которыхъ *по три* въ каждомъ училищѣ, для трехъ отдѣленій; въ трехъ училищахъ, кромѣ

---

*) Не разъ намъ случалось (много лѣтъ тому назадъ) бывать въ такихъ школахъ, гдѣ *дно разбитой бутылки* служило общей чернильницей для 50—60 мальчиковъ, половина которыхъ писала импровизированными ручками: тонкія лучинки съ привязанными къ нимъ перьями. *Примѣч. автора.*

того, есть сборныя залы, гдѣ совершается общая молитва. Классы сухи, свѣтлы, хорошо вентилируются и отапливаются. Вообще на гигіеническія условія обращено заботливое вниманіе, и число учащихся въ каждомъ отдѣленіи даннаго училища болѣе или менѣе ограничивается размѣромъ классовъ. Замѣчательно, что, входя въ довольно многочисленные классы, мы не чувствовали того специфическаго тяжелаго запаха, какой обыкновенно ощущается не только въ низшихъ школахъ, но въ большинствѣ даже среднихъ учебныхъ заведеній. Особенно мы замѣтили это рѣдкое явленіе въ I-мъ приходскомъ мужскомъ училищѣ, старшее отдѣленіе котораго помѣщается въ небольшой комнатѣ, уставленной ученическими, плотно сдвинутыми столами. Несмотря на то, что въ классѣ сидѣло до пятидесяти учениковъ и былъ уже 3-й урокъ, когда воздухъ въ классахъ бываетъ обыкновенно особенно тяжелъ, мы не чувствовали никакой духоты, и на наше недоумѣніе г. попечитель училища, *Н. И. Петровъ*, указалъ намъ большой вентиляторъ въ потолкѣ класса, очень хорошо освѣжающій классъ.

Эта забота о гигіеническихъ условіяхъ, безъ соблюденія которыхъ нельзя требовать отъ школы удовлетворительныхъ успѣховъ, показываетъ, съ какимъ вниманіемъ относятся къ нимъ и Училищный совѣтъ, и лица, попеченію которыхъ они поручены. Впрочемъ, попеченіе этимъ не ограничивается: попечители четырехъ училищъ тратятъ значительныя средства на свои училища. Такъ, въ прошломъ учебномъ году во *второй женской школѣ* многія ученицы подвергались головной боли, которая, по изслѣдованію училищнаго врача, происходила отъ тѣсноты помѣщенія классныхъ комнатъ. Попечитель этого училища, *В. К. Багренко*, положившій основаніе ученической и учительской библіотекѣ, пожертвовавъ книгъ и учебниковъ *на 600 рублей*, къ началу наступившаго учебнаго года устранилъ это важное неудобство: на свой счетъ онъ нанялъ отдѣльное помѣщеніе (за 300 рублей въ годъ), устроилъ въ немъ сборный залъ, учительскую и двѣ классныя комнаты, построилъ для нихъ классную мебель, пріобрѣлъ необходимыя учебныя пособія и перевелъ многочисленное среднее отдѣленіе въ новое помѣщеніе, раздѣливъ его на двѣ группы и пригласивъ для второй (параллельной) особую учительницу.

Учебное дѣло во всѣхъ общественныхъ училищахъ обставлено очень хорошо; классная мебель почти во всѣхъ удобна: двухмѣстныя парты, приспособленныя къ росту учащихся. Однообразныя опрятныя тетради и книги для чтенія свидѣтельствуютъ о порядкѣ и опрятности учащихся. Дѣти состоятельныхъ родителей пріобрѣтаютъ всѣ

учебныя принадлежности на свой счетъ, а бѣднѣйшія снабжаются всѣмъ необходимымъ или попечителями училищъ, или благотворительнымъ комитетомъ.

Если школа не имѣетъ, кромѣ учебниковъ и учебныхъ принадлежностей, никакихъ другихъ учебныхъ пособій, то нельзя ожидать плодотворныхъ успѣховъ: ученики работаютъ только памятью и ею усваиваютъ, часто не безъ труда, все, что имъ знать обязательно. Возбуждать ихъ самодѣятельность, заинтересовывая тѣми или другими свѣдѣніями, учитель не въ состояніи въ такой бѣдной школѣ: у него самого ничего нѣтъ подъ руками, кромѣ тѣхъ-же книгъ для чтенія, какія читаются и изучаются въ классѣ.

Организаторы начальнаго образованія въ Ельцѣ вполнѣ сознавали необходимость различныхъ учебныхъ пособій, и всѣ елецкія школы богаты ими: священно-историческія картины, карта Палестины и другія географическія и историческія карты, естественно-историческіе стѣнные атласы, глобусы, различныя мѣры и пр. находятся почти въ каждой школѣ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., въ III-мъ приходскомъ мужскомъ (засосненскомъ) училищѣ, стѣны всѣхъ классовъ покрыты картинами, картами и пр. Въ старшемъ отдѣленіи, кромѣ того, на особыхъ полкахъ установлены типы племенъ очень хорошаго изданія (изъ папье-маше). Вообще это училище обставлено очень хорошо, благодаря заботамъ попечителя, *Н. Я. Зыкова*, который всей душой преданъ дѣлу начальнаго образованія и для успѣховъ его жертвуетъ много изъ своихъ средствъ. Такъ, онъ пригласилъ на свой счетъ особаго учителя пѣнія (регента), который и составилъ изъ учениковъ хоръ пѣвчихъ; для поощренія дѣтей къ лучшимъ успѣхамъ, онъ ежегодно пріобрѣтаетъ много книгъ для наградъ. Мы посѣтили его училище какъ разъ въ то время, когда эти книги были уже получены и занимали въ библіотечномъ шкапу почетное мѣсто на верхнихъ полкахъ. Всѣ онѣ въ прекрасныхъ яркихъ переплетахъ съ оттиснутыми золотыми виньетками. Можно легко представить себѣ, сколько радости и восторга доставятъ эти книжки бѣднымъ, обездоленнымъ мальчикамъ!

Въ каждомъ изъ елецкихъ общественныхъ училищъ есть собственная библіотека, состоящая изъ дѣтскихъ книгъ и изъ педагогическихъ сочиненій для учителей; кромѣ I-го приходскаго училища, получившаго библіотеку отъ упраздненнаго уѣзднаго училища, самая богатая книгами библіотека I-го женскаго училища (основаннаго въ 1864 г.), заключающая въ себѣ 620 книгъ, и II-го женскаго училища (основаннаго лишь въ 1885 г.)—съ 450 книгами; въ остальныхъ училищахъ

число книгъ различно и колеблется между 150 (пріютское женское) и 286 (IV-ое мужское проходское).

Преподавательскій персоналъ состоитъ изъ 30 лицъ: 8-ми законоучителей-священниковъ, 4-хъ учителей и 18-ти учительницъ; законоучители получаютъ по 120 рублей въ годъ; остальные преподаватели по 250 рублей; въ каждомъ училищѣ одно изъ преподающихъ лицъ завѣдуетъ имъ и имѣетъ, сверхъ жалованья, квартиру съ отопленіемъ. Кромѣ того, лучшимъ изъ преподавателей ежегодно выдается въ награду 35 рублей. Принимая во вниманіе чрезвычайную дороговизну въ Ельцѣ квартиръ, топлива и отчасти продуктовъ, нельзя не признать, что преподавательскій трудъ оплачивается довольно скудно и жить на получаемое жалованье очень трудно, особенно людямъ семейнымъ. Впрочемъ, какъ мы узнали, матеріальное положеніе четырехъ учителей улучшается тѣмъ, что трое изъ нихъ, состоя завѣдующими, пользуются квартирой, а четвертый—получаетъ 120 рублей квартирныхъ денегъ; что-же касается учительницъ, изъ которыхъ 16 окончили курсъ въ Елецкой женской гимназіи съ правами домашнихъ учительницъ, то почти всѣ онѣ елецкія уроженки, живутъ, слѣдовательно, дома, въ своихъ семьяхъ, что во много разъ удешевляетъ ихъ жизнь.

Не смотря, однако, на такое незначительное жалованье учителямъ и учительницамъ, содержаніе начальныхъ училищъ въ 1890—1891 учебномъ году стоило городу 9.287 рублей, а вмѣстѣ съ суммою, собранною за право ученія (2.500 рублей)—11.787 рублей. Принимая во вниманіе, что въ указанномъ учебномъ году во всѣхъ восьми школахъ обучалось 927 учениковъ (646 мальчиковъ и 287 дѣвочекъ), находимъ, что за обученіе одного учащагося городъ затрачивалъ изъ своихъ средствъ 10 рублей, а вмѣстѣ съ платой за ученіе 12 рублей 71 коп. За эту сравнительно ничтожную годовую плату учащіеся получаютъ законченное начальное образованіе, пройдя трехлѣтній курсъ.

Конечно, при нашемъ бѣгломъ осмотрѣ, въ самое неблагопріятное для оцѣнки познаній время, когда ученіе только что началось и учащіеся, послѣ почти трехмѣсячныхъ каникулъ, еще не вошли въ обычную колею учебныхъ занятій, мы не могли, да и не имѣли въ виду судить объ успѣхахъ учениковъ; насъ главнымъ образомъ интересовали вопросы: какъ идетъ преподаваніе, каковы тѣ педагогическія, въ большинствѣ, молодыя силы, какія тратятся на образованіе и воспитаніе молодаго, по большей части неприсмотрѣннаго поколѣнія? Съ этою цѣлью мы останавливались то въ томъ, то въ другомъ отдѣленіи разныхъ школъ, чтобы послушать преподавателя или пред-

ложить нѣсколько вопросовъ по Закону Божію или по другимъ предметамъ; слушали ихъ чтеніе, видѣли ихъ письмо, диктовки съ исправленіями,—словомъ, мы хотѣли составить себѣ общее понятіе о ходѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ этихъ прекрасно организованныхъ Училищнымъ совѣтомъ школахъ.

И изъ всего, что мы наблюдали, мы пришли къ тому заключенію, что и воспитательное, и учебное дѣло идутъ въ этихъ школахъ рука объ руку, и идутъ хорошо, благодаря усердію и энергіи преподавателей и особенно преподавательницъ, которыя всецѣло посвятили себя трудному дѣлу воспитанія такой разнохарактерной массы дѣтей беднѣйшаго городскаго населенія. Со стороны можетъ казаться, что это дѣло вовсе легкое: собралъ ихъ вмѣстѣ и—учи. Большинство такъ и думаетъ, но, конечно, ошибочно. Обученіе—трудъ очень тяжелый; оно требуетъ со стороны дѣтей умственнаго напряженія, усилія воли, сосредоточеннаго вниманія. Ко всему этому необходимо прежде всего пріучить дѣтей, до поступленія въ школу жившихъ на совершенной свободѣ, дѣлавшихъ, что̀ вздумается. Достиженіе всего этого составляетъ одну изъ трудныхъ задачъ учителя; но еще труднѣе пріучить эту нестройную толпу дѣтей къ порядку, къ спокойствію, словомъ—дисциплинировать ихъ, не прибѣгая ни къ какимъ мѣрамъ, запугивающимъ дѣтей и вызывающимъ у нихъ нерасположеніе къ школѣ.

Мы посѣтили младшее отдѣленіе въ нѣсколькихъ елецкихъ школахъ и имѣли возможность убѣдиться, что эта вторая задача разрѣшена, къ большому нашему удивленію, настолько удачно, что мы не замѣтили въ дисциплинарномъ отношеніи рѣзкой разницы между отдѣленіями, т.-е. между учениками, *пробывшими въ школѣ два года, одинъ годъ и двѣ недѣли*. Такой необычайный успѣхъ въ выполненіи воспитательной задачи мы приписываемъ благотворному вліянію учительницъ, которыя вообще лучше умѣютъ дѣйствовать на чувства дѣтей и сдерживать ихъ инстинкты. Это вліяніе пріобрѣтается мягкостью, кротостью, простотою обращенія и настойчивостью,—такими качествами, которыя свойственны именно женщинамъ, посвятившимъ себя дѣлу народнаго образованія. Не этому-ли смягчающему женскому вліянію надо приписать и отсутствіе въ елецкихъ городскихъ школахъ (и сельскихъ) всякаго рода унизительныхъ наказаній? Свободные отвѣты учениковъ на наши вопросы, незапуганность ихъ, простота отношеній ихъ къ преподавателямъ, удовольствіе, съ которымъ они встрѣчали своихъ попечителей,—все это свидѣтельствовало намъ, что въ елецкихъ начальныхъ школахъ существуетъ здо-

ровая школьная атмосфера, поддерживающая энергію и бодрость и учащихся, и учащихъ.

Слушая преподаваніе нѣкоторыхъ учителей и учительницъ, мы замѣтили, что всѣ они объясняютъ очень понятно данный учебный матеріалъ; всѣ они владѣютъ умѣньемъ поддерживать вниманіе класса къ преподаваемому, но далеко не всѣми усвоены лучшіе пріемы преподаванія и едва-ли кто-либо изъ нихъ умѣетъ съ пользою употреблять на урокахъ имѣющіяся у нихъ подъ руками картины, карты и другія учебныя пособія. На нашъ вопросъ по этому поводу нѣкоторые изъ преподающихъ отвѣчали такъ неопредѣленно, что мы не могли не придти къ заключенію, что всѣ эти прекрасныя пособія только украшаютъ стѣны классовъ, а не служатъ могучимъ орудіемъ умственнаго развитія учащихся. Впрочемъ, винить гг. преподающихъ нѣтъ основанія. Наглядное преподаваніе требуетъ особенной подготовки и, главное, дѣятельнаго и постояннаго обмѣна мыслей и обсужденія вопросовъ о способахъ и пріемахъ преподаванія вообще, что достигается только на общихъ педагогическихъ собраніяхъ (съѣздахъ), подъ руководствомъ особаго лица, извѣстнаго своею опытностью въ этомъ дѣлѣ. Подобныхъ собраній въ Ельцѣ, какъ намъ говорили, не было уже почти двадцать лѣтъ, и большинство настоящихъ преподавателей и преподавательницъ елецкихъ начальныхъ училищъ придерживается своихъ собственныхъ пріемовъ. Несмотря на этотъ недостатокъ, учебное дѣло идетъ очень успѣшно въ смыслѣ выполненія установленныхъ программъ. Объ этой успѣшности мы можемъ судить по даннымъ, изложеннымъ въ весьма интересномъ «Докладѣ о состояніи начальнаго образованія по городу Ельцу за 1889—1890 учебный годъ», написанномъ городскимъ головою, Н. И. Петровымъ, и отпечатанномъ въ видѣ брошюры.

Въ виду того, что выставляемыя «преподавателями годовыя отмѣтки по успѣхамъ учениковъ не представляютъ вѣрнаго критерія для опредѣленія наивысшей или наименьшей успѣшности учениковъ, ибо оцѣнка знаній учащихся во многихъ случаяхъ зависитъ отъ педагогическихъ пріемовъ и субъективныхъ взглядовъ учителей, которые довольно часто въ разныхъ случаяхъ придерживаются и разныхъ способовъ для опредѣленія успѣшности учащихся» *), экзаменаціонная коммиссія, состоявшая изъ членовъ Училищнаго совѣта, рѣшила, при оцѣнкѣ познаній учениковъ, принимать во вниманіе, главнымъ образомъ, экзаменаціонныя отмѣтки, произвести экза-

*) Докладъ.

мены учениковъ всѣхъ училищъ одновременно и поручить этотъ трудъ однимъ и тѣмъ-же экзаменаторамъ, чтобы «достигнуть болѣе или менѣе вѣрныхъ результатовъ при сравнительномъ изслѣдованіи и оцѣнкѣ познаній учениковъ» (Ib.). Письменныя испытанія были произведены въ прекрасномъ залѣ женской гимназіи, а устныя—въ помѣщеніи городской управы.

Не вдаваясь въ подробности относительно организаціи экзаменовъ, обстоятельно изложенныя въ «Докладѣ»,—подробности, свидѣтельствующія о томъ, какъ серьезно смотритъ Училищный совѣтъ на начальное образованіе и стремится достигнуть справедливости въ оцѣнкѣ дѣятельности каждаго изъ преподающихъ, мы ограничиваемся только цыфровыми данными и общими выводами экзаменаціонныхъ коммиссій.

Изъ подробной таблицы № 1, приложенной къ «Докладу», видно, что на экзаменъ изъ всѣхъ восьми общественныхъ школъ явилось 847 учащихся обоего пола (мальч. 662 и дѣв. 185); изъ 365 учащ. младшаго отдѣленія выдержали экзаменъ 254 или 69,5%; изъ 313 учащ. средняго отдѣленія удостоены перевода 220 или 73,2%, а изъ 169 старшаго отдѣленія выдержали экзаменъ и получили свидѣтельство 133 учащ. или 78,6%. Такой высокій процентъ успѣвающихъ представляетъ чрезвычайно рѣдкое явленіе въ низшихъ школахъ, гдѣ оканчиваютъ курсъ обыкновенно немногіе ученики, не смотря на многочисленность ихъ въ школѣ. Такой успѣхъ всецѣло зависѣлъ отъ энергіи и преданности дѣлу преподавателей и преподавательницъ, побѣдившихъ своимъ терпѣніемъ и настойчивостью всѣ трудности начальнаго обученія. Вѣдь въ начальную школу поступаютъ дѣти прямо съ улицы; у нихъ «руки, какъ грабли», по выраженію одного учителя; глаза ихъ смотрятъ, но не видятъ, какъ слѣдуетъ; уши слышатъ, но не различаютъ самыхъ рѣзкихъ звуковъ. Это вполнѣ примитивныя существа, ни однимъ органомъ внѣшнихъ чувствъ не владѣющія какъ слѣдуетъ.

И, вотъ, многія изъ такихъ дѣтей, пробывъ въ одной изъ елецкихъ школъ три года, являются на публичный экзаменъ и обнаруживаютъ вполнѣ удовлетворительныя познанія: разсказываютъ событія свящ. исторіи, знаютъ катихизисъ, богослуженіе; пишутъ подъ диктовку «твердымъ красивымъ почеркомъ, безъ грубыхъ ошибокъ»: рѣшаютъ сложныя ариѳметическія задачи на цѣлыя числа по «правильно составленному плану»; читаютъ по-русски бѣгло, толково и связно излагаютъ прочитанное, отвѣчаютъ наизусть стихотворенія и басни и передаютъ ихъ содержаніе; знаютъ изъ книги для чтенія

главныя событія русской исторіи, знакомы съ географіею отечества и съ важнѣйшими физическими явленіями окружающей ихъ природы.

Мы полагаемъ, что всего этого болѣе чѣмъ достаточно для трехъ учебныхъ лѣтъ. Правда, что не всѣ учащіеся проходятъ въ три года этотъ курсъ; многіе усваиваютъ его въ четыре, а иногда и въ пять лѣтъ; но это обыкновенное во всѣхъ училищахъ явленіе не измѣняетъ сущности дѣла: всѣ поступающіе въ школу одинаково неразвиты, но обладаютъ различною воспріимчивостью и способностями, что уже съ перваго года ученія устанавливается между ними разница въ познаніяхъ. Для учителей эта разница еще болѣе усложняетъ веденіе дѣла, затрудняя прохожденіе положеннаго курса.

Резюмирая все сказанное о начальныхъ училищахъ г. Ельца, мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что училища эти, по своей организаціи, по заботливому вниманію къ нимъ Училищнаго совѣта и общественнаго управленія, по удачному составу преподавателей, должны занять первое мѣсто въ ряду начальныхъ городскихъ училищъ Орловской губерніи.

Въ заключеніе не можемъ не выразить большаго сожалѣнія, что такъ прекрасно организованное начальное обученіе для множества способныхъ мальчиковъ служитъ предѣломъ ихъ образованія. Существующая въ г. Ельцѣ мужская гимназія для нихъ недоступна; другихъ училищъ нѣтъ, и тринадцати-четырнадцатилѣтніе юноши, волей-неволей, вступаютъ въ жизнь съ слишкомъ ограниченными теоретическими познаніями, пріобрѣтенными въ начальномъ училищѣ.

Если какому городу надо имѣть *городское училище*, то именно Ельцу съ его тысячами учащихся въ начальныхъ школахъ. Вопросъ объ этомъ, впрочемъ, давно уже былъ рѣшенъ общественнымъ управленіемъ въ положительномъ смыслѣ; уже было возбуждаемо ходатайство о субсидіи Министерства Народнаго Просвѣщенія на этотъ предметъ, но это ходатайство, по весьма уважительнымъ причинамъ, не было исполнено, и городу предоставлено право открыть это учебное заведеніе на свои собственныя средства. Насъ увѣряли вліятельные гласные городской думы, что, какъ только окончится постройка дома для окружнаго суда, немедленно будетъ приступлено къ устройству городскаго училища. И нѣтъ сомнѣнія, что это такъ и будетъ, и что городское училище будетъ открыто въ непродолжительномъ времени. Желательно, чтобы при его организаціи не забыты были различные дополнительные практическіе курсы, прослушавъ которые ученики могли пристроиться къ какому-нибудь дѣлу. Что такіе курсы крайне необходимы и въ высшей степени полезны для учащихся,

доказывается отчасти опытомъ введенія ремеслъ (переплетнаго), садоводства и цвѣтоводства въ елецкомъ мужскомъ пріютскомъ училищѣ: ученики такъ хорошо усваиваютъ и переплетное мастерство, и практическія свѣдѣнія по садоводству и огородничеству, что переплетъ книгъ для училищъ, продажа цвѣтовъ, букетовъ, сѣмянъ доставляетъ пріюту значительный доходъ. Въ женскомъ пріютскомъ училищѣ преподается кройка платья—самая трудная отрасль женскихъ работъ—съ такимъ успѣхомъ, что воспитывающіяся тамъ дѣвочки сами себя обшиваютъ, а по выходѣ изъ пріюта получаютъ мѣста закройщицъ, обыкновенно хорошо оплачиваемыя.

Введеніемъ практическихъ занятій пріюты обязаны предсѣдателю благотворительнаго комитета *Н. И. Талдыкину*, который, въ качествѣ гласнаго городской думы, много содѣйствовалъ устройству этихъ полезныхъ учрежденій, жертвовалъ и жертвуетъ для поддержанія ихъ значительныя средства. Преданный всецѣло дѣлу начальнаго народнаго образованія, г. Талдыкинъ не ограничивается завѣдываніемъ матеріальною частью пріютовъ; онъ, кромѣ того, состоитъ попечителемъ II-го мужскаго приходскаго училища и для благоустройства его не жалѣетъ своихъ средствъ. Такъ, онъ отдѣлалъ на свой счетъ помѣщеніе училища, устроилъ въ немъ рекреаціонный залъ, а для учителя, завѣдующаго училищемъ, пристроилъ къ его тѣсной квартирѣ комнату. На обширномъ, вымощенномъ дворѣ разведенъ небольшой садъ, отдѣленный отъ двора рѣшетчатымъ заборомъ. Вообще, во всей внѣшней обстановкѣ II-го приходскаго училища, снабженнаго множествомъ учебныхъ пособій, видна нарочитая заботливость попечителя.

Что особенно благопріятно для начальнаго образованія въ г. Ельцѣ, такъ это то, что названные нами попечители начальныхъ училищъ въ то-же время вліятельные гласные городской думы. Поэтому можно надѣяться, что имъ, во главѣ съ Н. И. Петровымъ, удастся преодолѣть матеріальныя препятствія но открытію городскаго училища.

С. Б.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Д. Сиповскій. Къ вопросу о школьной дисциплинѣ. С.-Петербургъ. 1891 года. Цѣна 15 коп.

Вопросъ о томъ, что надо понимать подъ школьной дисциплиной, до сихъ поръ еще не выяснился съ достаточной опредѣленностью. Каждый, призванный волею или неволею участвовать въ дѣлѣ воспитанія подростающаго поколѣнія, понимаетъ этотъ вопросъ по своему и въ большинствѣ случаевъ трактуетъ его въ сторону, ничего общаго съ воспитаніемъ не имѣющую. Съ этимъ согласится всякій, кто знакомъ съ жизнью нашей школы. Вотъ почему намъ кажется, что брошюра г. Сиповскаго является какъ нельзя болѣе кстати. Мы прочитали ее съ большимъ удовольствіемъ и смѣло можемъ рекомендовать ее для руководства учителямъ и воспитателямъ не только молодымъ, только что вступающимъ на трудную и отвѣтственную дорогу воспитанія юношества, но и лицамъ, уже давно работающимъ на этомъ поприщѣ, хотя все-таки еще не уяснившимъ себѣ понятія о дисциплинѣ.

Въ большинствѣ случаевъ дисциплина разсматривается у насъ, какъ нѣчто самостоятельное въ дѣлѣ воспитанія, пожалуй, какъ элементъ воспитанія; многіе же идутъ дальше и видятъ въ ней цѣль воспитанія: воспитывать, по ихъ мнѣнію, значитъ дисциплинировать въ самомъ узкомъ значеніи этого слова. Между тѣмъ, то, что у насъ обыкновенно понимается подъ дисциплиной, должно являться результатомъ воспитанія. Юноша, правильно воспитанный, будетъ въ силу этого уже и дисциплинированнымъ.

«Дисциплина, взятая отдѣльно отъ воспитанія, говоритъ авторъ, практикуемая, какъ нѣчто самостоятельное, является нерѣдко нелѣпымъ насиліемъ надъ дѣтской натурой, и не только не ведетъ къ желаемой цѣли, но *вредитъ* дѣлу правильнаго воспитанія и сопровождается печальными жертвами».

Дисциплина, разсматриваемая отдѣльно отъ воспитанія и не являющаяся слѣдствіемъ его, неминуемо принуждена основываться исключительно на одной, въ высшей степени нежелательной, сторонѣ воспитанія, именно—страхѣ наказанія. При наличности послѣдняго только и возможно выполненіе учениками всѣхъ тѣхъ параграфовъ всевозможныхъ инструкцій, которыми осаждаютъ обыкновенно каждаго новичка, только что переступившаго школьный порогъ.

«Дисциплинарныя требованія, несообразныя съ дѣтской натурой и силами (они такими бываютъ очень часто), болѣе всего ведутъ къ тому, что между наставниками и учениками образуется пропасть, и они обращаются какъ-бы въ два враждебные лагеря. Явленіе это, какъ извѣстно, почти обычное въ школѣ».

При наличности-же такихъ явленій едва-ли можетъ быть и рѣчь о какомъ-бы то ни было воспитаніи. Наконецъ, дисциплина, основанная на страхѣ наказанія, является въ большинствѣ случаевъ только кажущеюся. «Попробуйте въ школѣ съ прекрасной будто-бы дисциплиной, основанной на страхѣ, предоставить воспитанниковъ самимъ себѣ, и вы увидите, что вся дисциплина ушла изъ школы вмѣстѣ съ надзирателями, стоящими на стражѣ ея. Она была лишь пріятнымъ миражемъ, или, вѣрнѣе, самообманомъ».

Причину многихъ неурядицъ и печальныхъ явленій въ школьной жизни авторъ прямо видитъ въ той розни, которая образуется между учащими и учащимися, представляющими, какъ сказано выше, два враждебные лагеря, ведущіе между собою безпрерывную и, порою, жестокую борьбу. На вопросъ: что-же дѣлать? какъ помочь бѣдѣ? авторъ отвѣчаетъ такъ:

«Прежде всего слѣдуетъ проникнуться вполнѣ сознаніемъ важности серьезнаго воспитанія, и понять, что дисциплина, взятая отдѣльно отъ него, не только не можетъ его замѣнить, но прямо вредитъ воспитательнымъ цѣлямъ». И далѣе: «Дисциплина прямо требуетъ отъ дѣтей того, въ чемъ воспитаніе видитъ лишь одну изъ своихъ конечныхъ цѣлей, и потому, взятая отдѣльно отъ воспитанія, можетъ лишь мѣшать ему».

Подраздѣляя школьную дисциплину вообще на классную и внѣклассную, авторъ устанавливаетъ то, въ высшей степени вѣрное положеніе, что классная дисциплина должна основываться исключительно на активномъ вниманіи учащихся и, такимъ образомъ, послѣднюю онъ ставитъ въ прямую зависимость отъ содержанія уроковъ и метода преподаванія. «Если содержаніе урока само по себѣ заключаетъ внутренній интересъ и соотвѣтствуетъ силамъ учащихся, если препода-

ваніе ведется такъ, что вносится наглядность, разнообразіе и вызывается самодѣятельность учащихся и, наконецъ, если учитель, владѣя вполнѣ своимъ предметомъ, относится къ урокамъ своимъ съ живымъ интересомъ, къ дѣтямъ доброжелателенъ и справедливъ, то не придется жаловаться на недостатокъ вниманія и прилежанія учениковъ, не придется и заботиться о поведеніи ихъ».

Мы не можемъ не согласиться съ авторомъ, что все это необходимо имѣть въ виду, прежде чѣмъ думать о дисциплинѣ и приступать къ дѣтямъ съ дисциплинарными взысканіями, которыя очень, очень часто являются возмутительною несправедливостью, дѣйствующею самымъ вреднымъ образомъ на нравственность воспитанниковъ.

Говоря о жизни воспитанниковъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, авторъ требуетъ для нихъ здоровыхъ эстетическихъ удовольствій и физическаго труда, отсутствіе которыхъ влечетъ за собою скуку—эту главную виновницу многихъ проступковъ противъ дисциплины. Со стороны-же воспитателей онъ требуетъ самой теплой и искренней любви, живаго соприкосновенія души наставника съ душою воспитанника, потому что: «страхъ для души ребенка то-же, что холодъ для растенія: онъ мѣшаетъ ей правильно раскрыть свои свойства, разцвѣсти полнымъ цвѣтомъ, онъ душитъ ее».

Брошюра изобилуетъ многими иллюстраціями и примѣрами изъ школьной жизни и воспоминаній самого автора. Мы еще разъ смѣло рекомендуемъ ее не только какъ необходимую принадлежность каждой учительской библіотеки, но и какъ настольную книгу для всякаго учителя, добросовѣстно относящагося къ своей дѣятельности. По своей цѣнѣ (15 к.) брошюра доступна каждому. **Н. Т—въ.**

Дѣтскій сборникъ. Изд. В. Лесевича.—Очерки и разсказы для дѣтей старшаго возраста. Ц. 2 р.

Сборникъ заключаетъ въ себѣ статьи научныя и беллетристическія. Статей съ научнымъ содержаніемъ три: «Морскія и прѣсноводныя животныя» доктора зоологіи А. М. Никольскаго, «Падающіе звѣзды и метеориты» В. К. Агафонова и «Адамовъ Пикъ», переводъ статьи Эрнеста Геккеля. Всѣ три статьи, какъ видитъ читатель, не имѣютъ между собою никакой общей связи, но, взятыя сами по себѣ, онѣ интересны по содержанію и хорошо изложены. Означенныя статьи, однако, разсчитаны на такое знакомство съ естествовѣдѣніемъ, которое трудно встрѣтить въ дѣтяхъ, хотя-бы и старшаго возраста. Такъ, напр., въ статьѣ «Адамовъ Пикъ» предполагается

извѣстнымъ законъ подбора Дарвина; въ статьѣ доктора Никольскаго степень солености озерной воды опредѣляется градусами по солемѣру, безъ всякихъ поясненій о способѣ измѣренія. Самая интересная изъ названныхъ статей—«Адамовъ Пикъ». Въ ней живо и картинно описываются красоты природы острова Цейлона, его флора и фауна; передаются занимательныя легенды и религіозныя преданія, напр., о томъ углубленіи на вершинѣ горы, которое различныя народности чтутъ, какъ святыню, принимая это углубленіе—одни за слѣдъ Адама, другіе—Будды или Сивы и даже Александра Македонскаго. Статья заканчивается описаніями восхожденія автора на гору, знаменитаго храма Будды, стоящаго на ея вершинѣ, и обрядовъ поклоненія священному слѣду. Очеркъ доктора Никольскаго даетъ много любопытныхъ подробностей изъ жизни обитателей морей и прѣсныхъ водъ; въ особенности интересны описанія тѣхъ измѣненій въ организмѣ этихъ животныхъ, которыя происходятъ вслѣдствіе измѣненія степени солености обитаемыхъ ими водъ. Нѣсколько суховата, несмотря на полубеллетристическую форму, статья «Падающія звѣзды», заключающая въ себѣ мѣстами утомительныя для юныхъ читателей подробности при описаніи различныхъ метеоритовъ.

Что касается до беллетристическаго отдѣла, то онъ въ цѣломъ врядъ-ли удовлетворитъ тѣхъ читателей, которымъ придутся по вкусу научныя статьи, приноровленныя скорѣе для юношества, чѣмъ для дѣтей. Читатели, которымъ доступны такія серьезныя статьи, едва-ли заинтересуются сказкою «Никита и его дочери»—пересказъ въ стихахъ, принадлежащій покойному В. И. Водовозову, извѣстной народной сказки о трехъ сестрахъ, вышедшихъ замужъ за солнце, вѣтеръ и грозу. Сказка эта болѣе подходитъ для чтенія дѣтямъ младшаго возраста. Такъ-же мало пригодны для старшаго возраста блѣдные и мало содержательные разсказы: «Въ Березкѣ и подъ березкой» и г-жи Юліи Безродной, «Барбосъ въ роли героя»,—пересказъ извѣстнаго анекдота о львѣ, жившемъ въ дружбѣ съ пущенной въ его клѣтку собакой. Ради большаго интереса, въ данномъ пересказѣ собаку отдаетъ на съѣденіе льву ея хозяинъ, бѣдный крестьянинъ, рѣшившійся разстаться съ вѣрнымъ сторожемъ, чтобы на вырученные за него гроши купить семьѣ хлѣба во время голодовки. Но отъ этой вставки разсказъ не выигрываетъ въ силѣ впечатлѣнія.

Лучшій изъ разсказовъ—«Въ деревнѣ на Рождество» А. Н. Анненской. Написанъ онъ чрезвычайно тепло, жизненно и затрагиваетъ вполнѣ современную тему. Миша Флоровъ,—гимназистъ третьяго класса московской гимназіи,—передъ праздникомъ Рождества въ боль-

шомъ волненіи и негодованіи: его отецъ, зажиточный помѣщикъ, всегда баловавшій любимаго сына, прислалъ ему денегъ въ обрѣзъ, такъ что самолюбивому мальчику приходится даже отказаться отъ участія въ складчинѣ для поднесенія альбома любимому учителю, покидающему гимназію,—складчинѣ, которую онъ первый пропагандировалъ съ такимъ жаромъ. Скупость отца возмущаетъ Мишу, онъ стыдится ѣхать въ 3-мъ классѣ, отказывать себѣ въ необходимыхъ, по его мнѣнію, удобствахъ и собирается серьезно объясниться съ отцомъ по этому поводу. Но, пріѣхавъ въ деревню, онъ видитъ, какъ мелки его волненія и интересы въ сравненіи съ общимъ несчастіемъ. Во всей окрестности голодъ, и хотя бѣдствіе не коснулось прямо семьи помѣщика, каждый членъ ея, даже младшая сестра Миши, на которую онъ, въ качествѣ гимназиста третьяго класса, привыкъ смотрѣть свысока, видя лицомъ къ лицу общее несчастіе, отказываютъ себѣ во всемъ. Миша, занятый въ городѣ своими маленькими дѣлишками и волненіями, въ этотъ короткій срокъ праздниковъ научается многому, чего не могъ пріобрѣсти въ гимназіи: онъ проникается глубокимъ уваженіемъ къ отцу и ко всей семьѣ своей, научается понимать горе и радости окружающихъ его простыхъ людей, въ сравненіи съ которыми его собственныя тревоги кажутся ему уже мелкими и ничтожными. Онъ начинаетъ стыдиться своихъ прежнихъ барскихъ замашекъ.

Изъ другихъ беллетристическихъ статей, обращаетъ на себя вниманіе очеркъ «Дѣтство и юность Томаса Скиннера». Герой этого очерка чрезвычайно напоминаетъ собою героевъ Жюля Верна и Купера. Пятнадцатилѣтній мальчикъ совершаетъ необыкновенные подвиги: убиваетъ великана-слона, начальствуетъ надъ отрядомъ цейлонскихъ карабинеровъ, переходитъ черезъ горы и пропасти, организуетъ во время оспенной эпидеміи медицинскую помощь и т. д. Однимъ словомъ, не будь эта статья отрывкомъ изъ автобіографіи, автора можно было-бы упрекнуть въ слишкомъ широкой фантазіи. Нельзя не пожалѣть, что этотъ отрывокъ выхваченъ изъ средины и не рисуетъ ни семейной обстановки, ни условій, въ которыхъ могъ развиться настолько необыкновенный юноша, ни дальнѣйшей его дѣятельности. Вслѣдствіе этой отрывочности подвиги Скиннера становятся еще необъяснимѣе, и разсказъ теряетъ значеніе, которое могъ-бы имѣть, будь онъ полнѣе, законченнѣе.

Остальныя статьи, не представляя изъ себя ничего выдающагося, даютъ болѣе или менѣе интересный и разнообразный матеріалъ для чтенія.

Въ общемъ, сборникъ производитъ хорошее впечатлѣніе и можетъ принести дѣтямъ и пользу, и удовольствіе. Единственный недостатокъ его—отсутствіе плана въ подборѣ статей и неприноровленность ихъ къ какому-либо опредѣленному возрасту.

Издана книга прекрасно, такъ что цѣна ея—2 рубля въ роскошномъ и изящномъ переплетѣ—вовсе невысока.

«Сынъ гетмана». Историческая повѣсть для юношества О. И. Роговой. Съ рисунками Бакста. Изданіе Девріена. С.-Петербургъ 1891 г. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Повѣсть г-жи Роговой принадлежитъ къ тѣмъ книгамъ, по поводу которыхъ поговорить слѣдуетъ, но о которыхъ говорить много не приходится, такъ какъ все въ ней, начиная съ печати и картинъ и кончая самымъ содержаніемъ повѣсти, является совершенно обыкновеннымъ, зауряднымъ.

Весь интересъ повѣсти сосредоточивается на молодомъ сынѣ Богдана Хмельницкаго, Тимошѣ, который является на сцену живымъ, своевольнымъ, но великодушнымъ мальчикомъ, затѣмъ грознымъ и храбрымъ воиномъ. Еще мальчикомъ Тимошъ участвуетъ и въ походахъ запорожцевъ при Сулимѣ, и въ движеніи гайдамаковъ при Павлюкѣ; умѣетъ постоять за себя, когда молодой Вишневецкій обращается съ нимъ, какъ съ холопомъ, умѣетъ и простить обиду, когда видитъ врага въ бѣдѣ. Юношей Тимошъ увлекается дочерью молдавскаго господаря Локсандрой, и разсказомъ о борьбѣ его за возлюбленную наполнена чуть не вся книга, при чемъ Тимошъ, какъ истинный рыцарь, спасаетъ свою княжну отъ медвѣдя, оказываетъ чудеса храбрости на полѣ битвы и пріобрѣтаетъ любовь молдаванскаго народа, не смотря на то, что въ одинъ изъ походовъ своихъ раззоряетъ всю молдаванскую землю и самыя Яссы обращаетъ въ развалины.

Добывая себѣ невѣсту у высокомѣрнаго гордаго господаря Лупула, Тимошъ три раза ходитъ походомъ въ Молдавію: первый разъ онъ является на помощь Лупулу въ борьбѣ его съ волошскимъ княземъ Матвѣемъ, и тутъ, увлекшись княжною, начинаетъ свое сватовство, но не получаетъ никакого положительнаго отвѣта; второй разъ онъ съ цѣлыми полчищами татаръ раззоряетъ Молдавію и силой добивается у господаря обѣщанія выдать за него Локсандру; черезъ два года, наконецъ, разбиваетъ союзниковъ молдаванъ—поляковъ — подъ Батогомъ и съ сильнымъ войскомъ подходитъ къ границѣ Молдавіи. Но тутъ испуганный Лупулъ спѣшитъ отдать за него дочь, и дѣло

кончается свадьбой. Не кончаются, однако, походы Тимоша на Молдавію. Онъ еще разъ спѣшитъ на выручку тестя, сверженнаго съ престола, и умираетъ отъ раны вдали отъ родины, отца и любимой жены.

Читается повѣсть легко, написана хорошимъ языкомъ и вообще въ ней есть все, чтобы сдѣлать ее интересной, даже завлекательной для молодыхъ читателей. Есть въ книгѣ много и комическихъ, и трагическихъ моментовъ, которые расположены очень искусно, очень обдуманно.

Но, читая эту легкую, ловко составленную повѣсть, минутами даже увлекаясь ею, невольно чувствуешь ея искусственность, и является вопросъ: *историческая-ли это повѣсть и что можно назвать повѣстью исторической?*

Историческій моментъ, взятый въ повѣсти г-жи Роговой, является однимъ изъ тѣхъ моментовъ исторіи, въ которыхъ дѣйствуютъ не отдѣльныя личности, а цѣлый народъ: это время народнаго возстанія малороссовъ противъ поляковъ. Въ такіе историческіе моменты общее движеніе охватываетъ всю народную массу, воодушевляетъ каждаго отдѣльнаго человѣка и *общее* не можетъ не отражаться въ частной жизни, во всѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ людей.

Задачею исторической повѣсти, особенно исторической повѣсти для юношества, и является освѣщеніе такого общаго настроенія, при чемъ требуется умѣнье передать общее душевное движеніе массъ, отражающееся въ частной жизни выбранныхъ авторомъ героевъ. Авторъ можетъ правильно или неправильно понять и передать мотивы такого движенія, можетъ такъ или иначе освѣтить общую идею,—все это зависитъ отъ личныхъ его взглядовъ, отъ общаго его развитія. Съ взглядами автора можно не соглашаться, можно противъ нихъ спорить, но все-таки такая повѣсть будетъ историческою и можетъ служить «иллюстраціею исторіи», какъ говоритъ Рачинскій.

Если-же въ повѣсти нѣтъ передачи и освѣщенія общаго историческаго движенія, то, не смотря на всѣ исторически вѣрныя подробности, ее нельзя назвать историческою, и такою именно является повѣсть г-жи Роговой.

Въ ней есть историческія имена, есть историческія подробности, есть даже передача нѣкоторыхъ несомнѣнно вѣрныхъ историческихъ фактовъ, но нѣтъ никакого одушевленія, никакого огонька, никакого освѣщенія совершающихся событій.

Есть въ повѣсти разсказъ о первомъ взятіи крѣпости Кодака, описывается походъ на буджаковъ, походъ на Лубны, упоминается о казни Сулимы и Павлюка, являются на сцену несомнѣнно историческія

личности, каковы и самъ Хмельницкій, и Сулима, Ганжа и Скиданъ; но во имя чего они дѣйствуютъ, что ихъ одушевляетъ — неизвѣстно. Они всѣ и выведены какъ будто только для того, чтобы въ ихъ обществѣ дать Тимошу возможность совершить положенное ему число подвиговъ.

Есть въ повѣсти разсказъ о призывѣ Богдана Хмельницкаго, въ числѣ другихъ старшинъ, къ королю въ 1646 году. Это тотъ знаменательный въ исторіи Малороссіи и Польши моментъ, когда казаки впервые были признаны полноправными въ глазахъ поляковъ, когда они сами, а особенно выдающіеся изъ нихъ (каковъ несомнѣнно былъ Богданъ Хмельницкій), должны были сознать свою силу и значеніе, когда взаимныя отношенія двухъ родственныхъ, но вѣчно враждебныхъ народовъ сказались съ особенною силою, и что-же? Въ повѣсти только вскользь упоминается, что королевскій канцлеръ Оссолинскій заискивалъ въ то время въ казакахъ, что «панъ канцлеръ со своими итальянцами, какъ вьюнъ вьется», а зачѣмъ, почему, какое значеніе имѣетъ все это—объ этомъ и намека нѣтъ. Самый разсказъ о пріемѣ Хмельницкаго въ домѣ Оссолинскаго приведенъ, кажется, только для того, чтобы разсказать о турнирѣ, на которомъ Тимошъ остается побѣдителемъ и плѣняетъ сердце Локсандры. А далѣе, во время сватовства и походовъ Тимоша на Молдавію, нѣтъ и намека и напоминанія о народномъ движеніи, охватившемъ тогда всю Малороссію. Въ одномъ только мѣстѣ, на стр. 191-й, сказано: «Тяжелую годину переживала Украйна. Хмельницкому было не до Молдавіи, да и Тимошъ за бѣдствіями родины не то что позабылъ невѣсту, но какъ-то отодвинулъ ее въ болѣе глубокій уголокъ сердца», также упоминается кратко о пораженія подъ Берестечкомъ, и ничего болѣе...

Исключеніе представляетъ только сцена чрезвычайной рады, въ которой Богданъ Хмельницкій выпрашиваетъ у казаковъ войско на помощь сыну, оставшемуся какъ-бы въ плѣну у поляковъ. Эта сцена, исполненная драматизма (стр. 281--282), одна только и передаетъ и общественное настроеніе, и общее движеніе массъ.

Но одна сцена не можетъ измѣнить общаго характера разсказа и, признавая всѣ достоинства повѣсти г-жи Роговой, нельзя не сказать, что считать ее историческою нѣтъ достаточныхъ основаній.

Какъ я была маленькой. Изъ воспоминаній ранняго дѣтства В. П. Желиховской. С.-Петербургъ. 1891 г. Изданіе Девріена. Цѣна 1 р.

Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» авторъ рисуетъ жизнь богатой дворянской семьи въ эпоху сороковыхъ годовъ. Не смотря, однако, на

то, что воспоминанія касаются исключительно семейной жизни, книга г-жи Желиховской читается съ интересомъ.

Интересны и характерны личности бабушки автора (извѣстной въ свое время Е. П. Фадѣевой), старушки няни,—типичной русской няни добраго стараго времени, и нѣкоторыя другія; но особенно интересно и, мѣстами, очень живо изображено, какъ отражалась окружающая жизнь въ сознаніи автора въ его дѣтскіе годы.

Обыкновенно воспоминанія дѣтства очень нравятся дѣтямъ; дѣти съ большимъ интересомъ слушаютъ и разсказы взрослыхъ о своемъ дѣтствѣ, и читаютъ книги, въ которыхъ передаются взрослыми воспоминанія дѣтства. И этотъ родъ дѣтской литературы имѣетъ хорошее воспитательное значеніе. Рисуя жизнь болѣе непосредственно,—такою, какою она отражалась въ дѣтской душѣ, изображая мысли и чувства, близкія къ переживаемымъ самими дѣтьми, воспоминанія становятся тѣмъ доступнѣе ребенку и чтеніе ихъ тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на него, заставляетъ его больше вдумываться въ собственныя мысли и чувства, пріучаетъ къ самонаблюденію.

Разумѣется, такое воспитательное значеніе произведеніе можетъ имѣть только при томъ условіи, если оно умно и живо написано. И этому условію разбираемое произведеніе г-жи Желиховской удовлетворяетъ почти вполнѣ. Книгѣ ея можно сдѣлать единственный упрекъ за нѣкоторую растянутость изложенія; во всѣхъ-же другихъ отношеніяхъ это книга хорошая, вполнѣ доступная для дѣтей (лѣтъ 10—12), интересная, полезная и литературно написанная.

Практическій краткій учебникъ латинскаго синтаксиса съ упражненіями для переводовъ съ русскаго языка на латинскій для III, IV, V и VI классовъ гимназіи согласно съ новыми учебными программами (1890 г.). Составилъ И. Виноградовъ. Спб. 1891 г.

Программы 20 іюля 1890 года поставили преподавателей латинскаго языка лицомъ къ лицу съ цѣлымъ рядомъ требованій, выполненіе которыхъ до сихъ поръ было обставлено затрудненіями разнообразнаго свойства. Главное изъ нихъ коренилось въ отсутствіи такого руководства, которое стояло-бы на высотѣ требованій «программъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ было-бы пригодно главнымъ образомъ для *учениковъ*. Такой пробѣлъ въ нашей учебной литературѣ, обусловленной, впрочемъ, незначительной давностью реформы, не могъ не отразиться на преподаваніи латинскаго языка. Едва-ли мы не будемъ близки къ истинѣ, если скажемъ, что во всемъ томъ, что касается

постановки преподаванія латинской грамматики въ гимназіи, колебанія, неровности, нѣкоторая растерянность и разбросанность составляютъ характерныя черты истекшаго учебнаго года. Всякій преподаватель, одушевленный благими намѣреніями и искреннею любовью къ дѣлу, не могъ не испытывать чаще, чѣмъ когда-бы то ни было прежде, чувства недовольства собой и нѣкоторой неудовлетворенности. И дѣйствительно, кто изъ преподавателей латинскаго языка, даже обладающій солидными познаніями и долголѣтнею опытностью, положа руку на сердце, не сознается, что въ теченіе «предшествовавшаго года» ему нерѣдко приходилось переживать мучительное настроеніе человѣка, отъ одного берега отставшаго и къ другому неприставшаго... Отсутствовали въ преподаваніи спокойствіе, твердость, неуклонность. Никогда прежде не замѣчалось такого разнообразія и часто даже противорѣчій въ методическихъ и дидактическихъ пріемахъ. При такомъ отсутствіи цѣльности и единства въ преподаваніи, мудрено было помышлять о полномъ осуществленіи желаній, высказанныхъ въ «Объяснительной запискѣ». Въ оживленныхъ на эту тему бесѣдахъ преподавателей часто слышались жалобы на печальное и безпомощное положеніе учениковъ среди безбрежнаго моря «сборниковъ», «упражненій», «матеріаловъ для перевода», — этихъ хранителей преданій недавняго «экстемпоральнаго деспотизма». И въ самомъ дѣлѣ, какъ мало, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, отвѣчаютъ современнымъ требованіямъ такія книги, какъ сухой и устарѣлый «Гааке», формальный и тяжелый «Менге» и этотъ, прямо скажемъ, тиранъ русскаго языка — «Зюпфле». Такимъ образомъ, рѣзко обозначилась потребность въ такомъ трудѣ, который содѣйствовалъ-бы разрѣшенію назрѣвшихъ вопросовъ. Понятно поэтому то чувство живѣйшаго любопытства и удовольствія, съ которымъ мы привѣтствовали появленіе книги, подавшей поводъ къ настоящей замѣткѣ. Трудъ этотъ, при ближайшемъ съ нимъ ознакомленіи, обнаруживаетъ въ авторѣ солидное знаніе дѣла и рѣдкую добросовѣстность.

Въ сравнительно небольшой книгѣ (290 стр. крупной печати, изъ нихъ 160 стр. отведены упражненію) изложены въ полномъ объемѣ тѣ свѣдѣнія, которыя обезпечиваютъ ученику вполнѣ удовлетворительное знакомство съ латинскимъ синтаксисомъ и на усвоеніе которыхъ до сего времени требовалось отъ 3 до 4 отдѣльныхъ книгъ: 1) учебникъ синтаксиса, 2) книга упражненій для 3-го класса Реймана, 3-я часть. Сига и т. п. 3) 1-я и 2-я части Зюпфле для остальныхъ классовъ.

Какъ выборъ, такъ и распредѣленіе матеріала характеризуются

строгою обдуманностью и чувствомъ мѣры и свидѣтельствуютъ о ясномъ пониманіи авторомъ своей задачи. Редакція правилъ, удачное различеніе болѣе важнаго отъ менѣе важнаго и постепенность въ упражненіяхъ обнаруживаютъ дидактическій тактъ и педагогическое чутье автора. Книга состоитъ изъ двухъ частей. Первая содержитъ въ себѣ синтаксисъ простого предложенія, вторая—сложнаго съ обычными и необходимыми дополнительными главами о метрикѣ и о римскомъ календарѣ. Каждая часть, въ свою очередь, распадается на два отдѣла: теоретическій и практическій. Строгое примѣненіе къ новымъ «программамъ» въ теоретической части выразилось прежде всего въ опущеніи огромнаго количества такихъ подробностей, которыя составляютъ $^3/_5$ содержанія *большихъ* грамматикъ. Примѣчанія эти, какъ извѣстно, не достигаютъ цѣли, заключая въ себѣ указанія на такія тонкости и случаи, которые въ читаемыхъ въ гимназіи писателяхъ или вовсе не встрѣчаются, или-же попадаются очень рѣдко. Стало быть, разъ изученіе грамматики разсматривается не какъ цѣль, а какъ средство, усвоеніе такихъ тонкостей путемъ теоретическимъ будетъ равносильно безплодной тратѣ времени, напрасному обремененію памяти учащихся и отвлеченію ихъ вниманія отъ существеннаго. Такія подробности лучше всего запоминаются при классномъ чтеніи того или другого древняго писателя. Съ другой стороны, автору удалось обойти противоположную крайность. Мы имѣемъ въ виду ту излишнюю сжатость и краткость такъ-называемыхъ «сокращенныхъ» грамматикъ, которая часто переходитъ въ неясность и конспективность, съ явнымъ ущербомъ для дѣла. Учебникъ, при всей своей краткости, ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть конспектомъ. Самое различіе понятій «учебникъ» и «конспектъ» и назначеніе того и другого рекомендуетъ большую осторожность при составленіи краткаго учебника, требуя отъ составителя въ этомъ случаѣ большой чуткости. Устраненіе этихъ крайностей, повторяемъ, слѣдуетъ поставить въ число положительныхъ и крупныхъ достоинствъ разбираемой книги. Главная-же заслуга автора заключается въ построеніи теоретической части книги на началахъ сравнительнаго метода, строго выдержаннаго и до конца проведеннаго. Этотъ методъ примѣненъ въ области языковъ—изучаемаго и родного. Русскому языку отведено въ книгѣ широкое мѣсто. Благодаря безпрерывнымъ сопоставленіямъ, рельефнѣе выступаютъ тождество, сходство и различіе обоихъ языковъ и нагляднѣе выясняются свойства не только латинскаго языка, но въ значительной степени и русскаго. Такимъ образомъ, и съ этой стороны автору удалось осуществить желанія, высказанныя въ томъ

мѣстѣ «Объяснительной записки», гдѣ говорится о роли русскаго языка въ преподаваніи грамматики древнихъ языковъ. Намъ приходится высказать сожалѣніе по поводу отсутствія въ книгѣ г. Виноградова статей объ употребленіи важнѣйшихъ предлоговъ и мѣстоименій. Пополненіе этого пробѣла въ слѣдующемъ изданіи мы считаемъ весьма желательнымъ и цѣлесообразнымъ, въ виду того, что ученику I-го и даже II-го классовъ едва-ли доступно отчетливое пониманіе разнообразныхъ значеній и оттѣнковъ, придаваемыхъ рѣчи нѣкоторыми предлогами и мѣстоименіями. Поэтому, возвращеніе къ нимъ въ концѣ курса III-го класса является дѣломъ весьма полезнымъ. Необходимо, хотя-бы въ сжатомъ видѣ изложить значеніе и употребленіе важнѣйшихъ мѣстоименій и предлоговъ, основательное усвоеніе которыхъ столь существенно при изученіи латинскаго языка. Что касается отсутствія статьи объ «обстоятельствѣ времени, мѣста, пространства»», то въ этомъ случаѣ мы вполнѣ присоединяемся къ взгляду автора, признавшаго, очевидно, излишнимъ выдѣленіе «обстоятельствъ» въ особую, *дополнительную* къ ученію о падежахъ, главу. Къ чему въ самомъ дѣлѣ намѣренно создавать слабую и искусственную связь тамъ, гдѣ она сама по себѣ представляется прочною и естественною? До тѣхъ поръ, пока обстоятельственная часть предложенія выражена какимъ-нибудь падежомъ склоняемаго слова, ее *безусловно необходимо* разсматривать одновременно и въ связи съ другими свойствами того-же падежа,—этого требуетъ цѣльность представленія. Отъ этого «*нововведенія*» книга только выиграла. Переходя къ ученію о глаголѣ, изложенному вообще со свойственною автору толковостью, мы укажемъ на желательныя, по нашему мнѣнію, сокращенія въ двухъ мѣстахъ, а именно: 1) въ консекут. предлож. (въ статьѣ о consecut. temporum) и 2) въ статьѣ о conj. въ главныхъ предложеніяхъ. Для полнаго уразумѣнія *кажущихся* здѣсь нарушеній (въ консек. пред.) законовъ, касающихся consec., tempor. вполнѣ достаточно указать на отсутствіе зависимости времени сказуемаго консекутивнаго предложенія отъ времени сказуемаго главнаго предложенія; отсутствіе это, очевидно, является естественнымъ результатомъ крайне слабой *логической* взаимной зависимости такихъ предложеній. Три-четыре примѣра вполнѣ удовлетворительно иллюстрируютъ и подтверждаютъ это соображеніе. Conj. въ главныхъ предложеніяхъ, выражающее разнообразные оттѣнки мысли и тонкіе изгибы душевныхъ движеній, и, поэтому, свойственное почти исключительно ораторской рѣчи, eo ipso теряетъ право на обширное мѣсто и подробное толкованіе въ «практическомъ» гимназическомъ синтаксисѣ, имѣю-

щемъ въ виду, главнымъ образомъ, повѣствовательную рѣчь. Такимъ образомъ, сжатость въ этомъ случаѣ вполнѣ умѣстна. Сверхъ того, весьма полезно, по нашему убѣжденію, предпослать этой главѣ общую характеристику конъюктива и указаніе на существенное различіе между Conj. praes. и perfect. (Conj. I) съ одной стороны и Conj. imperf. и plusquamperf. (Conj. II)—съ другой. Этимъ путемъ сразу значительно облегчается пониманіе всего отдѣла и прочнѣе запечатлѣваются въ памяти отдѣльные случаи.

Этими замѣчаніями и исчерпываются указанія на желательныя дополненія и поправки. Указанные недочеты малочисленны и второстепенной важности и при томъ до такой степени перевѣшиваются положительными достоинствами книги, что едва-ли въ состояніи умалить серьезное значеніе всего труда г. Виноградова. Фразы латинскія, превосходно иллюстрирующія грамматическій матеріалъ и заимствованныя преимущественно изъ читаемыхъ въ гимназіи писателей-историковъ, исподволь ознакомляютъ съ духомъ и своеобразною манерою латинской рѣчи и служатъ такимъ образомъ немалой подготовкой и подспорьемъ къ чтенію авторовъ, особенно для учениковъ третьяго класса. Отдѣлъ Упражненій представляетъ собою рядъ фразъ, написанныхъ легкимъ, яснымъ и точнымъ языкомъ. По содержанію и характеру своему, онѣ замѣтно выдѣляются отсутствіемъ той сухости, искусственности и выдуманности, которыми грѣшитъ большинство подобныхъ сборниковъ. Авторъ, очевидно, не мало потрудился надъ тѣмъ, чтобы этой части своего труда придать возможно больше разнообразія и даже нѣкоторое оживленіе, и, надо сознаться, результаты въ этомъ отношеніи достигнуты весьма почтенные. По расположенію своему, каждый § «Упражненій» представляетъ строго систематическій рядъ, дающій возможность примѣнить всѣ сколько-нибудь важныя синтаксическія правила, съ соблюденіемъ постепенности въ переходѣ отъ наиболѣе простыхъ случаевъ къ довольно сложнымъ. При этомъ нельзя не отмѣтить похвальной рѣшимости автора удалить изъ отдѣла «Упражненій» всѣ нарочито «трудныя» фразы, т.-е. такія, которыя представляютъ собой умышленное нагроможденіе возможно большаго количества синтаксическихъ отступленій и тонкостей, чаще всего затемняющихъ смыслъ и немилосердно нарушающихъ основные законы русскаго языка. Распутать эти хитросплетенія — подъ силу только наиболѣе способнымъ ученикамъ; примѣненная-же къ массѣ учениковъ, такая головоломная гимнастика приводитъ чаще всего къ отрицательнымъ результатамъ. Большимъ мужествомъ долженъ былъ обладать авторъ, рѣшившійся на такое новаторство: вѣдь этимъ облегченнымъ

характеромъ своихъ «Упражненій» онъ рисковалъ вызвать противъ себя неудовольствіе и порицаніе со стороны всѣхъ закоренѣлыхъ поборниковъ «экстемпоральной» системы. А такихъ поборниковъ еще не мало... Но на чьей сторонѣ будетъ правда, пусть судитъ всякій, кому дорого дѣло нашего классическаго образованія.

Въ концѣ каждаго § «Упражненій» помѣщенъ вокабуларій, скорѣе достигающій цѣли, нежели помѣщенный въ концѣ книги неудобный и по большей части неполный русско-латинскій словарь.

Сдѣланныя замѣчанія, полагаемъ, выяснили крупныя достоинства книги г. Виноградова. Отличныя ея качества несомнѣнно обезпечиваютъ ей широкое распространеніе, котораго она вполнѣ заслуживаетъ и котораго мы ей отъ души желаемъ. **М. Р—нъ.**

Михайловъ, И. Репетиціонный географическій атласъ, состоящій изъ 12 картинъ. С.-Петербургъ. Цѣна 25 к. 1892.

Подъ именемъ репетиціонныхъ картъ въ германской педагогической литературѣ уже давно извѣстны нѣмыя карты, на которыхъ рельефъ или совершенно отсутствуетъ, или выраженъ несравненно слабѣе. Впрочемъ, степень подробности этихъ картъ довольно разнообразна. Нѣкоторыя представляютъ только контуръ береговъ и географическую сѣть (напр., г. Sidow, Orographischer-Atlas), на другихъ напечатаны рѣки и границы (напр., Adler, Neuer Hand - Atlas zum Einzeichnen), на третьихъ, сверхъ того, нанесены направленія горъ и города (G. A. von Klöden, Repetitions Karten). Назначеніе репетиціонныхъ картъ очевидно изъ самаго названія. Помощью ихъ можно производить нѣмыя географическія репетиціи, пополняя карты недостающими географическими элементами или только подписывая названія на полныхъ картахъ. Сверхъ того, эти карты могутъ быть употребляемы и при разработкѣ новаго учебнаго матеріала во время уроковъ, причемъ всякое новое названіе подыскивается въ атласѣ и чертится на картѣ или обозначается словами, если репетиціонная карта содержитъ всѣ картографическіе элементы. Въ послѣдніе два года появилось нѣсколько изданій репетиціонныхъ картъ (Васильева, Соколова и друг.), что, по нашему мнѣнію, обозначаетъ поворотъ отъ прежней, оффиціально господствовавшей, картографической системы преподаванія географіи въ русской школѣ къ новой, основанной на употребленіи репетиціонныхъ картъ. Не пускаясь въ подробный разборъ прежней системы, мы замѣтимъ только, что она нигдѣ не могла быть проведена раціонально и во всей полнотѣ, почему и признана

оффиціально неудобной. Появленіе репетиціоннаго атласа г. Михайлова представляетъ подтвержденіе сказаннаго нами объ измѣненіи у насъ системы преподаванія географіи. До сихъ поръ г. Михайловъ издавалъ географическіе чертежи, которые служили образцами классного черченія какъ для преподавателей, такъ и для учениковъ. Эти чертежи представляли неправильные контуры, обобщеніе которыхъ далеко не соотвѣтствовало самому масштабу, и произвольно упрощенныя проэкціи географическихъ сѣтокъ, не имѣющія научнаго основанія. Вновь вышедшій репетиціонный атласъ является, можно сказать, образцомъ правильности и изящества въ исполненіи. Всѣ карты этого атласа печатаны синей краскою и имѣютъ обыкновенныя, общепринятыя проэкціи сѣтокъ, а слегка утолщенные контуры чрезвычайно рѣзки и отчетливы. Весь атласъ состоитъ изъ 12-ти листовъ и можетъ быть, по роду картъ, раздѣленъ на два отдѣла. Одинъ отдѣлъ, состоящій изъ 8-ми картъ, содержитъ сѣтку, контуры и рѣки, а другой, заключающій 4 остальныя карты,—только сѣтку и контуры береговъ. Въ первомъ отдѣлѣ заключаются слѣдующія карты: 1) Азія; 2) Африка; 3) Сѣверная Америка съ небольшою боковою карточкой канадскихъ озеръ; 4) Южная Америка и Австралія на одномъ листѣ; 5) Общая карта Европы; 6) Юго-западная Европа; 7) Средняя Европа (Германія, Австрія и Швейцарія) и 8) Европейская Россія, на которой, кромѣ вышеупомянутыхъ картографическихъ элементовъ, нанесены и границы губерній. Второй отдѣлъ картъ заключаетъ только Азію, Африку, Европу и Россію. Такой выборъ картъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ курса нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для которыхъ рекомендованы репетиціонныя карты Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Недостаетъ карты плоскошарія для приготовительнаго курса, а также внѣ-европейскихъ частей Россіи. Карта Европейской Россіи должна, по нашему мнѣнію, быть бо́льшаго размѣра, такъ какъ Россія проходится гораздо подробнѣе другихъ государствъ и при нанесеніи всѣхъ городовъ на картѣ малыхъ размѣровъ можетъ произойти запутанность и пестрота. Балканскій полуостровъ, представляющій довольно сложный рельефъ поверхности и границы пяти отдѣльныхъ государствъ, также требуетъ отдѣльной карты. Что касается до картъ другого отдѣла, представляющихъ только сѣтку и очеркъ береговъ, то, для успѣшнаго распространенія атласа въ школахъ, эти карты должны находиться въ такомъ-же выборѣ и числѣ, какъ и карты перваго отдѣла, такъ какъ оффиціально рекомендовано употребленіе сѣтокъ съ контурами береговъ. Равнымъ образомъ, желая возможно обширнаго распространенія прекрасныхъ картъ

г. Михайлова, мы посовѣтовали-бы ему пустить въ продажу отдѣльныя карты, такъ-какъ онѣ должны входить въ употребленіе постепенно, по мѣрѣ прохожденія географическаго курса. Атласъ, купленный въ началѣ курса, едва-ли можетъ сохраниться въ цѣлости два или три года. **А. Соколовъ.**

Русско-славянская азбука для начальныхъ училищъ и домашняго обученія, въ 6 частяхъ, А. Анастасіева. М. 1891. Ц. 30 к.

Авторъ этой азбуки какъ-то замѣтилъ про «Новую Азбуку» Толстого, что «дѣти, учась по этой азбукѣ, легче и тверже овладѣваютъ техникой чтенія, чему способствуетъ, во-1-хъ, качество матеріала статей, составленнаго примѣнительно къ условіямъ послѣдовательнаго осложненія словъ въ звуковомъ и буквенномъ отношеніяхъ и совершенно доступнаго по своему содержанію для самаго ограниченнаго пониманія и развитія, и, во-2-хъ, внѣшнія достоинства печати, начинающейся крупнымъ шрифтомъ и постепенно переходящей въ форму наиболѣе распространеннаго». Азбука самого г. Анастасіева въ еще большей степени отвѣчаетъ этимъ требованіямъ въ своей I-й части. Во 2-ой подобраны несложныя статейки въ болѣе или менѣе общепринятомъ порядкѣ, въ обычномъ нынѣ духѣ, т.-е. съ устраненіемъ всего, касающагося, такъ сказать, природовѣдѣнія. Въ 3-й части («церковно-славянская грамота») дается даже уже черезчуръ обширный матеріалъ. Къ изученію славянскаго языка рекомендуется приступать тотчасъже, какъ только будутъ пройдены всѣ звуки русской азбуки. 4-я часть заключаетъ въ себѣ «письмо», обученіе которому ведется отдѣльно отъ обученія чтенію. 5-я часть содержитъ «начальные уроки правописанія». Нѣкоторые параграфы (напр., 2, 3) тутъ изложены не совсѣмъ удачно для подобнаго учебника. Въ шестой части дается наставленіе: «какъ учить по этой азбукѣ». «Составитель азбуки, читаемъ у г. Анастасіева, старался о томъ, чтобы каждый грамотный человѣкъ могъ учить по ней другихъ безъ затрудненій и *по какому-бы то ни было способу*». Это не малое удобство. Рисунковъ въ книгѣ совсѣмъ нѣтъ, о чемъ нельзя не пожалѣть. Въ статьяхъ для чтенія пріятнѣе было-бы видѣть поменьше морализированія. Вообще-же «Русско-славянская азбука» г. Анастасіева составлена весьма дѣльно и добросовѣстно и нельзя не пожелать этому руководству широкаго распространенія въ нашихъ начальныхъ школахъ.

А. Н.

А. Гусевъ. Практическое руководство къ употребленію знаковъ препинанія. Изданіе Думнова. Москва 1891 г. Цѣна 20 коп.

Пунктуація еще труднѣе, нежели всякія другія, такъ сказать, ороографическія явленія, поддается строгимъ рамкамъ, такъ какъ въ самомъ способѣ разстановки знаковъ неизбѣжно сказывается личность самого пишущаго. Однако, и въ этой области имѣются свои болѣе или менѣе общепринятыя правила, съ которыми учащіеся могутъ довольно легко познакомиться, пользуясь существующими уже грамматиками и учебными пособіями. У г. Гусева примѣры подобраны очень недурно; правила тѣ-же, что и въ обычныхъ учебникахъ, а потому крайней нужды въ руководствахъ, подобныхъ руководству г. Гусева, не ощущается.

А. Н.

Обозрѣніе педагогическихъ журналовъ, иностранныхъ и русскихъ.

Journal des Instituteurs (34-e année). Paris. Le gerant Paul Dupaut. Rue Bouloi 4. Обзоръ 14-ти нумеровъ, отъ 3-го мая до 2-го августа 1891 г.

Manuel Général de l'instruction primaire (58-e année). On s'abonne à Paris, chez M. M. Hachette et C—ie. Le gerant Templier.

Крайне дешевый по своей подписной цѣнѣ (6 фр. 50 сант. въ годъ), «Journal des Instituteurs» выходитъ еженедѣльно въ видѣ тоненькихъ книжекъ, состоящихъ всего изъ двадцати страницъ каждая, довольно убористаго, впрочемъ, шрифта. Полное заглавіе его, въ переводѣ, а именно: «Журналъ преподавателей начальныхъ мужскихъ и женскихъ школъ, классовъ для взрослыхъ и материнскихъ школъ (écoles maternelles)», уже указываетъ на тотъ кругъ читателей, интересамъ которыхъ должна удовлетворять редакція.

При первомъ-же ознакомленіи съ общимъ характеромъ журнала легко сразу убѣдиться въ томъ, что онъ не имѣетъ цѣлью разбирать теоретическіе вопросы педагогики, а ограничивается болѣе узкою сферой профессіональныхъ и практическихъ интересовъ учительскаго сословія. Въ этомъ отношеніи «Journal des Instituteurs» весьма сходенъ съ «Manuel Général», рѣчь о которомъ будетъ ниже.

Содержаніе каждаго нумера «Журнала преподавателей» распадается на слѣдующіе три отдѣла: 1) оффиціальныхъ извѣстій, 2) корреспонденцій или, вѣрнѣе, отвѣтовъ редакціи на вопросы подписчиковъ о разныхъ интересующихъ ихъ предметахъ и 3) отдѣлъ литературы и педагогики. Оффиціальный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ новѣйшія правительственныя распоряженія, имѣющія отношеніе къ организаціи начальныхъ школъ и положенію ихъ учителей; обыкновенно этотъ отдѣлъ состоитъ изъ министерскихъ распоряженій, изъ сообщеній объ открывающихся вакансіяхъ на учительскія мѣста и

о назначеніяхъ на должности. Во время раздачи наградъ, присуждаемыхъ учителямъ, учительницамъ и другимъ лицамъ, завѣдующимъ начальными школами, въ оффиціальномъ отдѣлѣ журнала всегда помѣщается подробный списокъ всѣхъ награжденныхъ. Въ этомъ-же отдѣлѣ встрѣчаются иногда условія конкурсныхъ требованій для лицъ, желающихъ занять какую-либо изъ освободившихся преподавательскихъ должностей. Встрѣчаются также свѣдѣнія для желающихъ конкуррировать и на другихъ поприщахъ; такъ, напр., въ нумерѣ отъ 5-го іюля приведены программы тѣхъ свѣдѣній по земледѣлію, какимъ должны удовлетворять книги, пригодныя въ качествѣ руководствъ при преподаваніи этого предмета въ начальныхъ школахъ.

Что касается отдѣла корреспонденцій, то въ немъ ярче всего выражается то утилитарное направленіе журнала, которое составляетъ его самую характерную черту. Содержаніе этого отдѣла указываетъ на то, что редакція въ нѣкоторыхъ случаяхъ играетъ роль справочнаго бюро для учителей по самымъ разнороднымъ вопросамъ, точную классификацію которыхъ трудно установить: одни изъ нихъ касаются практическихъ сторонъ жизни, другіе—умственныхъ интересовъ. Въ числѣ отвѣтовъ на вопросы практическаго характера встрѣчаются указанія на то, какъ должно поступать учителю въ случаѣ, если его отпускъ просроченъ, въ какомъ вѣдомствѣ находится та или другая учительская должность, гдѣ можно получить нужную программу или книгу и т. д. Иногда отвѣты редакціи на подобные вопросы носятъ характеръ совѣтовъ; такъ, напр., какому-то учителю, обозначившему себя иниціалами M. F., редакція отвѣчаетъ слѣдующее: «Мы не можемъ вамъ посовѣтовать вести борьбу съ вашимъ инспекторомъ. Увѣрены-ли вы, что онъ, дѣйствительно, виноватъ? Пришлите намъ болѣе точныя подробности, нежели тѣ, которыя вы намъ дали. Будьте спокойны; вѣроятно, здѣсь кроется какое-нибудь недоразумѣніе». Кромѣ свѣдѣній, касающихся служебныхъ отношеній учителей, въ отвѣтахъ редакціи очень часто встрѣчаются различныя указанія по пчеловодству, причемъ редакція или сама указываетъ, что необходимо для надлежащаго веденія этого дѣла, или называетъ брошюры и руководства, въ которыхъ можно найти всѣ нужныя указанія. Нѣкоторые отвѣты редакціи указываютъ на тѣ условія, при которыхъ пчелы даютъ больше меда и какое вліяніе имѣютъ они на плодовыя деревья, какіе пріемы существуютъ для лучшаго ухода за пчельниками и т. д. Почти во всѣхъ весеннихъ и лѣтнихъ нумерахъ журнала встрѣчаются отвѣты на вопросы относительно примѣненія стенографіи къ курсу первоначальнаго образованія. Оказывается, что во многихъ началь-

ныхъ школахъ Франціи первоначальное обученіе грамотѣ ведется посредствомъ стенографическихъ знаковъ, т.-е. сначала выучиваютъ дѣтей изображать на бумагѣ условными знаками только фонетическій составъ словъ, а затѣмъ уже знакомятъ ихъ съ существующимъ алфавитомъ, заставляя стенографическое письмо замѣнять буквеннымъ, что служитъ упражненіемъ для усвоенія орѳографическихъ правилъ. Какъ видно изъ многочисленныхъ указаній «Журнала преподавателей», этотъ способъ обученія имѣетъ во Франціи не мало сторонниковъ, заботящихся о его распространеніи; съ этой цѣлью существуетъ нѣсколько стенографическихъ обществъ, издается даже спеціальный журналъ: «Téléphone des écoliers stenographes» (см. нумеръ «Журн. препод.» отъ 7-го іюля, отдѣлъ корресп.). Кромѣ того, имѣется еще два общепедагогическихъ журнала: «L'education nationale» и «Journal de l'enseignement primaire», которые также относятся очень сочувственно къ указанному способу обученія. Вопросъ объ обученіи стенографіи, такъ часто затрагиваемый въ отдѣлѣ корреспонденцій, очевидно, побудилъ редакцію дать болѣе подробную статью объ этомъ предметѣ: начиная съ 31-го мая, въ нѣсколькихъ нумерахъ «Журнала преподавателей» помѣщенъ разборъ одной педагогической монографіи, изданной во время выставки 1889 г. и носящей заглавіе: «Стенографія въ приложеніи къ первоначальному образованію».

За отдѣломъ оффиціальныхъ извѣстій и корреспонденцій слѣдуетъ небольшая хроника французскихъ и иностранныхъ политическихъ событій за истекшую недѣлю.

Самымъ большимъ, по числу занимаемыхъ имъ страницъ, является отдѣлъ, носящій названіе «литература и педагогика». Онъ заключаетъ въ себѣ: 1) научное и иностранное обозрѣнія, 2) матеріалы для уроковъ въ различныхъ классахъ начальныхъ школъ, загадки, стихи и шарады для рекреаціоннаго времяпровожденія и 3) статьи по различнымъ вопросамъ, большею частью отвѣчающимъ вопросамъ отдѣла корреспонденцій. Въ нѣкоторыхъ нумерахъ къ этому отдѣлу присоединяется еще библіографія. Научная хроника, въ строгомъ смыслѣ слова, не отвѣчаетъ своему названію: она состоитъ изъ краткихъ описаній какихъ-либо новыхъ изобрѣтеній или изслѣдованій, часто даже въ ней просто сообщаются извѣстія о проектируемыхъ желѣзныхъ дорогахъ, о новыхъ усовершенствованіяхъ въ какой-либо отрасли техники и тому подобныя свѣдѣнія, которыя, при сжатомъ изложеніи ихъ, имѣютъ скорѣе значеніе курьеза, нежели научнаго сообщенія. Въ числѣ извѣстій этого отдѣла встрѣчаются и такія, которыя касаются прямо интересовъ начальныхъ школъ; такъ, напр.,

въ научномъ обозрѣніи, помѣщенномъ въ нумерѣ отъ 14-го іюня 1891 г., приведены результаты изслѣдованій надъ ростомъ и здоровьемъ дѣтей одного изъ округовъ Парижа, за время ихъ пребыванія въ загородной колоніи, основанной управленіемъ города для лѣтнихъ вакацій учениковъ и ученицъ городскихъ школъ. Иностранное обозрѣніе журнала очень часто заключаетъ въ себѣ только статистическія данныя по начальному образованію какъ въ европейскихъ государствахъ, такъ и въ другихъ частяхъ свѣта.

Что касается фактическихъ свѣдѣній о ходѣ первоначальнаго образованія въ самой Франціи, то въ этомъ отношеніи «Журналъ преподавателей» изобилуетъ множествомъ данныхъ, такъ какъ въ немъ помѣщаются не только темы экзаменаціонныхъ испытаній въ начальныхъ школахъ, но и образцы тѣхъ объясненій и работъ, которыя входятъ въ обычный кругъ школьныхъ занятій. Въ каждомъ нумерѣ журнала предлагаются, отдѣльно для каждаго возраста, задачи, диктовки, образцы для грамматическихъ разборовъ и готовыя темы для уроковъ по географіи и исторіи.

Такимъ образомъ, главное значеніе «Журнала преподавателей» заключается, во-первыхъ, въ томъ, что онъ доставляетъ учителямъ начальныхъ школъ готовый матеріалъ для уроковъ; во-вторыхъ, сообщаетъ свѣдѣнія, касающіяся начальныхъ школъ не только Франціи, но и другихъ государствъ, во всѣхъ частяхъ свѣта, и, наконецъ, въ-третьихъ, предоставляетъ возможность обращаться въ редакцію за разрѣшеніемъ всякаго рода недоумѣній.

Подобнаго-же рода журналъ представляетъ собой и *Manuel Général de l'instruction primaire*, вмѣстѣ съ издаваемымъ при немъ дополненіемъ «Semaine scolaire». «Общее руководство по первоначальному образованію», такъ-же, какъ и «Журналъ преподавателей», появляется еженедѣльно, подписная цѣна на него—6 франковъ въ годъ безъ приложенія и 11 франковъ съ приложеніемъ. Объемъ нумеровъ почти одинаковъ съ первымъ изъ разсмотрѣнныхъ журналовъ, съ тою лишь разницей, что «Общее руководство» и «Школьная недѣля», отдѣльно взятыя, будутъ немного меньше «Журнала преподавателей», а въ общей сложности нѣсколько больше послѣдняго.

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе содержанія этого журнала, отмѣтимъ здѣсь только черты его сходства и различія съ «Журналомъ преподавателей». Главное его отличіе отъ этого послѣдняго заключается въ томъ, что онъ не имѣетъ постояннаго отдѣла хроники политическихъ событій и педагогическаго обозрѣнія иностранныхъ государствъ; точно также въ немъ нѣтъ спеціальнаго отдѣла

и для научной хроники, но за-то въ каждомъ нумерѣ его помѣщаются для учителей небольшіе разсказы беллетристическаго содержанія, или описаніе какого-нибудь путешествія. Что касается оффиціальныхъ извѣстій, матеріаловъ для классныхъ занятій и отдѣла корреспонденцій съ учителями, то въ этомъ отношеніи «Manuel Général» весьма сходенъ съ «Journal des Instituteurs». Сравнивая нѣкоторые изъ лѣтнихъ нумеровъ «Общаго руководства» (отъ 4-го іюля, 1-го и 8-го августа) съ соотвѣтствующими имъ по времени нумерами «Журнала преподавателей», можно, пожалуй, замѣтить въ первомъ изъ нихъ большее обиліе матеріаловъ, имѣющихъ прямое приложеніе къ практикѣ школьнаго дѣла. Такъ, напр., «Общее руководство» (№ отъ 4-го іюля 1891 г.) отводитъ на своихъ страницахъ мѣсто статьѣ, состоящей изъ сообщеній различныхъ учителей о тѣхъ пріемахъ, при помощи которыхъ они справляются съ трудностями классныхъ занятій и даютъ наилучшее примѣненіе находящимся въ школахъ учебнымъ пособіямъ. Въ двухъ нумерахъ «Semaine scolaire» отъ 1-го и 8-го августа 1891 г., помѣщено заявленіе отъ редакціи, что она, по примѣру прошлаго года, приготовила двѣ серіи упражненій, для учениковъ старшаго и средняго возрастовъ, съ цѣлью избавить (sic) учителей и учительницъ начальныхъ школъ отъ труда составлять самимъ планы уроковъ, задаваемыхъ ученикамъ на время лѣтнихъ каникулъ. Въ концѣ этого заявленія приложены условія, на которыхъ производится высылка каждаго листка такихъ упражненій Это заявленіе и вся та масса готоваго матеріала для уроковъ, которая дается обоими названными журналами, несомнѣнно указываетъ на значительную долю рутинности и малой подготовки французскихъ учителей начальныхъ школъ къ ихъ дѣятельности. **О. К.**

Учитель-лингвистъ. Журналъ для изученія шести языковъ. Изданіе 3-е. 1890 г. Редакторъ-издательница О. Максимова. Тотъ-же журналъ, курсъ 1-й, для незнающихъ и дѣтей, 1891 г.

Глядя на это изданіе, невольно припоминаешь извѣстное изреченіе «habent sua fata libelli», т.-е. «и книжки имѣютъ свою судьбу». Въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить, кому могъ принести пользу этотъ журналъ для изученія 6-ти языковъ (французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго, шведскаго и русскаго)! Мы, по крайней мѣрѣ, думаемъ, что журналъ г-жи Максимовой не научилъ никого ни одному изъ этихъ языковъ, если-же и могъ чему-нибудь научить, то во всякомъ случаѣ хуже, чѣмъ обычныя заурядныя руководства

и, намъ кажется, не потребуется много труда для доказательства справедливости нашего мнѣнія.

Журналъ начинается вступительной статьей редактора-издательницы: «To be or not to be», въ которой она излагаетъ свои взгляды на причины малаго знанія иностранныхъ языковъ, выносимаго русскими людьми изъ школы, и на недостатки существующихъ учебниковъ. На нашъ взглядъ, самыя разсужденія г-жи Максимовой до очевидности доказываютъ ея некомпетентность въ дѣлѣ, о которомъ она взялась говорить, и что, поэтому, приведя наиболѣе характерныя мѣста изъ этихъ разсужденій, мы тѣмъ самымъ могли-бы освободить себя отъ всякаго детальнаго разсмотрѣнія ихъ. «Языки, по своей легкости, говоритъ г-жа Максимова, едва-ли могутъ быть сравниваемы съ какимъ-либо другимъ предметомъ въ объемѣ гимназическаго курса; тѣ всѣ требуютъ или особыхъ способностей, какъ рисованіе, или чрезвычайной сообразительности, какъ математика, невозможнаго для ребенка и даже юноши, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, развитія, какъ исторія, или же идеальной памяти, необходимой для запоминанія множества отдѣльныхъ, не интересныхъ, не насущныхъ, ни съ чѣмъ не связанныхъ и потому трудно запоминаемыхъ названій, чиселъ и описаній, какъ географія». (Мы сохранили знаки препинанія подлинника). Стр. 1-я журнала.

Изъ этой тирады читатель прежде всего можетъ видѣть, что г-жѣ Максимовой слѣдовало-бы самой брать уроки русскаго языка, такъ какъ писать правильно по-русски она, очевидно, не умѣетъ. Но продолжаемъ выписку. «Въ новыхъ языкахъ нужно только то, что естественно каждому нормальному человѣку или, вѣрнѣе, не нужно ничего (что, конечно, зависитъ отъ умѣнья и опытности преподаванія) *); а при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ нужна только естественная память при нормальной сообразительности» (стр. 2). Несомнѣнно, что г-жа Максимова думаетъ, что «въ новыхъ языкахъ» не только при изученіи ихъ для себя, но даже и для преподаванія или составленія руководствъ «не нужно ничего». Въ самомъ дѣлѣ, 10-ю строками ниже мы читаемъ: «Напримѣръ, развѣ фраза: Орелъ поймалъ собаку и съѣлъ ее, не знакомитъ насъ на вѣки почти со всѣми качествами орла? Развѣ нужно видѣть орла воочію, измѣрить его величину, быстроту полета, изучить нравъ, чтобы понять и запомнить, что орелъ есть хищная птица, что онъ кровожаденъ и силенъ, быстро летаетъ (быстрѣе, чѣмъ бѣгаетъ собака) и пр.? Нѣтъ, самый

*) Замѣчаніе въ скобкахъ принадлежитъ г-жѣ Максимовой.

легкій намекъ на то, что такое орелъ, собака и пр. достаточенъ, чтобы всѣ эти предметы, со всѣми подробностями, остались навѣки въ памяти, благодаря ихъ взаимнымъ соотношеніямъ». Какой-же въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, имѣющій въ головѣ «что-нибудь», подумаетъ, что фраза, приводимая г-жей Максимовой, знакомитъ со всѣми качествами орла?

Г-жа Максимова съ крайнимъ пренебреженіемъ относится къ существующимъ учебникамъ иностранныхъ языковъ, а «*учебникъ*, говоритъ она, *есть, если такъ можно выразиться, карманныя способности ученика*» (№ 1, стр. 3). Несомнѣнно, г-жа Максимова, что такъ выразиться нельзя ни на одномъ изъ тѣхъ 6-ти языковъ, которымъ вы желаете обучать другихъ!.. Г-жѣ Максимовой чрезвычайно не нравится, что французскія буквы *c* и *g* называются *сэ* и *жэ*, а произносятся въ большинствѣ случаевъ *к* и *г;* послѣдствія такого факта (кстати, совсѣмъ не зависящаго отъ составителей учебниковъ, такъ какъ названія буквамъ давали не они) оказываются ужасны. «Автору, говоритъ г-жа Максимова, приходилось имѣть дѣло съ личностями, занимавшимися языкомъ (французскимъ) по 5—7 лѣтъ и изучившими всю грамматику, которыя, въ концѣ концовъ, признавались, что они никакъ не могутъ запомнить, когда *g* читается какъ *г* и на отвѣтъ: *всегда*,—широко раскрывали глаза отъ удивленія и сознавались, что «слона-то онѣ и не замѣтили». Намъ кажется, что это были наиболѣе подходящіе люди для изученія языковъ по системѣ г-жи Максимовой, т.-е. не имѣющіе «*ничего*». Г-жа Максимова думаетъ также, что «въ нашихъ учебникахъ нѣтъ ни одного яснаго примѣра на употребленіе временъ и ихъ соотвѣтствіе». А намъ кажется очень хорошею хотя-бы статья объ употребленіи временъ во II части Grammaire théorique et pratique Margot; точно также вполнѣ удовлетворительны объясненія употребленія временъ въ англійскомъ учебникѣ Нурока. Г-жа Максимова считаетъ не менѣе ужасными послѣдствія отъ перевода «plus-que-parfait» на русскій языкъ «давнопрошедшимъ» временемъ, выводя свое заключеніе, должно быть, изъ наблюденій все надъ тѣми-же молодыми людьми. «Ученики, по ея мнѣнію, затрудняются употребленіемъ его (plus-que-parfait), когда дѣло касается недавно прошедшаго времени». «Такихъ примѣровъ, продолжаетъ г-жа Максимова, безчисленное множество, и нужно предполагать, что на нихъ-то (т.-е. на примѣрахъ?) и основанъ весь неуспѣхъ изученія у насъ иностранныхъ языковъ—предмета въ сущности легкаго и *незатѣйливаго* (?)» (№ 2, стр. 131). Въ 3-мъ нумерѣ своего журнала г-жа Максимова критикуетъ извѣстный всѣмъ эле-

ментарный учебникъ Margot. Она находитъ, что этотъ учебникъ «сухъ, безпощаденъ и безмолвенъ» и прибавляетъ, что «плохой учебникъ, но просто и понятно изложенный, гораздо полезнѣе, чѣмъ остроумнѣйшее философское сочиненіе» (№ 3, стр. 226) Предоставляемъ самому читателю найти какой-нибудь смыслъ въ этомъ заявленіи. Вотъ что говоритъ г-жа Максимова о Марго. «Ученикъ открываетъ первую страницу и самое первое (?) встрѣчаетъ какія-то непонятныя ему слова, какъ: alphabet français, introduction, lettres minuscules и т. п. слова, значеніе которыхъ ему даже потомъ не суждено найти въ лексиконѣ этого учебника» (№ 3, стр. 227) Жаль, что г-жа Максимова не упрекнула Марго за то, что онъ еще раньше помѣстилъ къ книгѣ французское предисловіе, которое ученикъ, можетъ быть, то-же пожелалъ-бы прочесть. Г-жа Максимова думаетъ, что учитель, объясняя французскую азбуку, скажетъ ученикамъ только названія буквъ: «кромѣ названія (буквъ), увы, ему ничего не приходится узнавать и отъ учителя» (стр. 227). Точно также она воображаетъ, что всякій учитель, прежде чѣмъ перейти къ изученію словъ и предложеній § 1, заставляетъ учениковъ читать всѣ шесть страницъ упражненій въ чтеніи, на которыхъ собраны всѣ трудности французскаго произношенія. Намъ кажется, что всякій здравомыслящій учитель, объяснивъ ученикамъ азбуку, т.-е названія и основное произношеніе буквъ, прямо приступитъ къ чтенію параграфа 1-го, прочитывая сначала каждое слово самъ и заставляя затѣмъ каждаго изъ учениковъ класса прочитывать его. Если-же и есть учителя, поступающіе иначе, то учебникъ Марго тутъ не причемъ. Къ сожалѣнію, этимъ учебникомъ не всегда умѣютъ пользоваться, но ошибки учителей, конечно, совсѣмъ не тѣ, на которыя указываетъ г-жа Максимова. Чтобы закончить характеристику сужденій г-жи Максимовой и, полагаемъ, окончательно убѣдить читателя въ незнаніи ею даже русскаго языка, приведемъ заключеніе ея критическихъ статей объ учебникѣ Марго (№ 4, стр. 321). «Онъ (учебникъ) начинается серіей словъ, на которыхъ, какъ нужно-бы полагать, ученикъ и долженъ впервые примѣнить опытъ, вынесенный изъ предъидущихъ *уроковъ чтенія* (другую цѣль этихъ уроковъ трудно предположить). Но, увы, и тутъ онъ долженъ призывать или небо, или опытнаго учителя, въ помощники, ибо уже третье слово, третье французское слово, съ которымъ злая судьба-насмѣшница вздумала знакомить его бѣдную, буйную голову, читается такъ, что хоть бросай свои прошлыя, къ счастью неясныя, но съ такимъ трудомъ вынесенныя убѣжденія и итоги предъидущихъ 7 страницъ въ надеждѣ на *авось* въ будущемъ,—или, просто-на-просто, сжи-

гай корабли и плыви по теченію, что обыкновенно и случается и въ лучшемъ и въ худшемъ случаяхъ при подобныхъ учебникахъ, такъ какъ со страницы 1-й уже созидать не изъ чего, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ умѣнья читать *). Это роковое третье слово есть *fils*. Но что это за слово! Буква *l*, которая до сихъ поръ служила образцомъ безхитростности и прямоты, какъ по названію, такъ чтенію и письму,— она вдругъ не читается въ самой почти серединѣ слова, а *s*, это *s*, которое, какъ на зло, немножко какъ-бы залегло въ голову, хоть-бы тѣмъ, что оно похоже на восемь и не читается,—оно вдругъ произносится въ самомъ концѣ, тогда какъ дальше, въ восьмомъ словѣ, *est*, оно совсѣмъ не читается, въ срединѣ слова (тоже случай единственный въ своемъ родѣ)!». Комментаріи къ приведенной цитатѣ изъ журнала г-жи Максимовой, намъ кажется, совершенно излишни. Что-же касается упрека учебнику Марго въ томъ, что грамматическія примѣчанія написаны на французскомъ языкѣ, то вѣдь этотъ учебникъ предназначается для класснаго обученія съ учителемъ, и хотя въ томъ, что примѣчанія не переведены на русскій языкъ, есть нѣкоторое неудобство, но при умѣломъ пользованіи учебникомъ эти неудобства оказываются незначительными. Во всякомъ случаѣ, учебникъ Марго съ этимъ небольшимъ недостаткомъ много лучше хвалимыхъ г-жею Максимовой учебниковъ Игнатовича и Керковіуса.

Но какъ-же учитъ языкамъ сама г-жа Максимова? Очень просто. Пишетъ, напримѣръ, французскую азбуку и указываетъ произношеніе буквъ (названій буквъ она не даетъ — вотъ первое полезное отличіе ея метода), затѣмъ, еще на одной страничкѣ дополняетъ правила произношенія и сообщаетъ кратчайшія свѣдѣнія по грамматикѣ; далѣе идетъ прямо связный текстъ—сказки. Таковъ курсъ, предназначаемый «для дѣтей и для взрослыхъ не знающихъ языка». Между примѣчаніями встрѣчаются такія замѣчательныя вещи. Для слова *cercle* дана по русски транскрипція *серкл*, что, конечно, не вѣрно *(серклъ)*; слово *cela* по русски написано *сла*. Въ примѣчаніяхъ находимъ такія правила: «буквы *ill* или даже *il* при предшествующей буквой (буквѣ?) *a* читается какъ *ій*». А въ словахъ feuille, pareil, fille развѣ эти буквы *il* не имѣютъ того-же произношенія?

Далѣе мы встрѣчаемъ опять-таки принадлежащее собственно г-жѣ Максимовой правило, по которому во французскомъ языкѣ три падежа (родительный, дательный и творительный). Лаконично и довольно безтолково изложены правила: «к) множественное число выражается

*) Знаки препинанія подлинника.

окончаніемъ *s*, т) когда есть мѣстоименіе членъ не ставится». Сообщивъ, что во французскомъ языкѣ два члена и два рода, г-жа Максимова предлагаетъ начинающимъ переводить сказку, давая переводъ и произношеніе каждаго слова и сообщая необходимыя грамматическія разъясненія. Въ транскрипціи словъ мы встрѣчаемъ: «il y avait»—*ил и аве* (не лучше-ли было-бы *илъявэ?*), «la fille»—*фил*, «belle»—*бел*, «elle»—*ел*, «faire»—*фер*, «vielle»—*въеиль* и т. д. *)

Впрочемъ, изъ примѣчанія мы узнаемъ, что «чистота произношенія для многихъ не важна и не касается нашей (г-жи Максимовой) задачи» (№ 1, стр. 21). Примѣчаній къ цѣлой страницѣ текста всего пять—вотъ вамъ и весь первый урокъ для «незнающихъ и дѣтей». Но каковы самыя примѣчанія? Во-первыхъ, упомянутое уже заявленіе о неважности для учениковъ г-жи Максимовой чистоты произношенія, во-вторыхъ, уже приведенное выше правило о множественномъ числѣ, но выраженное въ дѣйствительномъ залогѣ: «окончаніе *s* обозначаетъ множественное число»; въ-третьихъ, въ пятомъ примѣчаніи мы читаемъ: «именительный и винительный падежи во французскомъ языкѣ одинаковы». Если г-жѣ Максимовой попадется ученикъ, не совсѣмъ лишенный памяти и сообразительности, онъ припомнитъ, что на предъидущей страницѣ читалъ, что во французскомъ языкѣ только три падежа: родительный, дательный и творительный. Далѣе, изъ текста разсказа г-жа Максимова составляетъ вопросы въ родѣ «qui avait deux filles? comment se nommait sa fille aînée?», а ученикъ обязанъ составить отвѣты, которые можетъ поправить по приложеннымъ въ концѣ книги отвѣтамъ г-жи Максимовой: «Une dame avait deux filles» и т. д. Въ концѣ-же книги онъ найдетъ связный переводъ сказки, сдѣланный довольно плохимъ русскимъ языкомъ. Такъ длится изученіе сказки весь годъ во всѣхъ 6-ти книжкахъ журнала... Самое большее, чему можно выучиться по журналу г-жи Максимовой, это переводу того или другаго разсказа на русскій языкъ и весьма плохому чтенію того-же разсказа, языку-же какому-нибудь выучиться никакъ нельзя. Во всякомъ случаѣ, по журналу «Учитель-лингвистъ» учиться безконечно хуже, чѣмъ по любому изъ сколько-нибудь сносныхъ, обыкновенныхъ, всѣмъ извѣстныхъ учебниковъ.

Просмотримъ немного дальше грамматическія примѣчанія г-жи

---

*) По нашему мнѣнію, эти слова надо было-бы написать по русски такъ: fille—фій, belle—бэль, elle—эль, fairs—фэръ, vieille — віеій или віей. См. Sachs-Villatte Wörterbuch der französichen und deutschen Sprache mit Angabe der Aussprache nach dem phonetischen System der Methode Toussaint-Langenscheidt. Berlin. 1890.

*

Максимовой. «*Comment* употребляется при вопросѣ, *comme*—безъ вопроса» (№ 1). «Постановка глагола, напримѣръ, êtes раньше подлежащаго (vous) показываетъ вопросительный оборотъ фразы». Прилагательныя, имѣющія въ мужескомъ родѣ *x*, въ женскомъ «получаютъ» *se* (№ 2). «Окончаніе *ais* (въ 1-мъ и 2-мъ лицѣ), *ait* (въ 3-мъ лицѣ) обозначаетъ прошедшее время глагола» — это все, что необходимо знать относительно спряженія глаголовъ *начинающимъ* учиться французскому языку при переводѣ 3-й страницы связнаго текста въ 3-мъ нумерѣ журнала.

Таковъ методъ г-жи Максимовой. Она упрекаетъ русскихъ учителей и русскіе учебники за переводъ *plus-que-parfait давно-прошедшимъ временемъ*, сама-же ограничивается названіемъ «прошедшаго» времени лишь одной изъ формъ, почему-то ей понравившейся, послѣ того, какъ ученикъ встрѣчалъ въ изучаемомъ текстѣ всевозможныя времена и наклоненія и даже употреблялъ ихъ самъ, если только составлялъ отвѣты къ вопросамъ г-жи Максимовой. Г-жа Максимова не даетъ спряженія не только правильныхъ глаголовъ, но даже и вспомогательныхъ глаголовъ. Однако, «начинающій» ученикъ въ № 5 журнала узнаетъ изъ примѣчанія, что «будущее время отличается отъ остальныхъ временъ (которыхъ онъ также не знаетъ!) тѣмъ, что въ его окончаніи есть всегда звукъ *r*: оно всегда оканчивается на *rai*, *ras*, *ra*, *rons*, *rez*, *ront*». Такимъ образомъ, встрѣчая форму *je demeurai*, ученикъ г-жи Максимовой въ правѣ принять ее за будущее время. Къ какимъ нелѣпостямъ приводитъ иногда «теорія на практикѣ!» *).

Отзывы г-жи Максимовой объ англійскихъ учебникахъ настолько-же неосновательны, какъ неосновательна и ея критика учебника Марго. Напр., она говоритъ: «открывъ любой учебникъ англійскаго языка, ученикъ найдетъ на первыхъ-же страницахъ, что буква *i* читается, какъ *ай*, *e* какъ *и*, *u* какъ *ю*, а дальше узнаетъ, что онѣ имѣютъ и другое произношеніе, но когда?—нѣкоторые учебники объясняютъ, ... другіе (Богъ знаетъ, къ счастію или несчастію ученика) лаконически говорятъ: иногда!» Мы не знаемъ, какіе учебники англійскаго языка имѣетъ въ виду г-жа Максимова, но въ извѣстномъ учебникѣ Нурока «къ счастію» для ученика случаи различнаго произношенія буквъ *i* и *e* объясняются; объясняется произношеніе этихъ буквъ и въ менѣе извѣстномъ учебникѣ Даніеля. Мы думаемъ, что и въ другихъ

---

*) Такъ называется учебникъ англійскаго языка, изданный г-жей Максимовой.

учебникахъ мы нашли-бы объясненія произношенія англійскихъ гласныхъ, если исключить литературу, порожденную невѣжествомъ публики и отсутствіемъ всякой скромности у авторовъ, — литературу, крупнымъ вкладомъ въ которую является и самый «Учитель-лингвистъ»... Г-жа Максимова весьма краснорѣчиво рисуетъ затрудненія ученика, знающаго, что буква *i* называется *ай*, а произносится въ большинствѣ случаевъ иначе, сравниваетъ его даже съ Александромъ Македонскимъ и готова признать вслѣдъ за этимъ ученикомъ, «что англійскія буквы читаются не такъ, какъ его учили, а *наоборотъ*» (№ 1). Какъ можно прочитать букву «наоборотъ»—остается тайной г-жи Максимовой. Кто это и когда училъ читать *i* всегда за *ай*— тоже остается неизвѣстнымъ. Произношеніе англійскихъ гласныхъ объяснено очень подробно во всякомъ мало-мальски порядочномъ учебникѣ, къ тому-же учитель, навѣрно, дополнитъ книгу и собственными разъясненіями. Къ кому-же относятся послѣ всего этого всѣ тирады г-жи Максимовой?.. До какой степени неправильны замѣчанія ея, читатель можетъ убѣдиться хотя-бы изъ того, что къ книгѣ Нурока въ концѣ приложенъ словарь, въ которомъ указано произношеніе каждаго слова. Есть, конечно, недостатки даже и въ лучшемъ и въ самомъ дѣлѣ прекрасномъ учебникѣ Нурока, но о нихъ г-жа Максимова, повидимому, понятія не имѣетъ. Мы не думаемъ, чтобы читателю нужно было такъ-же подробно доказывать недостатки англійской части «Учителя-лингвиста». Въ учебникѣ Нурока произношенію посвящено 12 стран., въ учебникѣ Даніеля—также 12 стран., въ учебникѣ англійскаго языка для французовъ Джорджа (Georg) произношеніе объясняется на 6-ти страницахъ *); у г-жи-же Максимовой алфавитъ, правила произношенія и основныя правила грамматики не занимаютъ даже и двухъ страницъ. Но по ея убѣжденію, даже ученикъ, не имѣющій «идеальной памяти, необходимой для исторіи, или чрезвычайныхъ способностей, необходимыхъ для занятій математикой»,—тѣмъ не менѣе съ помощью «Учителя-лингвиста» выучится англійскому языку... Между правилами произношенія есть опять такія, которыя принадлежатъ, какъ намъ кажется, исключительно г-жѣ Максимовой, но эти правила только роняютъ авторитетъ составительницы самоучителя. Напр., никто, вѣроятно, не говорилъ, что англійское *be* читается *бій* или что *far* читается *фаахр*. Въ элементарныхъ учебникахъ мы этого не видѣли; въ англо-русскомъ словарѣ Алексан-

*) Г-жа Максимова съ одинаковымъ пренебреженіемъ относится къ способамъ преподаванія новыхъ языковъ и за-границей.

дрова (который могъ-бы быть извѣстенъ г-жѣ Максимовой) находимъ произношеніе *би* и *фаръ*. Возьмемъ, наконецъ, выходящій съ этого года въ Берлинѣ словарь англійскаго языка для нѣмцевъ профессора Мурета (Muret),—словарь, который дѣлаетъ такую-же честь нѣмецкой наукѣ, какую ей дѣлаетъ параллельный ему словарь Заксъ-Виллятте (Sachs-Villate), (французско-нѣмецкій и нѣмецко-французскій словари по числу словъ, несомнѣнно, самые полные словари этихъ языковъ изъ существующихъ въ настоящее время). Профессоръ Муретъ звуку *e* въ англійскомъ словѣ *be* считаетъ соотвѣтствующимъ нѣмецкое *i* въ словѣ *ihn*; а кто-же изъ нѣмцевъ сказалъ-бы, что это слово читается *ійнъ*? У Мурета-же находимъ, что *a* въ словѣ *far* произносится подобно *a* въ нѣмецкомъ словѣ Vater... Послѣ двухъ страницъ, посвященныхъ произношенію англійскихъ буквъ и грамматикѣ, г-жа Максимова прямо опять переходитъ къ связному разсказу, прибавляя грамматическія объясненія въ самой микроскопической дозѣ и почти въ такомъ-же родѣ, какъ и указанныя нами примѣчанія къ французскому тексту. Такимъ-же образомъ ведется преподаваніе начинающимъ и остальныхъ языковъ: грамматикѣ и произношенію посвящено двѣ страницы, а затѣмъ идетъ прямо переводъ связнаго текста. Итальянская грамматика и произношеніе итальянскихъ буквъ занимаютъ четыре страницы. Въ лежащемъ передъ нами учебникѣ итальянскаго языка де-Виво подробно и толково объяснено произношеніе, а грамматика занимаетъ около 50-ти страницъ; затѣмъ помѣщены фразы для перевода, къ нимъ приложенъ ключъ для тѣхъ, кто занимается одинъ безъ учителя; въ переводахъ соблюдена извѣстная постепенность, позволяющая изучать правила грамматики по мѣрѣ надобности; далѣе, въ книгѣ два краткихъ словаря (съ русскаго и съ итальянскаго). Однимъ словомъ, вздумай кто-нибудь заниматься итальянскимъ языкомъ, съ книгой де-Виво онъ достигнетъ многаго, минимумъ—приготовится къ чтенію легчайшихъ итальянскихъ писателей,—конечно, съ помощью словаря. «Учитель-лингвистъ», разумѣется, никого никакому языку не научитъ, не напомнитъ самаго существеннаго и тѣмъ, которые уже кое-что знаютъ.

Есть у г-жи Максимовой также чтеніе и для взрослыхъ, изучающихъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Для нихъ то-же помѣщены разсказы, но для этихъ разсказовъ уже нѣтъ перевода на русскій языкъ, а есть только примѣчанія, болѣе или менѣе удачно поясняющія наиболѣе трудныя фразы и выраженія; словаря, конечно, нѣтъ, такъ что его надо купить, и это дѣлаетъ по крайней мѣрѣ на половину безполезными и самыя примѣчанія, въ которыхъ часто

просто переводятся отдѣльныя слова и такія нетрудныя выраженія, которыя всегда можно понять, имѣя въ рукахъ небольшой словарь. Во французскомъ разсказѣ для взрослыхъ «Pourquoi je ne sais pas l'anglais» описываются занятія одного француза съ англичанкой,— занятія, въ теченіе которыхъ французъ восхищается волосами, губками, щечками учительницы *), но, къ сожалѣнію, уроки прерываются пріѣздомъ родственника англичанки, за котораго та и выходитъ замужъ, нашъ-же герой съ горя уѣзжаетъ во Францію. Разсказъ, дѣйствительно, годенъ только для взрослыхъ, но не по одной лишь трудности встрѣчаемыхъ грамматич. формъ, и весьма возможно, что съ этой именно точки зрѣнія и раздѣлены разсказы для обученія французскому языку взрослыхъ отъ разсказовъ для дѣтей Но это еще не все, что имѣется въ журналѣ «Учитель-лингвистъ»! Въ немъ есть отдѣлъ «лингвистика и жизнь», «статьи научно-педагогическія» и библіографія. Отъ примѣровъ лингвистической науки г-жи Максимовой я читателя избавлю, но познакомлю его съ отдѣломъ, какого я не считалъ возможнымъ встрѣтить нигдѣ, кромѣ какъ въ «Осколкахъ» или «Стрекозѣ». Въ этомъ отдѣлѣ «лингвистическихъ анекдотовъ» мы находимъ, напр., такіе: «Лингвистическій діалогъ. — Какъ по твоему: la coeur (ла кёр) или le coeur (лё кёр)?—По моему правильнѣе — ликёръ»... (№ 3, стр. 238) или: «Забавный эпизодъ на судѣ. Въ Тираспольѣ въ послѣднюю сессію окружнаго суда, по словамъ «Московск. Вѣдом.», произошелъ забавный эпизодъ. Предсѣдательствующій допрашивалъ въ качествѣ свидѣтеля одного подгороднаго молдаванина. На всѣ вопросы молдаванинъ отвѣчалъ «нушти» (не понимаю). Послѣ допроса черезъ переводчика, молдаванинъ уже по русски заявилъ суду: «Прошу присудить мнѣ издержки». «Нушти», отвѣтилъ предсѣдательствующій» (№ 5, стр. 430).

Все вышесказанное, полагаю, съ очевидностью доказываетъ, что про журналъ г-жи Максимовой можно съ полнымъ основаніемъ сказать то-же, что она сама написала въ отдѣлѣ библіографіи (№ 3) про книгу г-жи Н. Шаверновской: «словомъ деньги, которыя взимаются за это руководство (мы скажемъ: за этотъ журналъ), будутъ прямо брошены въ печку, такъ какъ оно (онъ) безъ учителя не пригодно, а съ учителемъ и вовсе не нужно» (№ 3, стр. 236). **П. М.**

---

*) Anna avait levé son doigt, son doigt mignon en signe de menace, et aussitôt sa manche très-large en étoffe souple était retombée, laissant à nu son poignet fin d'un blanc rosé, marblé de mille petits réseaux bleus sous le quel on sentait courir le sang et tout l'avant-bras rond, potelé, frais comme la neige nouvelle et appelant les baisers... (№ 1, стр. 52) ...Les longues boucles d'Anna frôlaient mon visage и т. д.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Статистическія данныя о народномъ образованіи въ Россіи.

Въ концѣ 1890-го года Центральнымъ статистическимъ комитетомъ изданъ былъ новый выпускъ извѣстнаго «Сборника свѣдѣній по Россіи», въ которомъ среди массы цыфръ, обрисовывающихъ съ разныхъ сторонъ положеніе нашего отечества, есть любопытныя данныя и по народному образованію. Данныя эти, правда, не могутъ похвалиться новизною,—онѣ относятся къ 1886 г.,—но за отсутствіемъ другихъ, болѣе свѣжихъ, все-таки пригодны для того, чтобы служить для общихъ выводовъ и соображеній, такъ какъ у насъ народное образованіе нельзя сказать, чтобы шагало впередъ быстрыми шагами *). Вотъ почему мы намѣрены остановить на этихъ данныхъ вниманіе читателей.

I.

Начальное образованіе.

Въ 1886 г. населеніе Европейской Россіи безъ Царства Польскаго состояло изъ 85.395.200 душъ, народныхъ-же училищъ всѣхъ категорій, считая еврейскія и мухаммеданскія, находилось 39.003 съ 2.025.317 учащихся. Такимъ образомъ, одно училище приходилось на 2.179 человѣкъ, учащихся-же было 1 на 42 жителя.

Интересно распредѣленіе образованія по губерніямъ земскимъ и неземскимъ. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, населеніе составляло въ 1886 г. 62,4 милліона душъ; въ тѣхъ-же, гдѣ земскихъ учрежденій не существуетъ **), населеніе равнялось 20,6 милліонамъ, а

*) Въ настоящей статьѣ приводятся данныя относительно учащихся въ оффиціальныхъ школахъ, между тѣмъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи, въ особенности съ преобладающимъ раскольничьимъ населеніемъ, продолжаетъ практиковаться такъ называемое домашнее обученіе, которое ускользаетъ отъ собирателей оффиціальной школьной статистики, но которое до извѣстной степени слѣдовало-бы принимать въ разсчетъ при сужденіяхъ о степени распространенности грамотности въ нѣкоторыхъ районахъ, что, въ свою очередь, могло-бы повліять на порядокъ расположенія ихъ по указаннымъ степенямъ. *Ред.*

**) Въ данномъ случаѣ изъ числа неземскихъ губерній исключены, какъ находящіяся въ особыхъ условіяхъ, губерніи Прибалтійскаго края.

училищъ въ первыхъ находилось 25.381 съ 1.466.715 учащимися, во вторыхъ—10.411 съ 371.846 учащимися. Изъ этихъ данныхъ видно, что въ земскихъ губерніяхъ хотя численность школъ въ отношеніи къ населенію и меньше, за-то учащихся гораздо больше. Такъ, если въ неземскихъ губерніяхъ приходится по одной школѣ на 1.981 человѣка жителей, тогда какъ въ земскихъ—по одной на 2.460, то, съ другой стороны, въ губерніяхъ первой группы оказывается по одному учащемуся на 55 человѣкъ, а въ губерніяхъ второй—по одному на 42 человѣка. Такимъ образомъ, въ земскихъ губерніяхъ образованіе оказывается развитымъ значительно сильнѣе. То обстоятельство, что въ неземскихъ губерніяхъ, при большемъ числѣ школъ, учащихся меньше, обусловливается болѣе мелкими размѣрами въ этихъ губерніяхъ школъ сравнительно съ губерніями земскими. Въ неземскихъ губерніяхъ среднее число учащихся на школу 35 человѣкъ, въ земскихъ-же—57 человѣкъ.

Численность училищъ и учащихся по отдѣльнымъ районамъ *) представляетъ болѣе или менѣе значительныя отклоненія отъ приведенныхъ выше нормъ. Такъ, оказывается:

	Жителей въ тыс.	Школъ.	Учащ. об. пола.
Въ сѣверномъ районѣ.	5.796,3	2.896	140.583
» восточномъ »	8.953,2	3.499	180.721
» сред. промыш. »	11.864,3	5.651	305.800
» сред. черноземн. »	14.708,8	5.132	313.491
» нижневолжск. »	9.515,8	4.019	260.589
» малороссійск. »	7.306,7	2.148	134.660
» прибалтійск. »	2.318,5	3.212	186.756
» литовскомъ »	4.251,5	1.688	67.833
» бѣлорусскомъ »	4.358,7	2.175	63.286
» югозападномъ »	7.864,2	4.820	157.663
» южномъ »	8.457,3	3.763	218.890

Отсюда видно, что школъ всего болѣе въ Прибалтійскомъ краѣ (1 школа на 721 жителя). Противоположный полюсъ Прибалтійскому краю составляетъ Малороссія, въ которой одна школа приходится на 3.401 душъ населенія. Всѣ остальные районы Европейской Россіи занимаютъ промежуточныя ступени между этими крайними предѣлами, причемъ непосредственно за Прибалтійскимъ краемъ слѣдуетъ югозападный, хотя въ немъ учащихся меньше въ два съ половиною раза; затѣмъ идутъ районы: сѣ-

*) Соотвѣтственно общепринятому въ нашихъ статистическихъ работахъ дѣленію, районы взяты здѣсь слѣдующіе: 1) *сѣверный*: губерніи Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая, Псковская и Петербургская; 2) *восточный*: губерніи Вятская, Оренбургская, Пермская, Уфимская; 3) *средній промышленный*: Владимірская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Смоленская, Тверская, Ярославская; 4) *средній черноземный*: Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская и Тульская: 5) *малороссійскій*: Полтавская, Харьковская, Черниговская; 6) *прибалтійскій*: Курляндская, Лифляндская, Эстляндская; 7) *нижневолжскій*: Казанская, Симбирская, Саратовская, Самарская и Астраханская; 8) *литовскій*: Виленская, Гродненская, Ковенская; 9) *бѣлорусскій*: Витебская, Минская, Могилевская; 10) *югозападный*: Волынская, Кіевская, Подольская; 11) *южный:* Бессарабская, Екатеринославская, Донская область, Таврическая и Херсонская.

верный, бѣлорусскій, средній промышленный, южный нижневолжскій, средній черноземный, литовскій и восточный. Впрочемъ, число школъ еще не даетъ настоящаго понятія о распространеніи народнаго образованія. О степени этого распространенія болѣе правильное заключеніе можно сдѣлать только по сопоставленію числа жителей съ числомъ учащихся. Такое сопоставленіе покажетъ, что послѣ Прибалтійскаго края образованіе распространено всего сильнѣе въ нижневолжскомъ районѣ. Такъ, въ Прибалтійскомъ краѣ 1 учащійся приходится на 12 человѣкъ, въ нижневолжскомъ на 36, въ южномъ и среднемъ промышленномъ на 38, въ сѣверномъ на 41, въ среднемъ черноземномъ на 46, въ югозападномъ и восточномъ на 49, въ остальныхъ на 54—68. Многочисленность учащихся какъ въ Прибалтійскомъ краѣ, такъ и въ нижнемъ поволжьѣ объясняется значительностью въ этихъ районахъ лютеранскаго населенія, среди котораго обученіе вызывается потребностями религіи. У колонистовъ Самарской и Саратовской губерній обученіе дѣтей грамотѣ входитъ въ кругъ общественныхъ повинностей; обстоятельство это, по замѣчанію г. М. Раевскаго, при строгомъ выполненіи общественныхъ обязанностей въ нѣмецкой средѣ, служитъ причиной, что школы колонистовъ поражаютъ своей многолюдностью, чему во многомъ содѣйствуютъ также обширные размѣры колоній, особенно въ Саратовской губерніи. Въ самомъ неблагопріятномъ въ отношеніи образованія положеніи обрѣтаются районы бѣлорусскій (1 учащійся на 68 человѣкъ) и литовскій (1 на 62); малорусскій въ сравненіи съ послѣдними находится въ нѣсколько болѣе выгодныхъ условіяхъ (1 учащійся на 54 человѣка).

Не меньшій интересъ, чѣмъ численное отношеніе учащихся къ населенію, представляетъ численность ихъ въ отношеніи къ самымъ школамъ, другими словами—величина школъ. Въ среднемъ, въ Европейской Россіи на каждую школу приходится по 51 учащемуся. Но уклоненіе отъ этой средней нормы замѣчается уже при раздѣленіи губерній на двѣ группы—земскую и неземскую. Въ общемъ, какъ сказано выше, въ неземскихъ губерніяхъ школы мельче. Такъ, въ нихъ на одну школу приходится учащихся 35 человѣкъ, тогда какъ въ губерніяхъ неземскихъ—57. Еще значительнѣе колебанія учащихся по районамъ:

Районы.	Учащихся на 1 школу.
Сѣверный	48
Восточный	51
Средній промышленный	54
Средній черноземный	61
Нижневолжскій	64
Малороссійскій	62
Прибалтійскій	58
Литовскій	40
Бѣлорусскій	29
Юго-западный	32
Южный	58

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что наиболѣе крупными размѣрами отличаются школы нижневолжскія, малороссійскія, среднія черноземныя,

южныя и прибалтійскія; наименьшими—школы бѣлорусскія, югозападныя и литовскія, а середину между этими двумя группами занимаютъ школы среднепромышленнаго, восточнаго и сѣвернаго районовъ. Величина школъ въ каждомъ изъ названныхъ районовъ обусловливается, прежде всего, размѣрами поселеній. Нѣтъ надобности доказывать, что тамъ, гдѣ населеніе сосредоточилось, подъ вліяніемъ особыхъ условій мѣстности и историческихъ судебъ, въ мелкихъ поселкахъ,—тамъ не только не ощущается необходимости въ крупныхъ школахъ, но и устройство ихъ неудобно, точно такъ-же, какъ въ мѣстностяхъ съ крупными селеніями, наоборотъ, является потребность именно въ школахъ большихъ. Это подтверждается сопоставленіемъ статистическихъ данныхъ о размѣрахъ школъ съ данными о величинѣ самыхъ населенныхъ мѣстъ. Въ черноземныхъ, малороссійскихъ, южныхъ и нижневолжскихъ селеніяхъ обитатели издавна группировались въ крупныя поселенія. Къ этому ихъ побуждалъ какъ недостатокъ въ названныхъ мѣстахъ проточныхъ водъ, такъ и необходимость самозащиты отъ враговъ въ лицѣ татаръ, киргизовъ, калмыковъ, башкировъ и т. п. азіатовъ: ихъ поселенія еще въ прошломъ столѣтіи были порубежными, подвергавшимися частымъ нападеніемъ послѣднихъ. Не то приходится сказать про области литовскія и бѣлорусскія, гдѣ обиліе водъ располагало жителей къ селитьбѣ мелкими поселками столько-же, сколько и богатство ихъ родины дремучими лѣсами, защищавшими ихъ отъ нападенія враговъ. Этими причинами и объясняется тотъ фактъ, что въ районахъ малороссійскомъ, среднемъ черноземномъ, южномъ и нижневолжскомъ на одно населенное мѣсто приходится отъ 22,7 до 52 построекъ, тогда какъ въ Бѣлоруссіи лишь около 11,2, а въ Литвѣ и того меньше—8,5. Отсюда понятно, почему въ Бѣлоруссіи и Литвѣ школы характеризуются сравнительно малыми размѣрами, тогда какъ въ Малороссіи, среднечерноземной полосѣ, на югѣ Россіи и въ нижнемъ Поволжьѣ онѣ крупны. Особенныя условія, въ которыя былъ поставленъ Прибалтійскій край, способствовали тому, что въ этомъ краѣ училища отличаются многолюдствомъ, не смотря на ограниченные размѣры самыхъ населенныхъ мѣстъ, на каждое изъ которыхъ, при господствующей здѣсь мызной, фермерской системѣ хозяйства, приходится лишь 2,1 постройки.

Всѣ приведенныя данныя обнимаютъ низшія начальныя училища всѣхъ категорій, т.-е. собственно народныя школы, церковно-приходскія училища, еврейскіе хедеры и татарскіе мектеды и медрессе. Число школъ и учащихся распредѣлялось въ 1886 г. по отдѣльнымъ категоріямъ названныхъ учебныхъ заведеній такимъ образомъ:

Категоріи школъ.	Число школъ.	%	Число учащихся.	%
Низшія училища	25.854	66,3	1.647.888	81,4
Церковно-приходскія. . .	9.663	24,8	274.161	13,5
Мектеды и медрессе . . .	1.785	4,6	73.256	3,6
Хедеры	1.701	4,3	30.012	1,5
		100		100

Если число учащихся сопоставить съ числомъ школъ, то окажется, что наибольшимъ числомъ учащихся отличаются народныя школы (63 че

ловѣка на 1 школу), второе мѣсто занимаютъ татарскія училища (40 человѣкъ), третье—школы церковно-приходскія, а на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ еврейскія (17 человѣкъ).

Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ подробности относительно училищъ первой категоріи, потому что въ такомъ случаѣ пришлось-бы впасть въ повторенія, такъ какъ по громадному преобладанію школъ этого рода надъ всѣми прочими сдѣланные выше выводы на счетъ училищъ вообще относятся въ частности и къ нимъ; точно также не станемъ пускаться здѣсь и въ подробности относительно школъ церковно-приходскихъ, ибо имѣемъ въ виду посвятить имъ особую замѣтку. Но мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о малоизвѣстныхъ у насъ школахъ мухаммеданскихъ и еврейскихъ.

Еврейское и мусульманское населеніе распространено въ Европейской Россіи почти всюду. Знаменитая «черта еврейской осѣдлости» въ сущности давно уже нарушена, и евреи, судя по даннымъ о еврейскихъ молитвенныхъ домахъ, проживаютъ уже изъ 50 губерній Европейской Россіи въ 45-ти. Нѣсколько ограниченнѣе распространенность мусульманъ, но и онѣ встрѣчаются въ большей части губерній. Однако, какъ у евреевъ, такъ и у мухаммеданъ существуютъ опредѣленныя мѣстности, въ коихъ они главнымъ образомъ сосредоточиваются. Такъ, мусульманъ много въ губерніяхъ Уфимской, Таврической, Казанской, Оренбургской, Самарской, Пермской, Симбирской, Саратовской, Вятской, Пензенской, Астраханской и Нижегородской. Въ главныхъ центрахъ татарскаго населенія существуютъ и школы. Ихъ больше всего (611) въ Казанской губ., довольно много, хотя и гораздо меньше, чѣмъ въ Казанской, въ губерніяхъ Уфимской (265) и Таврической (270), гораздо менѣе въ Оренбургской (153), Самарской (119), Симбирской (114) и Вятской (111), еще менѣе въ Пермской (51), Астраханской (41) и Нижегородской (40). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, хотя и имѣющихъ болѣе или менѣе значительное татарское населеніе, мусульманскія школы или вовсе отсутствуютъ, или ихъ крайне мало. Такъ, въ Пензенской губерніи нѣтъ ни одной школы, въ Саратовской существуетъ единственная.

Не смотря на замкнутость, изолированность мусульманской среды, статистическія свѣдѣнія о мухаммеданскихъ школахъ значительно полнѣе и опредѣленнѣе свѣдѣній о школахъ еврейскихъ. Наша статистика, какъ извѣстно, постоянно пасуетъ, какъ только ей приходится вступать въ дѣло съ еврейскимъ населеніемъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. По такимъ важнымъ въ отношеніи численности евреевъ губерніямъ, какъ Кіевская, Ковенская и Черниговская, «Сборникъ свѣдѣній» не сообщаетъ никакихъ данныхъ о еврейскихъ училищахъ. По тѣмъ-же цыфрамъ, какія имъ приводятся, оказывается, что еврейскихъ школъ всего больше въ губерніи Подольской (410), за которою слѣдуютъ въ порядкѣ постепенности Волынская (347), Могилевская (167), Бессарабская (159), Гродненская (152), Полтавская (133), Минская (95), Екатеринославская (58), Херсонская (35), Таврическая (30) и т. д.

Переходимъ теперь къ вопросу о распредѣленіи въ нашихъ школахъ учащихся по полу и возрасту. Изъ всего числа учащихся за 1886 г., мальчиковъ было 1.570.150 человѣкъ, дѣвочекъ-же 455.167. Такимъ

образомъ, мальчики составляли 77,5, а дѣвочки лишь 22,5%. На одну школу мальчиковъ приходилось среднимъ числомъ 40, дѣвочекъ-же 11. Интересно распредѣленіе учащихся того и другаго пола по губерніямъ земскимъ и неземскимъ. Въ неземскихъ губерніяхъ *) мальчиковъ находилось 317.035 человѣкъ, дѣвочекъ—54.811, въ земскихъ-же—первыхъ 1.152.920, вторыхъ—313.794. Если эти цыфры взять въ отношеніи къ числу жителей каждой изъ двухъ группъ, то окажется, что въ группѣ неземскихъ губерній распредѣленіе учащихся было далеко не такъ благопріятно, какъ въ группѣ земскихъ. Между тѣмъ какъ въ неземскихъ губерніяхъ 1 ученикъ приходился на 65 и 1 ученица на 376 жителей, въ земскихъ на 1 ученика было 42 и на одну ученицу 199 жителей. Такимъ образомъ, въ земской полосѣ учащихся дѣвочекъ оказывается почти вдвое болѣе. Точно также болѣе благопріятнымъ является въ земскихъ и отношеніе дѣвочекъ къ женскому населенію: въ земскихъ губерніяхъ 1 ученица на 100 женщинъ, а въ неземскихъ 1 на 187.

Взаимное численное отношеніе учащихся того и другаго пола по отдѣльнымъ районамъ представляетъ сильныя отклоненія отъ средней величины. Объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія цыфры:

Районы.	Учениковъ.	Ученицъ.
Сѣверный	102.027	38.556
Восточный.	139.471	41.251
Среднiй промышленный	237.607	68.193
Среднiй черноземный	266.969	41.566
Нижневолжскiй	188.263	72.326
Малороссiйскiй	118.055	16.605
Прибалтiйскiй	100.194	86.562
Литовскiй.	60.086	7.747
Бѣлорусскiй	55.851	7.435
Югозападный	136.391	21.272
Южный.	165.236	53.654

Самый высокій процентъ ученицъ приходится на губерніи прибалтійскія (46,3%), затѣмъ слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ нижневолжскія (27,7), сѣверныя (27,4), южныя (24,5), восточныя (22,8), среднія промышленныя (22,3), югозападныя (13,5), среднія черноземныя (13,4), малороссійскія (12,3), бѣлорусскія (11,8) и литовскія (11,3). Отсюда видно, что почти въ доброй половинѣ районовъ процентъ ученицъ ниже средняго по всей Европейской Россіи (22,8).

Обращаясь къ частному разсмотрѣнію приведенныхъ по-районныхъ данныхъ, мы должны прежде всего остановиться на учащихся женскаго пола въ Прибалтійскомъ краѣ и въ нижнемъ Поволжьѣ. Значительное число ученицъ въ прибалтійскихъ и нижневолжскихъ губерніяхъ объясняется сильнымъ распространеніемъ начальнаго образованія среди мѣстныхъ нѣмцевъ, латышей и эстовъ. Г-нъ М. Раевскій довольно справедливо указалъ, что во всѣхъ странахъ и мѣстностяхъ грамотность женщинъ идетъ за грамотностью мужчинъ, т.-е. вездѣ, гдѣ грамотнѣе мужчины, болѣе грамотныхъ и между женщинами. О вліяніи-же нѣмецкаго элемента на подъ-

*) Не включая прибалтійскихъ.

емъ грамотности среди женскаго пола довольно ясно говорятъ данныя по тѣмъ губерніямъ нижняго Поволжья, въ которыхъ имѣются нѣмецкія колоніи. Въ Самарской губерніи дѣвочки между учащимися составляютъ 32,3%, въ Саратовской—32,0%, тогда какъ въ Симбирской ихъ всего 12,7, въ Астраханской—22%.

Довольно высокій процентъ учащихся женскаго пола въ сѣверныхъ губерніяхъ зависитъ отъ разнаго рода причинъ. Здѣсь прежде всего сказывается вліяніе Петербургской губерніи, гдѣ учениць 40,6%, благодаря сильному развитію обученія дѣвочекъ грамотности какъ въ Петербургѣ, такъ и въ многочисленныхъ въ губерніи школахъ Воспитательнаго Дома, въ которыхъ число учениць оказывается почти равнымъ числу учениковъ. Какъ только мы оставимъ Петербургскую губернію и обратимся къ другимъ мѣстностямъ сѣвернаго района, такъ процентъ учениць окажется сейчасъ-же ниже на половину и даже болѣе (въ Вологодской губ. онъ составляетъ 15,6, въ Новгородской 19,1).

Въ слѣдующемъ непосредственно за сѣвернымъ южномъ районѣ процентъ учениць достигаетъ почти 25. Сравнительную высоту этого процента надо приписать, во-первыхъ, присутствію въ разсматриваемомъ районѣ такихъ крупныхъ центровъ, какъ Одесса (270.643 жителя) и Кишиневъ (120.074 жителя), въ которыхъ образованіе распредѣляется между обоими полами гораздо равномѣрнѣе, а во-вторыхъ, опять-таки нахожденію на югѣ Россіи нѣмецкихъ колоній. По крайней мѣрѣ, наиболѣе высокимъ процентъ учениць является въ Херсонской губерніи, гдѣ городское населеніе достигаетъ солидныхъ размѣровъ и гдѣ есть и колоніи. Такъ, здѣсь учениць 27,1%.

По значительности учащихся женскаго пола слѣдующее за южными губерніями мѣсто занимаютъ восточныя. Здѣсь болѣе всего учениць въ Пермской губерніи (27%), менѣе—въ Уфимской (11,3). Высокій процентъ учениць въ Пермской губерніи надо приписать большому развитію стремленій къ образованію среди мѣстнаго горнозаводскаго населенія. Типъ горнозаводскаго крестьянина сильно отличается отъ типа крестьянъ другихъ мѣстностей Европейской Россіи; «крѣпостное право,—замѣчаетъ г. М. Раевскій,—если коснулось приуральскаго населенія, то совсѣмъ въ другой формѣ, чѣмъ въ большей части Россіи». Мѣстное населеніе всегда проявляло значительный интересъ къ образованію, независимо отъ пола. Вотъ чѣмъ, кажется, слѣдуетъ объяснять высокій процентъ учениць въ Пермской губерніи. Что касается Уфимской, то ничтожность учащихся женскаго пола проистекаетъ здѣсь, какъ кажется, отъ многочисленности полудикаго башкирскаго населенія, въ которомъ наклонность къ образованію среди женщинъ крайне незначительна.

Казалось-бы, что средній промышленный районъ, со своимъ живымъ, подвижнымъ, отзывчивымъ на культурные интересы населеніемъ, долженъ занимать весьма видное мѣсто въ отношеніи развитія женскаго образованія. Однако, этого на дѣлѣ не оказывается: средній процентъ школьниць здѣсь всего 22,3. Интересенъ фактъ, что Москва не обнаруживаетъ такого вліянія на подъемъ процента учащихся дѣвочекъ, какое оказываетъ сѣверная столица: въ Московской губерніи учениць лишь 22,0. Московскую губернію въ отношеніи процента учащихся превосходятъ даже гу-

берніи Ярославская (30,6), Тверская (25,8), Костромская (24,2) и Нижегородская (22,5); во Владимірской, особенно-же въ Калужской и Смоленской, онъ ниже (въ послѣдней онъ приближается къ тому, какой оказывается въ Бѣлоруссіи, что вполнѣ естественно въ виду сходства западной части Смоленской губерніи съ Бѣлорусскимъ краемъ).

Остаются пять районовъ, въ которыхъ процентъ ученицъ особенно низокъ, именно: средній черноземный, малороссійскій, литовскій, бѣлорусскій и югозападный. Незначительность числа учащихся дѣвочекъ въ губерніяхъ средней черноземной полосы, гдѣ коренные великоруссы составляютъ почти сплошь единственное населеніе, находится въ зависимости отъ слабаго запроса на грамотность въ средѣ мѣстнаго земледѣльческаго населенія вообще. Чисто земледѣльческій классъ, какъ извѣстно, является наиболѣе консервативнымъ, женщины-же въ этомъ классѣ служатъ самыми твердыми носительницами консервативныхъ началъ. Правило «такъ жили наши отцы и дѣды» примѣняется въ этомъ классѣ къ жизни съ особыми усердіемъ и настойчивостью, а дѣды возводили безграмотность чуть не въ идеалъ. Вотъ почему, думается, стремленіе къ школьному обученію является въ черноземной полосѣ столь слабо развитымъ среди женскаго пола.

Но однимъ консерватизмомъ земледѣльческаго населенія невозможно объяснять скудный процентъ учащихся въ другихъ земледѣльческихъ районахъ — югозападномъ, малорусскомъ, литовскомъ и бѣлорусскомъ. Великорусскій языкъ, на которомъ ведется преподаваніе, нельзя признать вполнѣ доступнымъ населенію названныхъ районовъ. Есть не мало разсказовъ о «недоразумѣніяхъ», возникавшихъ при преподаваніи между учителями и учениками-малороссами и показывающихъ, что изученіе великорусской грамоты для ученика-малоросса является извѣстнаго рода подвигомъ, и если къ этому его можетъ побуждать только необходимость знанія государственнаго языка, то для малороссіянки такихъ побудительныхъ причинъ не существуетъ, или она, по крайней мѣрѣ, ихъ не сознаетъ. Малороссіянка или уроженка Бѣлоруссіи этой необходимости не видитъ: ея жизнь ограничивается тѣснымъ кругомъ домашняго быта, и она можетъ провести всю свою жизнь, не проговоривъ и не прочтя по великорусски ни одного слова. То, что сказано здѣсь о малороссахъ и бѣлоруссахъ, можетъ быть отнесено и къ литовцамъ. Вотъ почему процентъ ученицъ является такимъ низкимъ какъ въ тѣхъ районахъ, гдѣ преобладаетъ населеніе мало- и бѣлорусское, такъ и въ тѣхъ, гдѣ такое преобладаніе принадлежитъ литовскому.

Сопоставимъ между собою данныя о числѣ учащихся женскаго пола по школамъ разныхъ категорій, т.-е. народнымъ школамъ, церковно-приходскимъ, еврейскимъ и масульманскимъ училищамъ. Наиболѣе низкій процентъ ученицъ оказывается въ церковно-приходскихъ школахъ (12,6%), за которыми слѣдуютъ еврейскія училища (15,6%); гораздо болѣе ученицъ въ мусульманскихъ школахъ—23,9%, но во главѣ всѣхъ въ отношеніи численности ученицъ стоятъ обыкновенныя народныя училища (24,2%). Эти данныя приводятъ къ заключенію, противоположному ходячему взгляду, представляющему мусульманку обреченною на полное невѣжество, лишенною всякой возможности удовлетворять потребность ума въ какомъ-бы то ни было образованіи.

Намъ слѣдовало-бы сказать о школьномъ возрастѣ учащихся, но по этой части въ «Сборникѣ» не имѣется никакихъ свѣдѣній. Въ виду важности вопроса о возрастѣ мы позволимъ за разрѣшеніемъ его обратиться къ нѣсколько устарѣвшему, но полному интересныхъ подробностей труду г. Дубровскаго «Сельскія училища». Хотя свѣдѣнія, заключающіяся въ этомъ трудѣ, относятся къ 1880 г. и касаются исключительно сельскихъ школъ, однако они могутъ послужить намъ для нѣкоторыхъ соображеній, потому что, съ одной стороны, въ отношеніи школьнаго возраста въ теченіе послѣдняго 10-лѣтія едва-ли могли послѣдовать какія-либо перемѣны, а съ другой—все относящееся къ сельскимъ училищамъ можетъ быть примѣнено и къ другимъ начальнымъ школамъ, кромѣ развѣ инородческихъ и иновѣрныхъ. Изъ свѣдѣній, заключающихся въ трудѣ г. Д—го, видно, что возрастъ учащихся чрезвычайно разнообразенъ: при трехлѣтнемъ курсѣ начальной школы возрастъ этотъ обнимаетъ довольно длинный періодъ отъ 7 до 14 лѣтъ, причемъ бо̀льшая часть учащихся имѣетъ изъ мальчиковъ—9—12 лѣтъ (63,6%), а изъ дѣвочекъ—8—11 (66,8%) *).

Л. В.

Хроника народнаго образованія.

Въ газетахъ появилось извѣстіе, гласящее, что въ высшихъ сферахъ обращено вниманіе на неудовлетворительность результатовъ, достигаемыхъ въ настоящее время такъ-называемыми «городскими училищами» (съ разнымъ числомъ классовъ—до 6), и что предположено серьезно преобразовать эти училища и открыть повсюду при нихъ ремесленные классы—по кузнечному, слесарному и столярному ремесламъ. Это извѣстіе, съ одной стороны, въ высшей степени пріятно, а съ другой—возбуждаетъ серьезныя недоумѣнія. «Городскія училища» для большей части городскихъ дѣтей—«предѣлъ, его-же не прейдеши»,—высшая школа, какая доступна для нихъ. Вотъ почему вопросъ объ этихъ школахъ—вопросъ въ высшей степени важный. Между тѣмъ трудно вообразить себѣ что-либо болѣе безполезное и безцѣльное, какъ существующія городскія училища. Какъ человѣкъ, по своему происхожденію и связямъ, принадлежащій къ массѣ городскаго населенія—мѣщанству, я давно интересуюсь вопросомъ о городскихъ училищахъ, много наблюдалъ относящихся сюда фактовъ и пришелъ къ извѣстнымъ опредѣленнымъ выводамъ, которые и попытаюсь изложить здѣсь.

«Городскія училища» — въ ихъ настоящемъ видѣ не только безполезны, но и прямо вредны—таковъ печальный выводъ, къ которому я пришелъ и къ которому неизбѣжно придетъ всякій, кто оцѣниваетъ значеніе школы не по отмѣткамъ, получаемымъ учащимися на выпускныхъ экзаменахъ, а по дальнѣйшей судьбѣ выпущенныхъ изъ школы учениковъ, по тому, что̀ дала школа этимъ ученикамъ для ихъ дальнѣйшей жизни. Городскія училища могутъ достигать блестящихъ результатовъ въ предѣлахъ своей программы, могутъ прекрасно дѣлать—да повидимому и дѣ-

*) См. «Сельскія училища», стр. XLII и слѣд.

лаютъ—свое дѣло; но бѣда-то въ томъ, что самое дѣло-то это никому и ни для чего ненужно.

Городскія училища не стоятъ ни въ какой связи (по своимъ программамъ) съ нашими другими общеобразовательными заведеніями. Окончившіе въ этихъ училищахъ курсъ, ознакомившись со многимъ, что въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ проходится только въ старшихъ классахъ, въ то-же время не знаютъ многаго, съ чѣмъ воспитанники среднеучебныхъ заведеній знакомятся уже въ самыхъ младшихъ классахъ. Въ результатѣ—окончившіе курсъ городскаго училища могутъ поступать развѣ только въ первый классъ среднеучебнаго заведенія, куда они, конечно, не подходятъ по своему возрасту. Затѣмъ остаются техническія школы и сельскохозяйственныя среднеучебныя заведенія, гдѣ ученики городскихъ школъ могли-бы продолжать свое образованіе; но такъ какъ такихъ школъ на всю Россію десятокъ, то фактически ученики городскихъ училищъ остаются совершенно безъ возможности учиться чему-либо и гдѣ-либо по окончаніи курса. Городскія училища являются, такимъ образомъ, такимъ типомъ школы, которая не только не подготавливаетъ своихъ питомцевъ къ дальнѣйшему образованію, но еще огромнѣйшее большинство ихъ лишается всякой возможности продолжать это образованіе. Это капитальный недостатокъ городскихъ училищъ, важность котораго нѣтъ надобности выяснять и который получаетъ положительно роковое значеніе для учащихся въ этихъ училищахъ, въ виду другого недостатка тѣхъ-же училищъ, къ выясненію котораго мы переходимъ.

Не давая своимъ воспитанникамъ подготовки, которая открывала-бы имъ путь къ дальнѣйшему образованію, городскія училища, такимъ образомъ, для огромнѣйшаго большинства учащихся въ нихъ являются конечною школою, послѣ которой нужно вступать въ жизнь. Городскія училища, слѣдовательно, должны подготавливать къ этой жизни, должны давать своимъ питомцамъ нѣчто такое, что дѣлало-бы ихъ болѣе приготовленными, болѣе вооруженными для наступающей жизненной борьбы, нежели были приготовлены и вооружены эти самые питомцы до поступленія въ городскія училища. Въ дѣйствительности, однако, ничего подобнаго нѣтъ. Подростки, окончившіе курсъ городскихъ училищъ, выносятъ изъ нихъ очень мало пригоднаго для жизни—умѣнье читать, писать и считать, т.-е. лишь то, что они могли-бы знать и не поступая въ городскія училища, такъ какъ эти умѣнья были вынесены ими еще изъ начальнаго училища. Что касается разныхъ «предметовъ», преподаваемыхъ въ городскихъ училищахъ, то, не говоря уже о томъ, что предметы эти не имѣютъ никакого отношенія къ ожидающей воспитанника городскаго училища жизни, они представляютъ собою сборище отрывковъ и обломковъ всевозможныхъ наукъ (да иного и представлять не могутъ), а потому не имѣютъ рѣшительно никакого вліянія на умственное развитіе бывшихъ питомцевъ городскихъ школъ и весьма быстро и основательно забываются ими по выходѣ изъ училища. Взгляните на бывшаго ученика городскаго училища, года черезъ 3—4 по окончаніи имъ курса, и сравните его съ юношей того-же возраста, прошедшимъ только начальную школу: никакой разницы между ними ни въ объемѣ знаній, ни по степени умственнаго развитія вы не замѣтите.

Однако, городскія училища остаются не безъ вліянія на своихъ питомцевъ. Дѣти учатся въ городскихъ училищахъ именно въ томъ возрастѣ, когда всего легче человѣку пріучиться къ труду. Тому, кому приходится пріобрѣтать привычку къ труду уже позднѣе, она дается гораздо труднѣе. Въ этомъ отношеніи городскія училища оказываютъ самое пагубное вліяніе на своихъ учениковъ. Нѣсколько лѣтъ пребыванія въ городскомъ училищѣ, особенно при нашей системѣ обученія, при которой дѣти учатся не только во время сидѣнья въ классахъ, но и еще болѣе въ послѣ-обѣденные часы—дома, такъ что для ознакомленія съ какимъ-либо полезнымъ трудомъ, для домашнихъ хозяйственныхъ занятій совсѣмъ уже не остается времени, — нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ при такихъ условіяхъ, совершенно губятъ дѣтей. Окончившіе курсъ городскихъ училищъ уже отбились отъ обычныхъ условій существованія своей среды, они уже не сядутъ за тотъ трудъ, который кормилъ ихъ отцовъ. Они и не привыкли къ труду, и стыдятся его, считая себя «образованными», да имъ и неудобно и трудно начинать изученіе ремесла съ азбуки его. Сынъ сапожника, блестяще кончившій курсъ въ городскомъ училищѣ, не станетъ учиться сучить дратву и подбивать шпильки въ 15—16 лѣтъ, когда рядомъ съ нимъ, 8 — 9 лѣтній мальчикъ сдѣлаетъ это гораздо лучше его. Бывшіе ученики городскихъ училищъ ищутъ въ силу всего этого «благородныхъ» занятій. Но, спрашивается, къ какой дѣятельности такого рода они подготовлены, къ чему они пригодны? Ни къ какой и ни къ чему. Господа эти представляютъ собою именно то, что обозначается народомъ презрительнымъ именемъ «полубаринъ». Даже къ барскому бездѣлью, соединенному съ окладами, они не пригодны. Оторванные отъ одного берега, они не пристали и къ другому. Единственно, къ чему они способны—это быть писцами, да и то не всѣ, такъ какъ и для писца требуется хорошій почеркъ. И вотъ несчастные, окончивъ курсъ городскаго училища, начинаютъ бѣгать по канцеляріямъ, предлагая свои услуги въ качествѣ писцовъ; но и на этомъ пути они встрѣчаютъ сильную конкурренцію въ лицѣ многочисленныхъ неудачниковъ, выброшенныхъ гимназіями и другими среднеучебными заведеніями и также непригодныхъ ни къ чему, какъ только быть писцами. Сотни этихъ жаждущихъ писарскаго мѣста съ жалованьемъ въ 7—8 и даже въ 5 рублей въ мѣсяцъ, ежегодно толкаются въ двери присутственныхъ мѣстъ, частныхъ конторъ и отдѣльныхъ лицъ, имѣющихъ нужду въ писцахъ, и развѣ десятая часть этихъ искателей находитъ себѣ мѣсто съ указаннымъ вознагражденіемъ. Что касается остальныхъ, то о судьбѣ ихъ страшно и подумать. Что изъ нихъ выходитъ, кадры какого сорта людей они пополняютъ—слишкомъ хорошо извѣстно всякому, кто присматривался къ судьбѣ этихъ несчастныхъ.

Такіе-то печальные результаты даетъ единственная доступная массѣ городскаго населенія школа, сообщающая образованіе выше начальнаго. Очевидно, дѣло въ такомъ положеніи оставаться не должно, и городскія училища должны быть радикально реформированы. Посмотримъ теперь, не поможетъ-ли горю устройство при городскихъ училищахъ ремесленныхъ классовъ— по столярному, слесарному и кузнечному ремесламъ, что, по

газетнымъ извѣстіямъ, имѣется въ виду въ интересахъ улучшенія постановки городскихъ училищъ?

Преподаваніе ремеслъ въ школѣ можетъ преслѣдовать двѣ цѣли — научить ремеслу или усовершенствовать ремесленныя знанія учащихся. Очевидно, не послѣднюю цѣль можетъ преслѣдовать устройство при городскихъ училищахъ ремесленныхъ классовъ, такъ какъ въ классахъ этихъ придется имѣть дѣло съ дѣтьми, не обладающими никакими ремесленными знаніями. Итакъ, задача этихъ классовъ будетъ состоять въ томъ, чтобы обучать ремеслу. Посмотримъ-же, насколько присоединеніе этой задачи измѣнитъ значеніе городскихъ училищъ. Во-1-хъ, надо имѣть въ виду, что школа всегда учитъ ремеслу хуже, чѣмъ настоящая мастерская, яркое доказательство чему представляютъ наши ремесленныя училища, питомцы которыхъ принимаются въ ремесленныя мастерскія лишь на положеніи «учениковъ», т.-е. на положеніи, какое они могли-бы занять и безъ ремесленной школы, почему лица, прошедшія наши ремесленныя школы, дѣлаются всѣмъ, чѣмъ угодно, и всего менѣе ремесленниками. Да оно и понятно: при курсѣ общеобразовательныхъ предметовъ, ремеслу волею-неволею приходится удѣлять лишь немного времени, тогда какъ въ ремесленной мастерской весь день занятъ ремесломъ. Еще неудовлетворительнѣе должна быть постановка изученія ремеслъ въ ремесленныхъ классахъ городскихъ училищъ, такъ какъ въ послѣднихъ ремесло будетъ уже совсѣмъ на второмъ планѣ. Во-2-хъ, устраивать школы для обученія ремесламъ, которыя могутъ быть изучены легко и помимо школы, особенно такимъ распространеннымъ ремесламъ, какъ столярное, слесарное и кузнечное, по меньшей мѣрѣ, безцѣльно. Столяровъ, слесарей, кузнецовъ, сапожниковъ и т. д. въ нашихъ городахъ и безъ того такое множество, что для многихъ изъ нихъ не находится дѣла и имъ приходится голодать. Что-же это за заслуга школы—увеличивать кадры голодающихъ людей и къ чему брать школѣ на себя такую задачу? Итакъ, устройство ремесленныхъ классовъ нисколько не измѣнитъ значеніе городскихъ училищъ, не превратитъ ихъ изъ безполезныхъ въ полезныя учрежденія, такъ какъ питомцы этихъ училищъ какъ не идутъ въ ремесленники теперь, такъ не пойдутъ и тогда.

Но что-же нужно сдѣлать для того, чтобы городскія училища перестали быть ненужнымъ ни для кого учрежденіемъ, а сдѣлались полезными учебными заведеніями? По этому поводу я позволю себѣ высказать свои соображенія о томъ, какого рода школы нужны для массы городскаго населенія,—соображенія, являющіяся выводомъ изъ многолѣтнихъ наблюденій и изученія нуждъ этого населенія.

Трудно себѣ представить что-либо болѣе печальное, чѣмъ существованіе большинства городскаго населенія—забытаго Богомъ и людьми мѣщанства. У мѣщанина нѣтъ даже клочка земли, какъ у крестьянина, и онъ не можетъ по крайней мѣрѣ хоть кусокъ хлѣба обезпечить себѣ своимъ трудомъ. Единственное что̀ у него есть—двѣ руки, которыя и должны кормить его съ семьей, и разъ эти руки оказываются не въ состояніи работать, обладателю ихъ и его близкимъ грозитъ буквально голодная смерть. Но не лучше и положеніе здоровыхъ рукъ, такъ какъ далеко не всегда бываетъ къ чему приложить ихъ. Промышленность обра-

ботывающая у насъ развита еще слабо и требуетъ немного рукъ; торговыхъ пунктовъ, требующихъ рабочихъ рукъ для нагрузки и разгрузки товаровъ, также немного, ибо и все торговое обращеніе у насъ не велико; да и въ пунктахъ, гдѣ развита обработывающая промышленность и торговля, рабочихъ рукъ всегда набито столько, что большинству ихъ не находится дѣла. Массѣ городскаго населенія остается одно—заниматься ремесломъ. И дѣйствительно, ремесленниковъ въ нашихъ городахъ счету нѣтъ. Въ самыхъ жалкихъ городкахъ на каждомъ шагу встрѣчаются вывѣски столяровъ, слесарей, сапожниковъ, портныхъ и т. д., да еще большинство работаетъ безъ вывѣски: тратиться на вывѣски нѣтъ разсчета. «Кинь въ собаку—попадешь въ столяра»—говоритъ городская пословица, и говоритъ вполнѣ справедливо. Заработки всѣхъ этихъ ремесленниковъ до такой степени ничтожны, что просто приходится только удивляться, какъ эти люди могутъ существовать. И рядомъ съ этою чудовищною переполненностью названныхъ и подобныхъ имъ ремесленныхъ амплуа, наблюдается страшное, совершенно противоположное явленіе полнаго отсутствія лицъ, хоть мало-мальски свѣдущихъ въ цѣломъ рядѣ производствъ, которыя могли-бы дать богатый заработокъ множеству лицъ. Я приведу здѣсь факты, наблюдаемые въ краѣ, въ которомъ я живу, но, какъ увидитъ читатель, выводы изъ этихъ фактовъ съ полнымъ правомъ могутъ быть распространены на всю Россію.

Въ городѣ, въ которомъ я живу, масса столяровъ, слесарей, портныхъ, сапожниковъ, переплетчиковъ и т. п., чуть только не умирающихъ съ голоду. Другая половина населенія живетъ обработкою наемной земли и преимущественно огородничествомъ и садоводствомъ: заработки этой части населенія также совершенно ничтожны, благодаря тому, что продукты ея труда сбываются исключительно въ малоцѣнномъ сыромъ видѣ. Людей-же, имѣющихъ какое-либо понятіе о технической переработкѣ продуктовъ огородничества, садоводства или полеводства, совсѣмъ нѣтъ. Городъ производитъ массы картофеля, но картофельный крахмалъ мы получаемъ изъ внутреннихъ губерній, а высшій сортъ—даже изъ Лондона; на мѣстѣ-же никто и понятія не имѣетъ о томъ, какъ добывается картофельный крахмалъ. Городъ производитъ такую массу всевозможныхъ овощей и фруктовъ, что онъ могъ-бы на милліоны рублей отпускать ихъ въ другія мѣстности; но такъ какъ здѣсь никто не имѣетъ понятія ни о сушкѣ фруктовъ и овощей, ни о приготовленіи какихъ-либо другихъ консервовъ изъ нихъ, то мы не только ничего не отпускаемъ, а еще получаемъ сушеные фрукты изъ Персіи и Молдавіи, варенья—изъ Кіева, пастилу—изъ Коломны, маринованныя овощи изъ Греціи и т. д. Молочнаго скота у насъ масса, а сыръ мы ѣдимъ привозный и даже топленое коровье масло, продаваемое въ нашихъ лавкахъ, идетъ къ намъ... изъ Сибири. То-же должно быть сказано и относительно всего нашего края. Край сбываетъ продукты своего земледѣлія и скотоводства исключительно въ сыромъ видѣ. Никто не умѣетъ обдѣлывать кожъ, никто не занимается приготовленіемъ мыла, никто не выдѣлываетъ свѣчъ. Наше-же сырье, обдѣланное и переработанное, впослѣдствіи привозятъ къ намъ и продаютъ намъ въ тридорога. Даже полстей валять, сапоги войлочные приготавливать, онучи соткать мы не умѣемъ. Все это привозное и за все мы

платимъ въ тридорога, сбывая собственные продукты за безцѣнокъ. Каковы убытки для края отъ подобнаго положенія вещей—трудно и представить...

Не въ такомъ-же-ли положеніи находится и вся Россія? Не страдаетъ-ли она отъ отсутствія лицъ, свѣдущихъ въ дѣлѣ переработки сырыхъ продуктовъ сельскаго хозяйства? Не вынуждена-ли она вслѣдствіе этого сбывать продукты своего труда въ сыромъ, необработанномъ видѣ, т.-е. за безцѣнокъ? Производства по технической переработкѣ продуктовъ сельскаго хозяйства, занимающаго такое преобладающее мѣсто въ нашей національной экономіи, у насъ имѣются лишь кое-гдѣ и далеко не удовлетворяютъ даже мѣстныхъ потребностей. Во что обходится такое положеніе вещей нашей родинѣ? И не здѣсь-ли главная причина нашей бѣдности?

Итакъ, ясное дѣло, какого рода школы нужны массѣ городскаго населенія. Это школы практическія, дающія знанія по тѣмъ техническимъ производствамъ, которыя намъ такъ нужны и которыхъ у насъ нѣтъ. Не объ обученіи столярному, слесарному, сапожному или переплетному дѣлу должна думать школа: спеціалистовъ по этимъ ремесламъ и безъ того такое множество, что имъ ѣсть нечего. Школа должна дать странѣ то, чего у нея нѣтъ: она должна учить такимъ ремесламъ, которымъ научиться помимо школы негдѣ. Такая школа дастъ вѣрный кусокъ массѣ народа, пристроитъ ихъ къ производительному труду, избавивъ отъ необходимости добиваться, какъ величайшаго блага, писарскаго мѣста съ 5 — 7-рублевымъ жалованьемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она принесетъ неисчислимую пользу странѣ, увеличивъ въ нѣсколько разъ стоимость производимыхъ страною продуктовъ.

Само собою разумѣется, что для того, чтобы подобная школа принесла дѣйствительную пользу, она должна рѣзко отличаться отъ существующихъ ремесленныхъ школъ не только потому. что въ ней изучаются совсѣмъ иныя ремесла, но и по способу изученія ихъ. Разъ школа «ремесленная», она и должна ставить на первый планъ ремесло, а не удѣлять послѣднему лишь изъ приличія нѣсколько послѣобѣденныхъ часовъ. Нужно, чтобы школа дѣйствительно обучала своихъ питомцевъ тому, за что она берется. Общее-же образованіе въ подобныхъ школахъ умѣстно лишь настолько, насколько оно не мѣшаетъ спеціальному.

Скажутъ, что я хочу принести въ жертву общее образованіе «мастеровщинѣ» и что первое важнѣе второй. О послѣднемъ никто не споритъ и объ общемъ образованіи нашихъ ремесленниковъ дѣйствительно надо позаботиться. Теперь у насъ нѣтъ образовательныхъ учрежденій для ремесленниковъ, и то, что они выносятъ въ дѣтствѣ изъ школъ, прекрасно забывается ими къ зрѣлому возрасту. Вотъ тутъ-то и необходимо учрежденіе другого типа школъ, въ которыхъ нуждается масса городскаго населенія,—школъ для взрослыхъ. Такія школы за-границей повсемѣстны, а у насъ ихъ, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ. Это вечерніе и воскресные курсы, на которыхъ преподаются какъ общеобразовательные предметы, такъ и спеціальные, имѣющіе цѣлью помочь усовершенствованію ремесленниковъ въ ихъ дѣлѣ. Такіе курсы у насъ еще необходимѣе, чѣмъ за-границей, такъ какъ тамъ взрослое городское населеніе и помимо этихъ курсовъ можетъ пріобрѣ-

тать знанія—на публичныхъ лекціяхъ, въ библіотекахъ, въ музеяхъ и т. д., а у насъ ничего подобнаго, доступнаго ремесленнику, нѣтъ.

А что-же дѣлать собственно съ городскими-то училищами? Съ устройствомъ практическихъ школъ того типа, о которомъ я говорю, и школъ или курсовъ для взрослыхъ, нынѣшнія городскія училища для массы населенія окажутся совершенно ненужными. Но упразднять ихъ было-бы не резонно. Ихъ слѣдуетъ тогда преобразовать такимъ образомъ, чтобы окончившіе въ нихъ курсъ могли поступать въ соотвѣтствующіе классы среднеучебныхъ заведеній. Тогда городскія училища превратятся въ своего рода прогимназіи или, вѣрнѣе, замѣнятъ собою нѣсколько низшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Такое преобразованіе городскихъ училищъ значительно облегчитъ возможность полученія средняго образованія дѣтямъ той части городскаго населенія, которая имѣетъ средства для того, чтобы дать своимъ дѣтямъ это образованіе. Вѣдь общій фактъ составляетъ то явленіе, что въ настоящее время въ низшіе классы среднеучебныхъ заведеній принимается лишь часть желающихъ поступить (за недостаткомъ мѣста), а старшіе классы на половину пусты. Указываемое мною преобразованіе городскихъ училищъ и устранитъ данное ненормальное явленіе: оно, съ одной стороны, уменьшитъ притокъ поступающихъ въ низшіе классы среднеучебныхъ заведеній, давая имъ возможность проходить тотъ-же курсъ въ своихъ классахъ, а съ другой—дастъ контингентъ учащихся для пополненія старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній *). **Я. Абрамовъ.**

Въ Московскомъ комитетѣ грамотности.

(Засѣданія 16 декабря 1891 года и 4 февраля 1892 года).

Въ первомъ изъ упомянутыхъ засѣданій обращаетъ на себя вниманіе сообщеніе Н. Н. Хмелева: «Къ вопросу о томъ, что читаетъ народъ»

*) Соглашаясь съ почтеннымъ авторомъ «Хроники народнаго образованія» во всемъ, что касается предполагаемаго, по газетнымъ извѣстіямъ, открытія при городскихъ училищахъ ремесленныхъ классовъ, редакція «Русской Школы» не можетъ, однакожъ, согласиться съ приведенною въ предлагаемой статьѣ мыслью о желательности преобразованія городскихъ училищъ въ учебныя заведенія, соотвѣтствующія прогимназіямъ или вообще низшимъ классамъ среднеучебныхъ заведеній. По мнѣнію редакціи, такого рода преобразованіе городскихъ училищъ только ухудшило-бы положеніе ихъ, такъ какъ пришлось-бы ввести въ курсъ ихъ не только новые, но даже и древніе языки, а слѣдовательно урѣзать еще болѣе программы городскихъ училищъ по другимъ общеобразовательнымъ предметамъ, каковы: родной языкъ, ариѳметика, геометрія, физика, естествовѣдѣніе, географія, исторія, рисованіе, по которымъ и въ настоящее время, при отсутствіи въ курсѣ городскихъ училищъ новыхъ и древнихъ языковъ, ученикамъ этихъ училищъ и такъ уже приходится получать довольно скудный запасъ свѣдѣній. По мнѣнію редакціи, желательно было-бы придать городскимъ училищамъ такое направленіе, чтобы они, давая законченное начальное образованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ могли подготовлять своихъ питомцевъ къ среднимъ промышленнымъ и профессіональнымъ школамъ, къ учительскимъ институтамъ и семинаріямъ, а не къ высшимъ классамъ гимназій и реальныхъ училищъ, въ которыхъ въ настоящее время число учениковъ и безъ того достаточно велико. *Ред.*

(Свѣдѣнія, собранныя въ школахъ Серпуховскаго уѣзда, Моск. губ., по выработанной Московскимъ комитетомъ грамотности, программѣ).

Референтъ, состоя членомъ серпуховскаго уѣзднаго Училищнаго совѣта, задался цѣлью изслѣдовать вопросъ, на сколько удачно организованы библіотеки при земскихъ школахъ и выяснить степень читаемости того или другого отдѣла книгъ *). Для этой цѣли онъ воспользовался содѣйствіемъ Московскаго комитета грамотности и при посредствѣ мѣстной земской управы разослалъ по всѣмъ школамъ, снабженнымъ земскими библіотеками, выработанную комитетомъ программу собиранія свѣдѣній о томъ, что читаетъ народъ. Оказалось, что вездѣ книги изъ библіотекъ читаютъ, кромѣ учениковъ, черезъ ихъ посредство, и окончившіе уже курсъ, а также и вообще грамотные крестьяне. Часто книги читаются вслухъ, въ присутствіи всѣхъ членовъ семьи, такъ что вся семья проводитъ время вмѣстѣ за хорошимъ, мирнымъ дѣломъ, забывая на время житейскія мелочи и направляя мысль на болѣе высокіе интересы.

Изъ книгъ духовнаго содержанія, на которыя наибольшій спросъ предъявляется со стороны взрослыхъ, читаются преимущественно житія святыхъ и Евангеліе на русскомъ языкѣ. Духовно-нравственныя поученія также пользуются большимъ спросомъ со стороны взрослыхъ, причемъ нѣкоторыми крестьянами выражено желаніе прочитать творенія Іоанна Златоуста и Ефрема Сирина. Что касается книгъ богослужебныхъ, то ими интересуются мало и понимаютъ ихъ плохо. Переходя затѣмъ къ книгамъ свѣтскаго содержанія, референтъ прежде всего отмѣчаетъ тотъ фактъ, что большинство читающихъ высказывается за прозаическія произведенія, какъ наиболѣе понятныя, стихи нравятся преимущественно дѣтямъ, драматическія-же произведенія вовсе не читаются народомъ. По вопросу о сказкахъ всѣ отвѣты сходятся въ томъ, что сказки составляютъ любимое чтеніе дѣтей; взрослые уже не интересуются сказками, читаютъ ихъ съ неохотою. По степени читаемости, между сказками первое мѣсто занимаютъ сказки Пушкина и русскія народныя сказки Аѳанасьева. Близкія по содержанію къ сказкѣ, но болѣе серьезныя народныя былины (особенно объ Ильѣ Муромцѣ) читаются охотно не только дѣтьми, но и взрослыми всѣхъ возрастовъ. Переходя затѣмъ къ вопросу о читаемости произведеній нашихъ классическихъ писателей, референтъ приходитъ къ такому заключенію: первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ произведеніямъ Гоголя, затѣмъ идутъ: Л. Толстой, Кольцовъ, Пушкинъ, Некрасовъ, Никитинъ; послѣднее мѣсто занимаетъ Лермонтовъ. Кромѣ этихъ писателей, охотно также читаются произведенія С. Аксакова, А. Толстого, Загоскина, Погоскаго, Достоевскаго и Гаршина. Что касается отдѣльныхъ произведеній, то наибольшимъ спросомъ пользовались мелкія книжки Л. Толстого, Капитанская дочка—Пушкина; Тарасъ Бульба, Сорочинская ярмарка, Ночь передъ Рождествомъ—Гоголя; Князь Серебряный—А. Толстого и Юрій Милославскій—Загоскина.

Сколько-нибудь утвердительно отвѣтить на вопросъ, любятъ-ли кре-

---

*) Въ Серпуховскомъ уѣздѣ число земскихъ школъ доходитъ до 50; библіотеки организованы при 37; каждая библіотека заключаетъ въ себѣ 200 — 250 названій.

стьяне читать книги съ содержаніемъ, взятымъ не изъ русской жизни, референтъ затрудняется, такъ какъ полученные имъ на этотъ вопросъ отвѣты расходятся слишкомъ рѣзко. За-то всѣ отвѣты единогласно удостовѣряютъ, что историческія повѣсти и вообще книги съ историческимъ содержаніемъ изъ жизни русскаго народа читаются охотно, съ любовью. Интереса-же къ исторіи другихъ народовъ среди крестьянъ вообще не замѣчается; также мало читаются книги по естествознанію, сельскому хозяйству, медицинѣ, географіи, о законахъ, податяхъ, земской и сельской службѣ. Неутѣшительныя также свѣдѣнія получаются по вопросу о выписываніи газетъ. За весьма рѣдкими исключеніями, крестьяне ихъ не получаютъ и не читаютъ. Хотя нельзя не отмѣтить того факта, что наиболѣе любознательные крестьяне обращаются за газетами и журналами къ священнослужителямъ и въ волостныя правленія, но случаи эти крайне рѣдки и относятся преимущественно къ мѣстностямъ съ фабричнымъ населеніемъ или подгороднымъ; тутъ встрѣчаются даже случаи, что наиболѣе развитые приказчики и мастеровые сами выписываютъ доступныя по цѣнѣ періодическія изданія. Въ частности, изъ газетъ и журналовъ указаны корреспондентами слѣдующіе: «Сельскій Вѣстникъ» (9), «Московскій Листокъ» (5), «Нива» (3), «Родина» (2), «Царь-Колоколъ» (2), «Русскія Вѣдомости», «Свѣтъ», «Звѣзда», «Лучъ», «Осколки», «Живописное Обозрѣніе», «Гражданинъ», «Акушерка», «Медицинское Обозрѣніе» (1).

Въ заключеніе своего доклада референтъ, еще разъ останавливаясь на томъ, что крестьянами мало читается книгъ съ серьезнымъ научнымъ содержаніемъ, высказываетъ увѣренность, что съ повышеніемъ уровня умственнаго развитія учащихся спросъ на такое чтеніе будетъ возростать. Признаки этого замѣчаются уже и теперь въ школахъ съ болѣе подготовленными и ревностными преподавателями. Пробужденіе-же интереса къ книгамъ научнаго содержанія, несомнѣнно, поведетъ за собою расширеніе у читателя умственнаго кругозора, образованіе болѣе здравыхъ понятій взамѣнъ суевѣрій и предразсудковъ, а также явится возможность приложить при обработкѣ земли болѣе совершенные пріемы и сознательнѣе относиться къ отправленію своихъ общественныхъ обязанностей.

Въ засѣданіи 4-го февраля собраніемъ былъ выслушанъ обстоятельно составленный отчетъ о дѣятельности коммиссіи для оказанія помощи учащимся въ сельскихъ школахъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Предполагая въ началѣ придти на помощь въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ не только ученикамъ, но и учащимъ, коммиссія затѣмъ, вслѣдствіе незначительности денежныхъ средствъ, которыми она располагаетъ, рѣшила употребить всѣ свои усилія къ поддержанію только учащихся. Къ этому ее побудило еще и то обстоятельство, что на помощь учащимъ пришло уже само Министерство Народнаго Просвѣщенія. Свѣдѣнія, полученныя коммиссіей черезъ посредство сельскихъ попечительствъ, священниковъ, учителей, землевладѣльцевъ, врачей и другихъ оффиціальныхъ лицъ, устанавливаютъ тотъ фактъ, что школьное обученіе въ нынѣшнемъ тяжеломъ году не можетъ идти сколько-нибудь правильно, такъ какъ многіе ученики перестаютъ посѣщать школы, уходя за сборомъ милостыни; тѣ-же, которые посѣщаютъ школу, получая дома

недостаточное питаніе, или-же питаясь вредными для здоровья суррогатами, являются плохими учениками, почти совсѣмъ не воспринимаютъ разрабатываемаго на урокахъ матеріала. Что касается способа, какимъ коммиссія могла-бы придти на помощь голодающимъ дѣтямъ, то наиболѣе удобнымъ она нашла для себя устройство при школахъ столовыхъ, поручивъ завѣдываніе ими школьнымъ попечителямъ, священникамъ, учителямъ и т. п. лицамъ, пользующимся довѣріемъ въ данной мѣстности. Въ настоящее время столовыя устроены уже при 27-ми школахъ. По отзывамъ лицъ, близко стоящихъ къ столовымъ, устройство ихъ вызываетъ въ населеніи чувство глубокой благодарности къ коммиссіи, взявшей на себя заботу о прокормленіи дѣтей. Ставя своей задачей прокормленіе возможно большаго числа учениковъ, коммиссія сдѣлала все возможное, чтобы продовольствіе каждаго ученика обошлось какъ можно дешевле, и въ этомъ отношеніи она достигла замѣчательныхъ результатовъ: каждый ученикъ ей обходится, въ среднемъ, съ небольшимъ 1 рубль, при этомъ ученики получаютъ хлѣбъ и горячій обѣдъ, состоящій изъ двухъ блюдъ, самыхъ простыхъ, но безусловно здоровыхъ и достаточно питательныхъ (щи, кулешъ или картофельная похлебка, пшенная каша, горохъ). По 2-ое февраля коммиссія располагала средствами въ 6.173 руб. 20 коп. деньгами и хлѣбомъ на сумму 868 руб. 64 коп. На открытыя столовыя ассигновано ею 6.397 руб. 43 коп., изъ которыхъ уже выдано 4.183 руб. 14 коп. Дѣйствіе столовыхъ предполагается продлить до 15 іюля. Нелишнимъ будетъ при этомъ замѣтить, что коммиссія не можетъ воспользоваться обычнымъ способомъ сбора пожертвованій путемъ подписныхъ листовъ, публикацій, концертовъ и т. п., и пользуется лишь тѣми поступленіями, которыя приносятся жертвователями безъ всякаго къ тому приглашенія и имѣютъ, такимъ образомъ, случайный характеръ. 27 столовыхъ, открытыхъ до сего времени коммиссіей, расположены въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Казанской губ. при 6 школахъ для 151 учащагося; въ Воронежской губ. при 5 школахъ—256 учащ.; въ Тамбовской губ. при 6 школахъ—292 учащихся; въ Рязанской губ. при 4 школахъ—146 учащихся; въ Саратовской г. при 4 школахъ—81 учащійся; въ Симбирской губ. при 2 школахъ—79 учащихся. По прочтеніи этого отчета собраніе постановило благодарить всѣхъ жертвователей, принесшихъ свою лепту на это поистинѣ святое дѣло.

Затѣмъ дѣйствительный членъ комитета С. Г. Смирновъ прочиталъ докладъ о результатахъ занятій второго миссіонерскаго съѣзда въ Москвѣ, по вопросу объ участіи народныхъ школъ въ борьбѣ съ сектантствомъ.

Вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли Комитету брать на себя обязанность разсылки книгъ противосектантскаго содержанія, нѣсколько разъ возбуждался еще въ прошломъ году. Большинство членовъ высказывалось тогда противъ подобной разсылки, находя, что неустановившійся еще духовный строй ребенка, а также и взрослаго, но малоразвитого человѣка требуетъ прежде всего знакомства и усвоенія истинъ безспорныхъ, положительныхъ. Такимъ образомъ, вопросъ о разсылкѣ книгъ указаннаго содержанія до послѣдняго времени оставался открытымъ. Но вотъ, въ іюлѣ прошлаго года, второй миссіонерскій съѣздъ, занятія котораго происходили въ Москвѣ, высказался за безусловное запрещеніе вносить въ жизнь

школы какіе-бы то ни было вопросы, имѣющіе религіозно-полемическій характеръ. Къ постановленію такого авторитетнаго въ дѣлахъ вѣры собранія присоединился и Комитетъ грамотности, рѣшившій, послѣ оживленныхъ преній, не только не разсылать книгъ съ противосектантскимъ содержаніемъ, но и вообще не подвергать ихъ разсмотрѣнію и внесенію въ общій каталогъ книгъ, желательныхъ для распространенія въ народѣ (надъ такимъ каталогомъ въ настоящее время работаетъ особая библіотечная коммиссія). Это рѣшеніе вызвано еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что группа библіотечной коммиссіи по религіозному чтенію прямо признала себя недостаточно компетентной въ такихъ спеціальныхъ вопросахъ, какъ вопросъ о пригодности той или иной книги для борьбы съ сектантствомъ. Затѣмъ былъ выслушанъ отчетъ библіотечной коммиссіи о разсылкѣ ею безплатныхъ библіотекъ; всего за послѣднее время разослано 13 библіотекъ, на сумму 118 рублей.

Новыхъ членовъ въ этомъ засѣданіи выбрано 10 человѣкъ.

Н. Т—въ.

Засѣданіе общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея.

18 января 1892 года.

Предсѣдательствовалъ генералъ-маіоръ А. Н. Макаровъ.

Занятія состояли въ слѣдующемъ:

1) Прочтенъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2) Г. *Хорзеевъ* прочелъ замѣтку, связанную съ вопросомъ объ уничтоженіи экзаменовъ.

Экзамены вредны для здоровья и не достигаютъ цѣли, но одною отмѣною ихъ ограничиться нельзя. Слѣдуетъ: 1) измѣнить программы, способъ преподаванія и порядокъ занятій. Нужно, чтобы учебныя занятія продолжались не болѣе $4^1/_2$ часовъ въ день, чтобы ежедневно было не болѣе трехъ уроковъ, а на приготовленіе удѣлялось три или три съ половиною часа, причемъ время, назначенное на повтореніе, можно дѣлить на части, но продолжающіяся не менѣе часа. Вообще научнымъ занятіямъ должно быть отведено не болѣе 8 часовъ въ сутки, а для дѣтей до 13-тилѣтняго возраста—не болѣе шести часовъ; 2) въ классѣ должно быть не болѣе 25 учениковъ. Каждый урокъ нужно спрашивать все пройденное: въ противномъ случаѣ и полезное само по себѣ повтореніе предмета по отдѣламъ не принесетъ надлежащихъ плодовъ, такъ какъ приготовляться къ репетиціямъ, за недостаткомъ времени, будутъ торопливо и поверхностно. Г. Хорзеевъ въ теченіе своей 30-тилѣтней педагогической практики требовалъ отъ учениковъ на каждомъ урокѣ знанія всего пройденнаго и достигалъ прекрасныхъ результатовъ; 3) обращаясь къ подробностямъ предлагаемой системы, г. Хорзеевъ выставилъ слѣдующія условія: а) первые уроки должны быть очень невелики; b) главные вопросы, исчерпывающіе существенное въ содержаніи предмета, должны быть отлитографированы и розданы ученикамъ; с) на эти вопросы ученики

отвѣчаютъ въ каждый урокъ; въ теченіи урока можно переспросить до 20 учениковъ; d) на второстепенныхъ вопросахъ не слѣдуетъ останавливаться; e) надо внимательно слѣдить за отвѣтами и поправлять неточности, въ видахъ выработки строго математическаго изложенія; f) указывать ученикамъ, какъ они должны заниматься; 4) программа должна быть настолько по силамъ учениковъ, чтобы преподаватель могъ основательно пройти все, что въ ней полагается; 5) все высказанное г. Хорзеевъ провѣрилъ личнымъ опытомъ въ приложеніи къ курсу математики, но та-же система можетъ съ успѣхомъ прилагаться и къ изученію другихъ предметовъ; 6) она потребуетъ бо̀льшаго напряженія преподавательскихъ силъ; ею могутъ владѣть только лучшіе учителя, а хорошихъ преподавателей можно привлечь хорошимъ содержаніемъ, при чемъ они должны давать не болѣе 15 уроковъ въ недѣлю.

3) По выслушаніи записки, весьма сочувственно принятой присутствующими, г. предсѣдатель предложилъ *М. Ю. Гольдштейну* сдѣлать заявленный имъ докладъ «о переутомленіи дѣтей».

Г. *Гольдштейнъ* заявилъ, что, дѣлая свое сообщеніе о переутомленіи юношества, онъ намѣренъ указать въ этомъ вопросѣ только на тѣ элементы, которые забывались до сихъ поръ или затрагивались слегка. Г. докладчикъ не имѣетъ въ виду представлять научныя доказательства, такъ какъ даннымъ вопросомъ онъ спеціально не занимался, а хочетъ подѣлиться тѣми выводами, къ которымъ привели его четырнадцатилѣтнія наблюденія надъ дѣтьми разныхъ возрастовъ и различнаго общественнаго положенія.

Вопросъ этотъ обсуждается въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ отношеніи его образовались двѣ партіи: одна признаетъ переутомленіе, другая отрицаетъ его. Принадлежащіе къ первой партіи расходятся во взглядахъ на причины переутомленія: одни винятъ школу, другіе видятъ источникъ переутомленія въ усложнившихся условіяхъ жизни и въ болѣзненности дѣтей нашего времени. Чтобы облегчить трудность прохожденія курса, стали уменьшать объемъ преподаваемаго, старались измѣнить самый характеръ преподаванія; рѣшили, что старая система обученія плоха во всѣхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ еще вопросъ: не меньше-ли утомлялись ученики при прежней системѣ. Благодаря современнымъ указаніямъ физіологіи и психологіи, считаютъ за истину, что начинать обученіе дѣтей надо съ семи-восьмилѣтняго возраста. Такъ и поступаютъ. До этого времени продолжается домашнее, до-школьное воспитаніе. Съ шестидесятыхъ годовъ, т.-е. съ эпохи наибольшаго увлеченія новѣйшими педагогическими системами, установился такой взглядъ, что дѣтей должно заинтересовывать всегда и вездѣ, при чемъ интересъ возбуждается различными способами, не всегда раціональными. Все приносится въ жертву «интересу»: родители укоряютъ педагоговъ въ томъ, что они не умѣютъ заинтересовать ихъ дѣтей; для возбужденія интереса къ предмету прибавляется, такъ сказать, педагогически-пикантная приправа.

Предметы, которымъ обучаетъ г. докладчикъ, т.-е. физика и химія, представляютъ несомнѣнный интересъ, и по отношенію къ этимъ предметамъ ученики старшихъ классовъ могутъ быть раздѣлены на три категоріи: 1) незнавшіе физики до поступленія въ школу, которые инте-

ресуются ею и хорошо ее усваиваютъ, 2) не интересующіеся занятіями вообще и не успѣвающіе, 3) отстающіе въ физикѣ, которые еще дома въ младшемъ возрастѣ получили изъ нея нѣкоторыя свѣдѣнія и въ которыхъ не возбуждается интересъ вслѣдствіе мысли: «я это все видѣлъ и давно знаю!» Послѣднее явленіе съ психологической стороны объясняется тѣмъ, что они привыкли къ искусственному возбужденію вниманія, къ той приправѣ, безъ которой для нихъ не существуетъ интереса; но потребность возбужденія растетъ въ дѣтяхъ и наконецъ наступаетъ время, когда ученикъ начинаетъ относиться къ предмету совершенно безразлично. Возбужденія эти въ особенности сильны въ младшемъ возрастѣ; когда ученикъ поступаетъ въ школу, у него уже мало интереса къ серьезнымъ предметамъ. И въ школѣ онъ слушаетъ только преподавателя, искусственно возбуждающаго въ немъ эти остатки интереса, да и то недолго: скоро и такой преподаватель утрачиваетъ сочувствіе дѣтей и приходится прибѣгать къ единицамъ и другимъ принудительнымъ мѣрамъ.

Городская жизнь усложнилась, ребенку приходится вдумываться въ сложныя людскія отношенія и много работать головой; но характеръ этой умственной работы далеко не производительный: у ребенка возникаетъ масса вопросовъ, большинство которыхъ остается безъ отвѣта, дѣти забрасываютъ вопросами всѣхъ и каждаго, и родители радуются, видя въ этомъ признакъ большой любознательности и развитія; между тѣмъ на дѣлѣ, при поступленіи въ школу, такія дѣти оказываются слабыми. И это понятно: сами не отвѣчая на вопросы и часто не дожидаясь ихъ разрѣшенія, дѣти привыкаютъ перескакивать съ вопроса на вопросъ, у нихъ утрачивается способность сосредоточиваться на чемъ-нибудь одномъ и развивается разсѣянность.

Высказанныя выше соображенія привели г. докладчика къ вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли начинать обученіе дѣтей съ 7 или 8 лѣтъ. Не лучше-ли начинать правильное обученіе раньше, а именно съ трехлѣтняго возраста? Боятся, что систематическая работа не по силамъ для мозга ребенка. Но въ чемъ заключается непосильность? чѣмъ занятія, предлагаемыя дѣтямъ въ настоящее время, легче правильнаго элементарнаго курса? Ребенокъ въ до-школьномъ возрастѣ (отъ 3-хъ до 10 лѣтъ) научился-бы читать, писать, ознакомился-бы съ двумя ариѳметическими дѣйствіями; а нынѣшняя, пользующаяся правомъ гражданства система усвоенія понятій путемъ чтенія дѣтскихъ книгъ, раннее изученіе иностранныхъ языковъ—развѣ такая система легче для ребенка? Если отбросить искусственное возбужденіе интереса, то ребенокъ изъ простаго повиновенія будетъ привлекать свой мозгъ къ работѣ; ему достаточно будетъ сказать «прочти, напиши!»—и онъ будетъ читать и писать, какъ онъ теперь приноситъ изъ другой комнаты какую-нибудь вещь, когда ему говорятъ: «принеси!» Въ періодъ отъ 3-хъ до 8-ми лѣтъ мы успѣемъ познакомить ребенка со многимъ, но этотъ трудъ распредѣлится для него не на два или на три года (7—10), а на семь лѣтъ (3—10).

Явленія разсѣянности, которыя особенно часто встрѣчаются въ младшихъ классахъ, объясняются тѣмъ, что дѣти, не смотря на всѣ свои старанія, не могутъ сосредоточиться, если къ предмету не пристегнутъ внѣшній интересъ; дѣти не справляются съ предметомъ не потому, что много

работы, а потому, что они не въ состоянiи думать объ одномъ и томъ-же предметѣ въ теченiе 45 минутъ.

По предложенiю г. *предсѣдателя*, во время перерыва засѣданiя г. *Гольдштейнъ* формулировалъ слѣдующiе пять тезисовъ:

1) въ до-школьномъ воспитанiи и обученiи нужно быть чрезвычайно осторожнымъ съ обращенiемъ предмета, во что-бы то ни стало, въ предметъ интересный;

2) правильное обученiе слѣдуетъ начинать, приблизительно, съ трехлѣтняго возраста;

3) съ трехъ до восьми лѣтъ ребенокъ легко можетъ выучиться бѣгло читать и писать, считать до чего угодно и производить сложенiе и вычитанiе надъ какими угодно числами;

4) въ этомъ возрастѣ правильное (систематическое) обученiе должно имѣть характеръ чисто формальный (т.-е. механическiй);

5) если при сложной обстановкѣ нашей жизни оставить ребенка въ полномъ бездѣльѣ или-же воспитывать и обучать его такъ, какъ это до сихъ поръ принято (т.-е. наглядными пособiями, играми), то его мозгъ гораздо болѣе работаетъ и утомляется, чѣмъ при вышеуказанномъ правильномъ обученiи.

Докторъ *Дегтяревъ* выразилъ желанiе, чтобы тезисы *Гольдштейна* были напечатаны и разосланы для обсужденiя гг. членамъ за нѣсколько дней до будущаго засѣданiя.

Не отказываясь отъ этого, г. *предсѣдатель* предложилъ приступить къ общему обсужденiю доклада въ настоящее засѣданiе.

Г. *Дегтяревъ* замѣтилъ, что сообщенiе г. Гольдштейна мало связано съ вопросомъ о переутомленiи и что въ немъ говорится собственно о до-школьной обстановкѣ обученiя.

Г. *Гольдштейнъ*, заявивъ, что въ современномъ направленiи обученiя въ до-школьномъ перiодѣ онъ и видитъ главную причину переутомленiя, прибавилъ еще одинъ тезисъ:

6. Одна изъ главныхъ причинъ переутомленiя лежитъ въ до-школьномъ воспитанiи.

Проф. *Преображенскiй* призналъ докладъ г. Гольдштейна очень любопытнымъ. Въ немъ главнымъ образомъ проведены двѣ мысли: 1) преподаванiе интересныхъ предметовъ (физики, химiи) страдаетъ отъ того, что съ ними рано знакомятъ дѣтей, во имя ихъ особой интересности; 2) занятiя школьнаго характера слѣдуетъ начинать съ болѣе ранняго возраста.

Съ первою мыслью г. Преображенскiй вполнѣ согласенъ: онъ и прежде, по поводу доклада г. Сиповскаго о дисциплинѣ, говорилъ, что стремленiе заинтересовать дѣтей должно имѣть извѣстную мѣру; а по поводу книги г. Шапошникова проводилъ параллель между старою и новою школою и пришелъ къ тому заключенiю, что формула старой школы: «корень ученiя горекъ, но плоды его сладки», замѣнена въ новой школѣ другою формулою: «корень ученiя не долженъ быть горекъ» — и, къ сожалѣнiю, плоды этой школы перестаютъ быть сладкими. Педагогическая практика и литература подтверждаютъ этотъ выводъ. Вопросъ въ томъ, какимъ стимуломъ замѣнить этотъ интересъ? Угрозы или при-

вычка къ повиновенію! Послѣднее, конечно, очень важно; но одной привычки къ повиновенію мало: самое преподаваніе можетъ быть безтолково. Самымъ могущественнымъ стимуломъ для занятій является сознаніе достигаемаго успѣха. Изъ всѣхъ школьныхъ предметовъ для развитія тѣхъ качествъ, которыя нужны при занятіяхъ какимъ-бы то ни было предметомъ, самымъ благопріятнымъ пр. Преображенскій считаетъ языкознаніе, а не естественныя науки, не физику и химію, какъ на это указываетъ и г. докладчикъ. Изученіе языковъ именно и начинается изъ повиновенія; при занятіи ими успѣхъ очевиденъ. Г. Преображенскій согласенъ и съ тою мыслью г. докладчика, что до-школьное образованіе является однимъ изъ факторовъ переутомленія; но отъ строго различаетъ понятія *утомленіе и переутомленіе*: въ первомъ онъ видитъ благотворное, а во второмъ — патологическое явленіе. Если организмъ не готовъ къ работѣ, то утомленіе легко переходитъ въ переутомленіе. Съ намѣреніемъ отодвинуть начало обученія къ трехлѣтнему возрасту согласиться нельзя: тѣ-же результаты, въ смыслѣ запаса знаній и навыковъ, достигаются и теперь въ трехлѣтній періодъ обученія. Ученики не подготовлены къ внимательности, но бороться и справиться съ этимъ недостаткомъ можно въ три, четыре мѣсяца. Г. докладчикъ говоритъ, что у незанятаго ребенка дома мозгъ работаетъ больше, чѣмъ въ школѣ. Да вредно-ли это? надо-ли избавлять мозгъ отъ работы? Періодъ существованія школъ въ Россіи продолжается не болѣе тысячи лѣтъ и къ нему дѣтскіе организмы мало подготовлены путемъ наслѣдственности, почему и опасно рано начинать обученіе; педагогія еще очень шатка, и потому въ очень раннемъ возрастѣ отдавать ребенка въ распоряженіе педагоговъ то-же не безопасно. Лучшее воспитаніе дается въ тѣхъ семьяхъ, въ которыхъ родители не могутъ отдавать всего своего времени заботамъ о дѣтяхъ, т.-е. въ среднемъ классѣ, гдѣ родители болѣе или менѣе заняты заботою о кускѣ хлѣба. Можетъ быть, когда-нибудь будутъ начинать правильное воспитаніе и съ перваго года жизни ребенка, но этого можно ждать только въ очень далекомъ будущемъ.

Г. *Гольдштейнъ* замѣтилъ, что человѣкъ съ дѣтства дѣлаетъ запасъ житейскихъ впечатлѣній; но въ настоящее время жизнь усложняется очень быстро; между тѣмъ организмы не крѣпнутъ въ соотвѣтствующей пропорціи, а, напротивъ, слабѣютъ, въ особенности въ условіяхъ городской жизни. Ребенокъ, оставленный безъ занятій, задумываясь надъ сложными впечатлѣніями жизни, производитъ трудную и безполезную работу.

Г. *Преображенскій*, соглашаясь съ тѣмъ, что обстановка жизни ребенка часто не соотвѣтствуетъ его наслѣдственной подготовкѣ, нашелъ, что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ измѣнить обстановку, привести ее къ болѣе естественнымъ формамъ. Предоставленный самому себѣ, ребенокъ не перескакиваетъ съ предмета на предметъ, а созерцаетъ явленія въ ихъ цѣлостности, готовя запасъ для будущаго анализа — и этому мѣшать не слѣдуетъ.

Г. *Путята* замѣтилъ, что въ городахъ, а въ особенности въ столицѣ, слишкомъ много предметовъ для созерцанія, что душа ребенка переполняется образами.

«Не водите дѣтей, возразилъ г. Преображенскій, въ театры, на вы-

ставки, на балы, — устройте для нихъ нормальную жизнь; но не начинайте обученія слишкомъ рано».

Г. *Гольдштейнъ*. Если-бы можно было устроить нормальную жизнь, то, конечно, все-бы пошло хорошо; но вотъ уже сотни лѣтъ мы кричимъ о необходимости такой жизни, а измѣнить житейскихъ условій не можемъ. И хорошо-бы удалить дѣтей въ деревню, да это недостижимо для городскихъ жителей. Если съ ранняго возраста засадить ребенка за азбуку, то его можно подготовить къ воспріятію такихъ-же впечатлѣній и въ школьной дѣятельности, можно регулировать его трудъ въ до-школьномъ возрастѣ и уменьшить шансы на переутомленіе въ будущемъ. Г. Гольдштейнъ признаетъ недоказаннымъ, что правильныя, систематическія занятія вредны для трехлѣтнихъ дѣтей.

Г. *Дегтяревъ* признаетъ вѣрность основнаго тезиса и соглашается съ тѣмъ, что въ наше время, вслѣдствіе унаслѣдованной боязни систематическихъ занятій, дѣтей занимаютъ только играми, и потому ребенокъ является неподготовленнымъ къ школьной работѣ; систематическія развлеченія не воспитываютъ въ дѣтяхъ вниманія, не развиваютъ у нихъ способности къ труду, а на такой неустойчивой почвѣ и развиваются нервныя болѣзни.

Г. *предсѣдатель* предложилъ вопросъ, связываетъ-ли докторъ Дегтяревъ развитіе нервныхъ болѣзней со способомъ обученія въ семьѣ, или-же со слишкомъ ранними удовольствіями, доставляемыми дѣтямъ.

Г. *Дегтяревъ* отвѣтилъ, что связываетъ и съ тѣмъ, и съ другимъ, такъ какъ пикантный элементъ вообще вреденъ. Онъ не согласенъ съ г. докладчикомъ, будто-бы обученіе начинаютъ съ 8 лѣтъ: обыкновенно домашнее обученіе начинается раньше, съ пятилѣтняго возраста, и отодвигать еще дальше его начало не слѣдуетъ. И въ такой періодъ (отъ 5 до 10 лѣтъ) ребенокъ можетъ пріобрѣсти гораздо больше свѣдѣній, чѣмъ предполагаетъ г. Гольдштейнъ: примѣромъ можетъ послужить дѣтство Д. С. Милля.

Г. *Преображенскій* замѣтилъ, что понятіе о перескакиваніи дѣтей отъ одного предмета къ другому преувеличено. Въ натурѣ ребенка существуетъ регуляторъ, парализующій такое перескакиваніе: всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что дѣти просятъ не новыхъ сказокъ, а требуютъ пересказа старой, извѣстной имъ сказки, безъ отступленій отъ первоначальной редакціи, и такимъ образомъ гарантируютъ себя отъ многочисленности новыхъ впечатлѣній.

Г. *Гольдштейнъ*, съ своей стороны, сослался на то, что, какъ извѣстно, дѣти обращаются къ воспитателю съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ; воспитатель отвѣчаетъ имъ, а они не дослушиваютъ отвѣтовъ и предлагаютъ новые вопросы. Родители восхищаются этимъ явленіемъ и увѣрены, что ихъ такъ «интересующійся всѣмъ» ребенокъ не дослушиваетъ потому, что онъ все понимаетъ съ полуслова. Въ нынѣшнее засѣданіе мы не обсуждаемъ деталей, но, повидимому, всѣ согласны, что вредъ заключается въ сообщеніи предмету искусственнаго интереса и въ неумѣніи сосредоточить вниманіе дѣтей. Развѣ при боннѣ-нѣмкѣ или англичанкѣ дается покой мозгу трехлѣтняго ребенка? Изученіе языка—не игра, а

трудъ; чтеніе и счетъ требуютъ меньше умственнаго напряженія, чѣмъ сказки и изученіе иностранныхъ языковъ.

Г. *предсѣдатель* попросилъ г. докладчика объяснить, сколько времени, по его мнѣнію, слѣдуетъ отвести въ день для занятій съ дѣтьми трехлѣтняго возраста и чѣмъ предполагается занимать ихъ въ остальное время.

Г. *Гольдштейнъ*. Въ началѣ по два часа съ перерывами, а потомъ отъ 3 до 5 часовъ въ день, включая и время, которое будетъ посвящено самостоятельному чтенію книжекъ. Остальное время надо отдать свободной игрѣ: пусть дѣти кувыркаются, играютъ въ мячъ съ другими дѣтьми, но пусть ихъ игры не будутъ утонченнымъ образомъ регулированы. Эти соображенія г. докладчикъ выразилъ, какъ свое личное мнѣніе, и не согласился внести въ тезисы, признавая ихъ стоящими внѣ предѣловъ поставленной ими задачи.

Докторъ *Вireнiусъ* спросилъ у г. докладчика, отказывается-ли онъ говорить о переутомленіи, если его сообщеніе касается главнымъ образомъ способа воспитанія и обученія въ до-школьномъ возрастѣ и встрѣчающихся при этомъ недостатковъ, и, когда г. Гольдштейнъ повторилъ, что онъ ставитъ эти недостатки въ тѣсную связь съ переутомленіемъ, г. Виреніусъ замѣтилъ, что, слѣдовательно, г. докладчикъ касается только одной детали переутомленія и что надо разсмотрѣть и другіе его факторы, какъ, напримѣръ, факторы физическіе и нравственный режимъ школы.

Г. *Воленсъ* замѣтилъ, что онъ не соглашается съ даннымъ опредѣленіемъ *интереса*, который можетъ заключаться не въ одной только пикантности.

Г. *Гольдштейнъ* обѣщалъ въ слѣдующее засѣданіе выяснить, что онъ разумѣетъ подъ словомъ *интересъ*.

За позднимъ временемъ засѣданіе было закрыто; слѣдующее засѣданіе назначено на 8-е февраля. **В. Г.**

Въ Петербургскомъ комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 14 января 1892 г.

(Чтеніе и обсужденіе предложенія семи членовъ Комитета относительно принятія участія Комитетомъ въ организаціи помощи ученикамъ школъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, и докладъ Н. Ѳ. Ржавской «Объ отношеніи крестьянъ къ книгѣ»).

По прочтеніи и утвержденіи протокола предшествующаго собранія, были произведены выборы ревизіонной коммиссіи. Избранными по большинству голосовъ оказались: П. В. Глаголевъ, В. П. Воленсъ, И. К. Смирновъ и кандидатами къ нимъ: Н. А. Канаевъ и З. Б. Вулихъ.

Послѣ выборовъ предсѣдатель, Я. Т. Михайловскій, прочелъ заявленіе семи членовъ комитета: С. Ѳ. Ольденбурга, В. И. Вернадскаго, И. Е. Вернадской, М. Г. Гревсъ, А. А. Корнилова, П. С. Коробки и Б. Э.

Кетрица.—Предложеніе это, внесенное иниціаторами въ совѣтъ комитета, заключается въ слѣдующемъ:

Великое бѣдствіе, постигшее въ этомъ году Россію,—голодъ въ самыхъ плодородныхъ губерніяхъ,—заставляетъ всякаго русскаго подумать о томъ, какъ помочь страшной народной бѣдѣ. Комитетъ грамотности имѣетъ, по мнѣнію внесшихъ это заявленіе, возможность, а слѣдовательно, въ данномъ случаѣ и обязанность и съ своей стороны принять участіе въ организаціи помощи, позаботившись о школахъ пострадавшихъ мѣстностей. Задача комитета—«распространеніе грамотности... преимущественно въ крестьянской средѣ»—не можетъ быть достигнута тогда, когда тѣ, кого надо учить этой грамотѣ, дѣти, въ народныхъ школахъ сидятъ иногда по нѣскольку дней безъ пищи; не могутъ часто посѣщать школу за неимѣніемъ одежды. Въ заключеніе иниціаторы предлагаютъ образовать при комитетѣ особую коммиссію изъ семи членовъ по выбору общаго собранія и двухъ—изъ числа членовъ совѣта подъ названіемъ «Коммиссія по оказанію помощи учащимся въ народныхъ школахъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая». Задачею коммиссіи должно быть изысканіе и распредѣленіе средствъ, необходимыхъ для оказанія требуемой помощи.

Присоединившіеся къ этому предложенію впослѣдствіи гг. Е. Свѣшникова, Ѳ. Ольденбургъ и князь Д. Шаховской взяли на себя обязательство въ случаѣ принятія внесеннаго предложенія Комитетомъ доставить средства въ размѣрѣ 240 руб. для устройства до урожая 1892 года одной столовой на 40 человѣкъ учащихся. Совѣтъ комитета, обсудивъ это предложеніе, пришелъ, по словамъ предсѣдателя, къ заключенію, что помощь Комитета народной нуждѣ должна выражаться въ той формѣ, въ какой выражалась и до сихъ поръ, т.-е. въ формѣ помощи для поддержанія существованія школъ, разсылкою въ бѣднѣйшія изъ нихъ книгъ. Въ виду истощенія средствъ учрежденій, поддерживавшихъ до сихъ поръ школы, многимъ изъ нихъ грозитъ закрытіе. Число просьбъ о присылкѣ книгъ все увеличивается. Небольшія средства Комитета не могутъ быть удѣлены на что-либо другое безъ ущерба непосредственнымъ цѣлямъ его. С. Ф. Ольденбургъ внесъ, однако, отъ имени всѣхъ подписавшихъ вышеуказанное предложеніе поправку, выяснивъ, что иниціаторы, признавая все значеніе дѣятельности комитета по снабженію бѣднѣйшихъ школъ книгами, отнюдь не полагали черпать средства для осуществленія своего предложенія изъ суммъ Комитета, имѣя въ виду организовать спеціальный сборъ съ этою цѣлью. Внесенное предложеніе послужило предметомъ такихъ оживленныхъ преній и обмѣна мыслей, что мы не запомнимъ собранія Комитета, обыкновенно немножко чопорно-приличнаго и холоднаго, въ такомъ ажитированномъ состояніи. Предложеніе, очевидно, попало въ больное мѣсто всѣхъ присутствующихъ. Въ обсужденіи вопроса приняли участіе гг. Глаголевъ, Воленсъ, Шелковскій, Гуревичъ, Девель, Фальборнъ, Кауфманъ, Кетрицъ, Мещерскій и другіе, причемъ первые трое стояли за то, что Комитету грамотности необходимо придти на помощь пострадавшимъ дѣтямъ всѣми своими наличными средствами, умаливъ, если это будетъ нужно, размѣры теперешней дѣятельности Комитета. Остальные стояли за то, что помощь пищею ни въ какомъ случаѣ не должна вліять на размѣры помощи того характера, какого держался Комитетъ до

сихъ поръ. Если взять на себя трудъ посмотрѣть на причины теперешняго народнаго бѣдствія поглубже, то нельзя не придти къ заключенію, что одна изъ коренныхъ причинъ его лежитъ въ народномъ невѣжествѣ, въ плохомъ состояніи народнаго образованія, которое всегда, конечно, будетъ служить самымъ могущественнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ экономическими невзгодами. Комитетъ грамотности—почти единственное общественное учрежденіе на всю необъятную Россію, которое отдаетъ свои средства на такого рода помощь школамъ. Наблюдатели народной жизни почти поголовно констатируютъ тотъ замѣчательный фактъ, что *голодъ послужилъ причиной такого усиленнаго наплыва учащихся въ сельскія школы, какого прежде не замѣчалось.* Переполненія сельскихъ школъ учащимися нельзя объяснить, какъ это пытаются нѣкоторые, только тѣмъ обстоятельствомъ, что въ школахъ кормятъ, такъ какъ такого-же характера явленіе замѣчается и между взрослымъ населеніемъ, среди котораго значительно усилился спросъ на книги. Мѣстами крестьяне пострадавшихъ губерній (напр., въ Тульской губерніи) начали открывать на свои скудныя средства школы грамотности въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ раньше и не помышляли объ открытіи ихъ *). Средства земствъ мѣстами до такой степени истощены, что нѣкоторыя изъ нихъ прекратили уже снабженіе своихъ школъ учебными книгами, безъ которыхъ школы волей-неволей должны перестать функціонировать. Помощь Комитета грамотности, направленная въ сторону снабженія такихъ школъ книгами, является въ эту годину бѣдствій тою послѣднею соломенкою, за которую можетъ еще уцѣпиться такая погибающая школа. Одинъ изъ частныхъ кружковъ Петербурга, собравшій средства съ цѣлью оказанія помощи учащимся дѣтямъ пищею, послѣ нѣкотораго времени своей дѣятельности въ этомъ направленіи и послѣ болѣе основательнаго знакомства съ положеніемъ школъ, принужденъ былъ придти къ необходимости измѣнить характеръ помощи, отдавъ всѣ свои средства для поддержанія погибающихъ школъ книгами и учебными пособіями. Съ голоду, во всякомъ случаѣ, не дадутъ умереть, школы-же благополучно закрываются, и это печальное явленіе, въ виду отвлеченія вниманія общества, не обращаетъ на себя всего того серьезнаго вниманія, какого оно по своимъ послѣдствіямъ заслуживаетъ. Такимъ образомъ, большинство осталось при мнѣніи о необходимости принять и комитету участіе въ помощи, отнюдь не умаляя притомъ теперешней дѣятельности его по безплатному снабженію школъ книгами, предоставивъ особой коммиссіи изыскивать средства для этой цѣли тѣми мѣрами, какія она найдетъ болѣе цѣлесообразными. Въ виду этого, поставленный предсѣдателемъ на баллотировку вопросъ: слѣдуетъ-ли образовать при Комитетѣ особый временный фондъ для помощи голодающимъ, рѣшенъ собраніемъ въ утвердительномъ смыслѣ *единогласно.*

Послѣ этого были произведены выборы семи членовъ «коммиссіи по оказанію помощи учащимся въ народныхъ школахъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая». Большинствомъ голосовъ избраны: гг. С. Оль-

---

*) Что наплывъ учащихся объясняется не кормленіемъ ихъ въ школахъ, а причинами чисто духовнаго свойства, подтверждаетъ лишній разъ и докладъ г-жи Ржавской, выслушанный собраніемъ въ томъ-же засѣданіи.

денбургъ, Гуревичъ, Рубакинъ, Фальборнъ, Кауфманъ, Лашкевичъ, Туганъ-Барановская. Отъ совѣта комитета вошли въ коммиссію: гг. Девель и Кетрицъ. Тутъ же на собраніи по подписному листу собрано въ фондъ коммиссіи около 260 рублей.

Послѣ выборовъ собраніе выслушало докладъ Н. Ѳ. Ржавской, прочитанный, за отсутствіемъ автора, М. М. Ледерле.

Въ Большомъ селѣ, Пронскаго уѣзда, Рязанской губерніи, насчитывается 1.056 жителей обоего пола. Школа, существующая въ селѣ, открыта уже много лѣтъ назадъ покойнымъ мужемъ г-жи Ржавской.

Въ декабрѣ 1890 года школа Большаго села имѣла въ своей библіотекѣ до 180 названій книгъ. Книги эти находятся постоянно въ обращеніи, такъ что при всей бережливости, съ которою обращаются съ ними читатели, не могутъ служить, даже и въ переплетахъ, болѣе года, обращаясь въ никуда негодную ветошь. Далеко, однако, не всѣ книги библіотеки читаются съ одинаковою охотой. Многія изъ нихъ, предлагаемыя читателямъ по нѣскольку разъ, возвращались съ заявленіемъ, что онѣ скучны, непонятны. Къ разряду такихъ «скучныхъ» книгъ надо отнести многія изъ числа серіи книгъ, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Правда», какъ, напримѣръ, «Живыя цифры» Гл. Успенскаго и др.

Книги учителемъ раздавались сначала всего разъ въ недѣлю, но потомъ пришлось выдавать и среди недѣли, въ особенности сельскимъ рабочимъ, работающимъ у сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Рабочіе не упускали свободной минуты, чтобы не зайти въ школу перемѣнить книжку. Новый читатель спрашиваетъ обыкновенно «Милорда», «Бову» и т. п., но затѣмъ просьбъ такихъ уже болѣе не слышно и лица, наиболѣе читающія, становятся разборчивѣе, спрашивая книги съ болѣе серьезнымъ содержаніемъ. Было время, когда приходилось навязывать произведенія Григоровича, Тургенева, Гоголя... Все просили книгъ божественныхъ или про войну, но болѣе всего любили сказки. Теперь, однако, есть много любителей серьезнаго чтенія. Крестьяне, прошедшіе школу, читаютъ гораздо осмысленнѣе остальныхъ грамотеевъ села. Послѣдніе хотя и не чуждаются серьезныхъ книгъ, но не умѣютъ, однако, ихъ читать. Любятъ, напримѣръ, они книгу Меча «Россія», но очень плохо понимаютъ ее безъ руководства учителя или г-жи Ржавской. Даже дѣти-школьники въ этомъ отношеніи оказываются куда лучше подготовленными этихъ взрослыхъ крестьянъ. Такъ, напримѣръ, г-жѣ Ржавской пришлось съ дѣтьми прочесть «Бесѣды о змѣѣ» — Бекетова, въ изданіи Петербургскаго комитета грамотности. Дня черезъ два послѣ чтенія одна крестьянка, лѣтъ 40, женщина неглупая, встрѣтившись съ г-жею Ржавскою, говорила: «до сихъ поръ думала я, что китъ — рыба и что земля стоитъ на трехъ китахъ. Какъ чудище вздумаетъ повернуться, говаривали, то земля трясется и города проваливаются. Ребята-же таково понятно сказывали, что китъ не рыба, а похожъ скорѣе на корову. Старикъ Миронъ на что все знаетъ, и то ребятъ одобряетъ, въ поясъ имъ кланяется». Разговоры о трехъ китахъ заставили ребятъ брать даже глобусъ изъ школы, кому-то показывая его въ той избѣ, которая служитъ пріютомъ приходящимъ въ школу дѣтямъ изъ дальнихъ деревень. Изба эта обратилась даже въ своего рода читальню. «Умственный» старикъ Миронъ почти каждый зимній вечеръ побываетъ

у ребятъ. Конечно, было-бы преувеличеніемъ думать, что посѣтители этой импровизированной читальни, старые, вполнѣ сложившіеся люди, послушавши ребятъ, измѣнятъ свои воззрѣнія, но имѣетъ уже большое значеніе и то, если ребята вовлекли этихъ лицъ въ свои новые интересы, что они, такъ сказать, пустили въ оборотъ среди крестьянъ новое понятіе.

Голодъ, посѣтившій и Пронскій уѣздъ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, не только не умалилъ потребности въ школѣ, но, напротивъ, значительно усилилъ эту потребность, какъ и потребность въ книгѣ среди взрослаго населенія.

Чтенія съ туманными картинами, устроенныя въ школѣ, привлекали до 300 слушателей при помѣщеніи только на 150 человѣкъ. За каждымъ чтеніемъ замѣчался большой спросъ на книги одинаковаго содержанія съ читавшимися въ аудиторіи. При покупкѣ книгъ просили такихъ, въ которыхъ было-бы разсказано «про хорошихъ людей», какъ въ «Двухъ старикахъ» *). Когда пришлось на нѣкоторое время прекратить народныя чтенія, то крестьяне очень настойчиво просили г-жу Ржавскую возобновить ихъ.

Г-жа Ржавская находитъ такія чтенія очень могучими проводниками грамотности въ народѣ, но для настоящей зимы придаетъ этимъ чтеніямъ еще большее значеніе; «тяжко жить только голодомъ, да горемъ, и такія духовныя развлеченія имѣютъ теперь за собою большую заслугу». Большимъ успѣхомъ сопровождались чтенія г. Ядринцева о Сибири и Алтаѣ, сопровождавшіяся картинами сибирской природы, городовъ и пріисковъ. На чтеніе приходили за 4 и 5 верстъ, но ни одно лицо изъ мѣстной интеллигенціи не почтило ни разу этихъ чтеній и вообще къ дѣятельности г-жи Ржавской относятся съ порицаніемъ. Мѣстные кабатчики признали, конечно, это дѣло даже вреднымъ для народа. Г-жа Ржавская основательно сѣтуетъ на то, что встрѣтила въ окружающихъ-же крестьянахъ одно противодѣйствіе своей благой дѣятельности, и только величайшая осторожность и строгое соблюденіе всѣхъ требуемыхъ формальностей оберегли ее отъ возможныхъ большихъ непріятностей. Въ послѣднее время, благодаря открытію въ той-же мѣстности низшей сельско-хозяйственной школы Министерства Государственныхъ Имуществъ, явилась возможность интереснаго сравненія относительнаго развитія дѣтей мѣстной школы съ подростками сельско-хозяйственной школы, комплектовавшейся учениками изъ другихъ селеній. Сравненіе это оказалось далеко не въ пользу послѣднихъ, несмотря на то, что Большое село принадлежитъ къ такъ-называемымъ медвѣжьимъ угламъ Пронскаго уѣзда; «народъ—бѣднота, даже кулаковъ не имѣется», не особенно развиты и отхожіе промыслы, и ко всему этому мѣстный говоръ отличается большими особенностями и неправильностями. При всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ мальчики мѣстной школы оказались «много выше» учениковъ другихъ школъ, и *это г-жа Ржавская относитъ къ тому, что здѣшнія дѣти много читаютъ*.

Въ заключеніе г-жа Ржавская выражаетъ увѣренность, что такихъ мѣстъ, какъ Большое село, безъ числа и что вездѣ безъ большихъ средствъ можно при желаніи хорошо работать. Небольшое сообщеніе г-жи Ржав-

---

*) Разсказъ Л. Н. Толстого.

ской, выхваченное непосредственно изъ жизни, безпритязательно просто и тепло написанное, произвело, повидимому, на присутствующихъ самое пріятное впечатлѣніе, и собраніе единогласно постановило выразить г-жѣ Ржавской полное сочувствіе ея плодотворной дѣятельности. **В. Д.**

Коммиссія С.-Петербургскаго комитета грамотности по оказанію помощи народнымъ школамъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая.

При С.-Петербургскомъ Комитетѣ грамотности образовалась коммиссія для оказанія помощи дѣтямъ, учащимся въ народныхъ школахъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая. Въ Комитетъ грамотности въ послѣднее время часто поступали заявленія о томъ, что въ неурожайныхъ мѣстностяхъ школы плохо посѣщаются, потому что дѣти, вслѣдствіе крайне скуднаго питанія, не могутъ учиться. Въ виду этого Комитетъ и постановилъ избрать изъ своей среды коммиссію, которая поставила-бы себѣ задачею изысканіе средствъ для оказанія помощи учащимся дѣтямъ въ постигнутыхъ неурожаемъ мѣстностяхъ и распредѣленіе этихъ средствъ по школамъ. Въ составъ новообразовавшейся коммиссіи, кромѣ двухъ членовъ отъ совѣта комитета грамотности: Б. Э. Кетрица и В. В. Девеля, вошли слѣдующія лица: Я. Г. Гуревичъ, Н. А. Рубакинъ, А. А. Кауфманъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, Г. А. Фальборгъ, И. Ц. Лашкевичъ и Л. К. Туганъ-Барановская. Предсѣдателемъ коммиссіи избранъ Я. Г. Гуревичъ, товарищемъ предсѣдателя—Б. Э. Кетрицъ, казначеемъ—И. Ц. Лашкевичъ и секретаремъ—Л. К. Туганъ-Барановская.

Наиболѣе раціональнымъ видомъ оказанія помощи народнымъ школамъ коммиссія признала устройство школьныхъ столовыхъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ о существующихъ уже столовыхъ такого рода, оказывается, что содержаніе каждаго ученика обходится около рубля въ мѣсяцъ или нѣсколько больше рубля, такъ что для устройства столовой въ каждой школѣ, состоящей изъ 50 учениковъ, среднимъ числомъ требуется въ мѣсяцъ отъ 50 до 60 рублей.

При распредѣленіи пособій коммиссія приняла за правило открывать необходимую помощь лишь по точной провѣркѣ степени нужды тѣхъ школъ, которыя будутъ ходатайствовать о поддержкѣ, и не иначе, какъ черезъ посредство мѣстныхъ дѣятелей, извѣстныхъ коммиссіи и заслуживающихъ ея полнаго довѣрія. Помимо этого, коммиссія находитъ возможнымъ уполномочивать нѣкоторыхъ хорошо извѣстныхъ ей лицъ, ѣдущихъ въ пораженныя неурожаемъ губерніи, устраивать тамъ школьныя столовыя, снабжая ихъ необходимыми для этой цѣли средствами. Двое такихъ лицъ уже предложили коммиссіи свои услуги.

До 10-го февраля въ коммиссію поступило уже (не считая обязательно принятыхъ на себя многими лицами ежемѣсячныхъ взносовъ, въ общей сложности на сумму около 190 руб. въ мѣсяцъ) отъ единовременныхъ пожертвованій болѣе 2.000 рублей, и на эти средства удалось уже обезпечить устройство столовыхъ при девяти школахъ до 1-го августа въ

наиболѣе нуждающихся мѣстностяхъ: въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи (2 столовыя), въ Челябинскомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи (1), въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи (1), въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи (2), въ Воронежской губерніи Бирючинскаго уѣзда (1) и Коротоякскаго уѣзда (2).

Вполнѣ сознавая, какъ ничтожна эта помощь сравнительно съ размѣрами нужды, коммиссія прилагаетъ всѣ усилія къ увеличенію необходимыхъ денежныхъ средствъ, что дастъ ей возможность расширить кругъ своей дѣятельности. Предполагается устроить рядъ литературныхъ и музыкальныхъ вечеровъ; деньги собираются по квитанціоннымъ книжкамъ и подписнымъ листамъ. Кромѣ того, коммиссія расчитываетъ на пожертвованія со стороны лицъ, сочувствующихъ ея дѣятельности. Пожертвованія принимаются предсѣдателемъ коммиссіи Я. Г. Гуревичемъ, казначеемъ И. Ц. Лашкевичемъ, а также всѣми остальными членами коммиссіи. Отчеты о поступающихъ пожертвованіяхъ будутъ періодически печататься на страницахъ «Русской Школы».

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

„ОБРАЗОВАНІЕ“,

педагогическій и научно-популярный журналъ,

посвященный вопросамъ женскаго и мужскаго воспитанія и обученія.

Съ 1892 года редакція журнала «Женское Образованіе» измѣняетъ названіе на вышеприведенное и значительно расширяетъ программу и объемъ журнала, имѣя въ виду дать больше мѣста разработкѣ общихъ педагогическихъ вопросовъ, слѣдить за оживленнымъ педагогическимъ движеніемъ на Западѣ, а также за научными изслѣдованіями и открытіями, о которыхъ необходимо знать учительницамъ и учителямъ. Увеличенъ будетъ также отдѣлъ критики и библіографіи. Вопросы начальнаго (народнаго) и женскаго образованія, какъ наиболѣе существенные, попрежнему будутъ занимать въ журналѣ видное мѣсто. Вмѣсто прежнихъ 10 №№ въ годъ, въ 1892 году будетъ 12 №№, и каждая книжка вмѣсто прежнихъ 5 печатныхъ листовъ будетъ заключать болѣе 6 листовъ.

Въ редакціи принимаютъ дѣятельное участіе *П. Ѳ. Каптеревъ*, *В. П. Острогорскій*, *Д. Д. Семеновъ* и *А. Н. Страннолюбскій*.

Журналъ будетъ выходить **ежемѣсячно** книжками около шести печатныхъ листовъ каждая.

Подъ названіемъ «Историческая библіотека для учащихся» будетъ выходить въ концѣ каждаго года приложеніе къ журналу выпусками въ 10—15 печ. листовъ «Разсказы изъ Всеобщей исторіи съ иллюстраціями» *В. Д. Сиповскаго*. Подписчики «Женскаго Образованія» могутъ подписываться, приплачивая 1 руб. къ цѣнѣ журнала. Въ отдѣльной продажѣ «Историческая библіотека» будетъ стоить дороже.

ЦѢНА за годъ, т. е. за 12 №№, съ доставкой 5 р. (Для народныхъ учительницъ и учителей допускается взносъ подписной платы въ два срока). Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются 10 проц. уступки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ главной конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Гороховая, д. 18, въ кв. директора училища.

Редакторъ-издатель *В. Сиповскій.*

Въ видѣ приложеній къ журналу за прежніе годы были даны книги:

1) **«Родная старина»**, отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ Сост. В. Сиповскій. 1-я часть **третье** изданіе 1 р. 50 к.; 2-я часть **третье** изд. 2 рубля, 3-я **часть второе** изд., цѣна 2 р. 50 к. Во всѣхъ трехъ частяхъ болѣе 400 политипажей.

2) **«Природа и люди Австраліи»** сост. *А. Полкова.* Изящная книга 243 стр., 79 политипажей въ текстѣ. Цѣна книги 1 р. 50 к. (обѣ книги одобрены учебн. комитетомъ при С. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и внесены въ каталогъ книгъ, одобренныхъ Учен. комитетомъ М. Н. Пр. для ученическихъ библіотекъ).

3) Историческая библіотека для учащихся. **«Исторія древней Греціи»** въ разсказахъ и картинахъ была дана въ приложеніи къ журналу «Женск. Образов.», за 1890 г.) вып. 1-й цѣна 1 рубль.

Иногородныя лица, выписывающія эти книги изъ редакціи «Женск. Образов.» **за пересылку не платятъ.** Подписчики журнала могутъ получать въ редакціи названныя книги съ уступкою 20 процентовъ.

3—3

Печатается III томъ новой книги

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХЪ

(отъ начала русской образованности до нашихъ дней)

С. А. Венгерова.

Словарь состоитъ изъ краткихъ замѣтокъ о писателяхъ, отмѣчаемыхъ лишь ради полноты, или (если они наши современники) недостаточно еще опредѣлившихся, и изъ пространныхъ этюдовъ и монографій о писателяхъ, имѣющихъ литературное значеніе.

Кромѣ С. А. Венгерова, которому принадлежатъ статьи критическаго и историко-литературнаго характера, въ Словарѣ принимаютъ участіе спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія. Въ вышедшихъ 2 томахъ приняли участіе слѣдующія лица: проф. В. Александренко, проф. П. П. Алексѣевъ, проф. Д. И. Багалѣй, проф. А. И. Бодуенъ-де-Куртенэ, А. К. Бороздинъ, проф. Н. П. Вагнеръ, акад. В. Г. Васильевскій, академикъ В. П. Васильевъ, В. В., проф. П. В. Владиміровъ, прив. доц. Г. М. Герценштейнъ, проф. Н. Х. Гоби, прив. доц. М. Ю. Гольдштейнъ, В. А. Гольцевъ, проф. И. М Догель, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, проф. Н. О. Ковалевскій, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, М. О. Меньшиковъ, проф. Н. А. Меншуткинъ, проф. Ѳ Г. Мищенко, проф. И. В. Мушкетовъ, проф. В. В. Пашутинъ, А. Н. Петровъ, П. Н. Петровъ, проф. К. Н. Поссе, Э. К. Радловъ, Л. З. Слонимскій, Владиміръ Соловьевъ, А А. Титовъ, проф. С И.. Чирьевъ, проф. В. А. Яковлевъ.

Словарь прежде выходилъ выпусками въ 3 печатн. листа (48 страницъ). Теперь-же выходитъ томами въ 30 печ. листовъ (480 страницъ). Ц. 2 р. 50 к., и 3 р. съ пересылкою.

Въ теченіе 1892 года предположено выпустить III и IV томъ.

Цѣна I тома (вып. 1—21) 5 р. 25 к., съ пересылкою 6 р. 30 к.
II тома—2 р. 25 к., съ пересылкою—2 р. 70 к.

Для служащихъ, представляющихъ ручательство казначеевъ, допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ.

Иногородные обращаются исключительно по адресу: С.-Петербургъ, Серпуховская, 2. Семену Афанасьевичу Венгерову.

Открыта подписка на III и IV томы

по 2 руб. 50 коп. за томъ и по 3 руб. съ пересылкою.

3—3

ЖУРНАЛЪ АКУШЕРСТВА И ЖЕНСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ,

органъ акушерско-гинекологическаго общества

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

издаваемый подъ редакціею

председателя и секретаря Общества

и

академика **А. Я. Крассовскаго**, профессора **К. Ф. Славянскаго** и доцента **И. И. Смольскаго**.

Будетъ выходить въ 1892 году ежемѣсячно книжками въ 4—6 печатныхъ листовъ. Программа: 1) Оригинальныя статьи, лекціи и казуистика (русскія и переводныя), 2) Рефераты, 3) Критика и библіографія, 4) Протоколы засѣданій Акушерско-гинекологическаго Общества въ С.-Петербургѣ, 5) Корреспонденціи, 6) Объявленія.

Подписная цѣна для иногородныхъ съ доставкою 8 р. за годъ, для городскихъ—7 р. 50 к., безъ доставки 7 р. Подписка принимается въ редакціи: С.-Петербургъ, Пушкинская ул., 10, кв. 32, у д-ра А. К. Гермоніуса. Отдѣленіе конторы при книжномъ магазинѣ Н. П. Петрова (Нижегородская ул., 15). Статьи присылаются, обязательно за подписью авторовъ, въ редакцію или на имя одного изъ редакторовъ: А. Я. Крассовскаго (Надеждинская, д. № 5), или К. Ф. Славянскаго (Литейный пр., д. № 24, кв. № 15). Объявленія принимаются по соглашенію съ редакцію. О поступленіи въ редакцію книгъ и брошюръ, присылаемыхъ авторами, будетъ заявляемо въ ближайшемъ номерѣ журнала. Подписка принимается только на годъ. Разсрочка и коммиссіонерская уступка не допускаются. Оставшіеся экземпляры за 1887, 1888, 1889 и 1890 года можно получать въ редакціи по 5 руб. за годъ. 3—2

*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1892** г.

НА

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ.

8-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ изданіе съ рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ, сверхъ того, при каждомъ нумерѣ не менѣе двухъ листовъ исполнительныхъ чертежей и образцовыхъ рисунковъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособеній и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимися.

«РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА» необходима спеціальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремеслъ и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т. е. во всякомъ семействѣ.

Въ «Ремесленной Газетѣ» постоянно помѣщаются рисунки и чертежи самыхъ модныхъ образцовъ по слѣдующимъ ремесламъ: столярному, драпировочному, портновскому (моды Русселя), сапожно-башмачному, кузнечному, слесарному, токарному и пр. При этомъ въ общепонятномъ изложеніи даются надлежащія описанія, указанія и рецепты практическаго свойства.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ «Ремесл. Газетѣ» будетъ помѣщенъ рядъ описаній: различныхъ ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

Кромѣ **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ** сообщеній о различныхъ заграничныхъ новостяхъ редакція будетъ давать **БЕЗПЛАТНО** отвѣты и совѣты на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ спеціальности.

Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ ремесламъ, Редакція располагаетъ лучшими изъ помѣщенныхъ въ ней статей и рисунковъ и даетъ возможность своимъ подписчикамъ пользоваться массою полезнаго, необходимаго и дорогаго (многимъ недоступнаго) матеріала за крайне дешевую цѣну.

Редакція имѣетъ спеціальныхъ корреспондентовъ за границей въ большихъ промышленныхъ центрахъ, получаетъ отъ нихъ лучшіе образцы новѣйшихъ издѣлій и множество рисунковъ съ описаніями.

«РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА» даетъ своимъ подписчикамъ, а именно: **50 №№ ВЪ ГОДЪ**, содержащихъ до 1000 статей со множествомъ рисунковъ (гравюръ) въ текстѣ и

БОЛѢЕ СТА листовъ приложеній (замѣняющихъ преміи къ «Рем. Газ.»), которыя отдѣльно стоятъ въ розничной продажѣ **СВЫШЕ 20 р. с.**—Изящно иллюстрированный календарь.

